

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Противодействие идеологии терроризма в образовательной сфере и молодежной среде

СБОРНИК СТАТЕЙ

Составитель В.В. Каберник

Москва
Издательство «МГИМО-Университет»
2019

УДК 323/324
ББК 66.3(2Рос)3
П83

П83 Противдействие идеологии терроризма в образовательной сфере и молодежной среде : сборник статей / составитель В.В. Каберник ; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. — Москва : МГИМО-Университет, 2019. — 129, [1] с.

ISBN 978-5-9228-2204-6

Сборник статей подготовлен по материалам Всероссийского форума «Противдействие идеологии терроризма в образовательной сфере и молодежной среде», состоявшегося 23–24 сентября 2019 г. в Москве. В нем затрагиваются важнейшие вопросы, раскрывающие источники и причины распространения радикальной идеологии. Авторы наряду с глубокой аналитической проработкой проблемы предлагают новые подходы и методы, а также высказывают свои рекомендации, нацеленные на повышение эффективности организации работы органов исполнительной власти, образовательных организаций, правоохранительных структур, институтов гражданского общества по предупреждению и пресечению проявлений идеологии терроризма и экстремизма в образовательной сфере и молодежной среде.

УДК 323/324
ББК 66.3(2Рос)3

ISBN 978-5-9228-2204-6

© МГИМО МИД России, 2019
© Каберник В.В., составление

СОДЕРЖАНИЕ

Авакьян М.В.

Профилактика терроризма в образовательной среде:
основные формы реализации и перспективы развития..... 4

Тихомиров С.Н.

О профилактике экстремизма в образовательной сфере
и молодежной среде в контексте психолого-педагогических
исследований 11

Гарин И.Ю.

Методологический подход и базовые принципы в организации
профилактической работы по противодействию идеологии
экстремизма и терроризма в студенческой среде 18

Лапина И.Ю., Каргапольцев С.Ю.

Роль и задачи социально-гуманитарного комплекса дисциплин
в противодействии распространению идеологии терроризма
в студенческой среде..... 34

Минаев В.А., Федорович В.Ю.

Моделирование информационного противодействия терроризму
и экстремизму: территориальный аспект 50

Гаджигасанова Н.С.

Особенности межэтнических представлений и социальных практик
учащейся молодежи в контексте вузовского образования
(на примере обучающихся ЯрГУ им. П.Г. Демидова) 59

Дорошенко Е.И.

Стратегические коммуникации как способ профилактики
и противодействия идеологии ИГИЛ в информационном пространстве 72

Сундиев И.Ю.

Информационно-когнитивные механизмы социальной деструкции..... 83

Протопопова А.Б.

Психологические особенности террористических, деструктивных
и экстремистских групп..... 103

Каберник В.В.

Инновации в методах вербовки, используемых террористическими
организациями в цифровой среде..... 117

Тимофеева О.А.

Пропаганда и контрпропаганда в задачах противодействия
идеологии терроризма и экстремизма..... 125

Профилактика терроризма в образовательной среде: основные формы реализации и перспективы развития

Авакьян Михаил Владимирович

директор учебно-методического центра по профилактике терроризма, доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и правовой информатики ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта» (Калининградская область)

В соответствии с содержанием Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации № 683 от 31.12.2015 г., деятельность террористических и экстремистских организаций, а также радикальных общественных объединений и группировок, использующих националистическую и религиозно-экстремистскую идеологию, отнесена к одним из основных угроз государственной и общественной безопасности Российской Федерации.

В правовом аспекте терроризм неизбежно сопряжен с совершением уголовно-наказуемых деяний, которые могут угрожать жизни, физическому и психическому здоровью неограниченного круга лиц.

Кроме того, террористические акты с точки зрения общественно опасных последствий представляют особую угрозу для государства и общества за счет опосредованного психологического воздействия, выраженного в чувстве страха, беззащитности и тревоги у лиц, не являвшихся объектами посягательства и узнавшими о произошедшем акте через средства массовой информации.

Сфера образования в контексте проблематики терроризма играет существенную роль и может быть рассмотрена с различных сторон.

Так, образовательная организация может выступать в качестве объекта посягательства при совершении террористического акта. Не требуют подробного описания трагические события, произошедшие пятнадцать лет назад в Северной Осетии, поскольку они хорошо известны и не оставили равнодушным ни одного гражданина Российской Федерации.

Между тем, образовательные организации могут так же позиционироваться террористами как места для поиска и привлечения новых adeptов.

В настоящее время мы живем в мире, где значительная часть повседневных вопросов и задач разрешается в киберпространстве. Зачастую там же осуществляется вербовка новых членов в террористические организации. Так, усовершенствование информационных технологий, связанное с появлением и распространением

социальных сетей, обеспечило террористическим организациям обратную связь с потенциальными новобранцами, а также предоставило возможность сегрегировать рекрутов с точки зрения профессиональных навыков.

В частности, профессор из Канады Миа Блум отмечает, что усилия филиалов «Аль-Каиды» были сфокусированы на онлайн-вербовке преподавателей и студентов технических колледжей, а международная террористическая организация «Исламское государство¹» после образования «халифата» в июне 2014 года аналогичным образом осуществляла набор врачей, медсестер, инженеров и специалистов в области информатики. [1, p. 605–606]

В 2016 году вышеупомянутая террористическая организация запустила в мессенджере Telegramm канал связи с «учеными Исламского государства» с целью формирования группы квалифицированных специалистов способных провести исследования в интересах «военной промышленности организации». [7, p.105]

Таким образом, высшие учебные заведения потенциально могут рассматриваться террористами как точки сосредоточения научного потенциала и человеческого ресурса, которые можно использовать в террористической деятельности. При этом, несмотря на то, что в группе риска лиц, наиболее сильно подверженных влиянию идеологии терроризма, по большей части находятся молодые люди в возрасте от 15 до 30 лет, объектами вербовки могут стать и представители профессорско-преподавательского состава.

Для недопущения развития вышеописанных негативных сценариев в образовательных организациях необходимо на систематической основе вести профилактическую работу антитеррористической направленности.

Основные принципы такой деятельности определены Комплексным планом противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019-2023 годы, утвержденным Президентом Российской Федерации 28 декабря 2018г. № Пр-2665. Однако, выступая в роли «дорожной карты», комплексный план предоставляет субъектам профилактической работы определенную автономию, право самостоятельно определять наиболее оптимальные формы, способы, места и временные рамки для осуществления антитеррористической профилактики.

В этой связи представляется необходимым осветить опыт Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта в области антитеррористической профилактики, которая в настоящее время осуществляется по трем основным направлениям: научно-исследовательская деятельность; учебно-методическая деятельность; творческие проекты и акционизм.

¹ Организация, запрещенная на территории Российской Федерации.

В рамках **научно-исследовательской деятельности** за последние три года на материально-технической базе университета было проведено значительное количество научно-практических мероприятий антитеррористической направленности, включающих в себя в конференции, форумы, дискуссионные площадки и круглые столы.

Отдельного упоминания заслуживает проведенная в октябре 2017 года конференция «Противодействие терроризму и экстремизму: ситуационный подход (в условиях организации и проведения крупных спортивных мероприятий, с учетом геополитического положения региона), объединившая 130 исследователей и юристов-практиков из 17 регионов Российской Федерации, а также из Литовской Республики, Польши, Республики Беларусь, Республики Казахстан и США. По итогам выступлений был издан сборник научных статей. [5]

Помимо этого, представители профессорско-преподавательского состава университета активно ведут фундаментальные научные исследования напрямую или косвенно связанные с противодействием терроризму. [6, 2, 8]

Антитеррористическая тематика нередко становится предметом научного интереса студентов-юристов в рамках выполнения выпускной квалификационной работы бакалавра или при написании магистерской диссертации. В исключительных случаях продолжение научных изысканий по данной проблематике реализуется в виде диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук. [3, 4]

Кроме того, в университете издаются научно-периодические журналы «Балтийский регион» (индексируется Scopus и Web of Science, входит в ядро РИНЦ) и «Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта» (входит в перечень изданий, рекомендуемых ВАК Минобрнауки РФ), где нередко можно встретить публикации, посвященные вопросам обеспечения безопасности, в том числе, в контексте имеющихся террористических угроз.

Творческое направление в области профилактики идеологии терроризма по большей части реализуется силами Центра студенческих арт-проектов БФУ им. И. Канта, который нацелен на то, чтобы дать возможность студентам получить дополнительные навыки и заниматься творчеством в стенах родного университета.

В своей деятельности центр ставит перед собой задачу по созданию в университетской среде условий для развития творческого потенциала студентов и по формированию в университетском сообществе «творческой личности». Последнее обуславливает необходимость развития у учащихся: творческого мышления; демонстрации разносторонности, гибкости и оригинальности; креативности и вариативности мышления; способности к

конструктивному самовыражению; умения самостоятельно принимать нестандартные решения.

Также в БФУ им. И. Канта на регулярной основе проводятся мемориальные акции, направленные на формирование у студентов и представителей профессорско-педагогического состава университета стойкого и неприязненного отношения к любым формам радикализма, экстремизма и ксенофобии. В частности, можно отметить акцию, которая ежегодно проходит в университете, в память о трагических событиях 2004 года под названием «Помним Беслан».²

Кроме того, наглядной иллюстрацией творческого подхода БФУ им. И. Канта к профилактике экстремизма и терроризма является печатная продукция в виде буклетов и брошюр для свободного распространения, которая была разработана по заказу регионального правительства.³

Учебно-методическое направление антитеррористической профилактики БФУ им. И. Канта включает в себя как работу со студентами, так и с преподавателями.

Для студентов регулярно проводятся интерактивные мастер-классы, а также открытые лекции и семинарские занятия с приглашением в качестве спикеров сотрудников правоохранительных органов и (или) видных религиозных деятелей.⁴

Также в стенах университета осуществляется активная профилактическая работа и со студентами, прибывшими из стран с повышенной террористической опасностью. Для данной категории обучающихся проводятся научно-практические семинары и лекционные занятия, где до сведения аудитории доводятся сущность, содержание и особенности антитеррористического законодательства Российской Федерации. Данные занятия в качестве обязательного условия предполагают наличие обратной связи, либо в формате открытой дискуссии, либо в порядке индивидуального обращения студента в Учебно-методический центр по профилактике терроризма БФУ им. И. Канта.

Обращаясь к вопросу профилактики терроризма среди педагогического состава, следует отметить, что у БФУ им. И. Канта имеется опыт разработки и успешной реализации дополнительной профессиональной образовательной программы «профилактика

² 15 лет трагедии в Беслане: в БФУ им. И. Канта почтили память погибших // Официальный сайт БФУ им. И. Канта/ <https://www.kantiana.ru/news/151/259968/>

³Макет брошюры «Что такое экстремизм и как ему противостоять» // https://www.kantiana.ru/upload/iblock/ad1/broshura_A5_Chto_takoe_ekstremizm_sm.pdf

⁴ В БФУ им. И. Канта прошла лекция «Российское мусульманство: история и современность»// Официальный сайт БФУ им. И. Канта/ <https://www.kantiana.ru/news/151/234404/>

экстремизма и терроризма» для преподавателей ВУЗов, а также аналогичной программы для педагогических работников системы общего образования. Указанные проекты были разработаны по заданию Правительства Калининградской области в 2017 году.⁵ В роли лекторов (ровно, как и в роли разработчиков) выступили члены кафедры уголовного процесса, криминалистики и правовой информатики Юридического института БФУ им. И. Канта, а также представители правоохранительных органов. Учебный план предлагаемого для освоения курса содержал три раздела из пяти модулей, при этом последний раздел был обозначен составителями программы как «вариативный» и предоставлял слушателям право выбора модуля в соответствии с профессиональными дефицитами или интересами. В целях эффективного повышения квалификации в области профилактики экстремизма и терроризма при разработке каждой дополнительной профессиональной программы составителями целенаправленно закладывалась необходимость использования лекторами наиболее современных педагогических технологий. В результате разработанные программы в качестве неотъемлемого условия предусматривают: использование дистанционных образовательных технологий; обеспечение модульного обучения; применение кейс технологий; освоение и использование ситуационного подхода; реализацию игровых технологий и иных интерактивных методов обучения. Нормативный срок освоения каждой программы составил 72 часа, из которых 36 было отведено на дистанционную часть, выполняемую слушателями в режиме «online» (аналогичным образом обеспечивалась устойчивая обратная связь с преподавателями и коммуникация обучающихся между собой). Как итог, более ста педагогических работников Калининградской области (как преподаватели из системы общего образования, так и представители ВУЗов) в ходе повышения квалификации получили навыки выявления признаков экстремистского поведения у учащихся, а также навыки по организации систематической работы в области профилактики экстремизма и терроризма в молодежной среде.

С учетом полученного опыта и имеющегося научно-методического потенциала в настоящее время в университете ведется активная дискуссия о разработке модернизированного курса повышения квалификации в области профилактики идеологии терроризма, ориентированного исключительно на педагогический состав БФУ им. И. Канта.

⁵ Повышение квалификации в области профилактики экстремизма и терроризма. // Официальный сайт БФУ им. И. Канта / Научная школа криминалистической ситуалогии БФУ им. И. Канта / <https://www.kantiana.ru/situology/counteraction-to-extremism/meropriyatiya/217094/>

В части иных перспектив развития антитеррористической профилактики следует отметить, что 29 апреля 2019 года в целях реализации Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 годы ученым советом БФУ им. И. Канта был учрежден учебно-методический центр по профилактике терроризма.

Данный центр является постоянно действующим структурным подразделением университета, созданным в целях организации разработки учебно-методических и научных материалов по актуальным вопросам противодействия идеологии экстремизма и терроризма с учетом развития обстановки в указанной сфере.

Основными задачами центра на текущем этапе развития являются:

1. мониторинг информации о состоянии идеологии экстремизма и терроризма и тенденциях ее развития на территории Российской Федерации

2. разработка учебно-методических материалов по актуальным вопросам противодействия идеологии экстремизма и терроризма;

3. анализ актуальных форм противодействия экстремизму и терроризму, реализуемых в различных высших учебных заведениях на территории Российской Федерации и за рубежом;

4. внедрение в деятельность Университета передового опыта по противодействию экстремизму и терроризму;

5. планирование и осуществление мероприятий по профилактике экстремизма и терроризма в Университете;

6. разработка и проведение курсов повышения квалификации государственных и муниципальных служащих, а также иных работников, участвующих в рамках своих полномочий в реализации мероприятий по противодействию идеологии терроризма;

7. координация деятельности Университета с органами исполнительной власти и правоохранительными органами, уполномоченными в силу закона осуществлять правовое противодействие проявлениям экстремизма и терроризма, в целях достижения согласованности действий по обеспечению безопасности.

Согласно положению работы, в Центре выполняются: профессорско-преподавательским составом Университета; докторантами, аспирантами, магистрантами, стажерами-исследователями Университета; а также студентами в ходе выполнения курсовых, выпускных квалификационных работ, других исследовательских работ, предусмотренных учебными планами.

Вместе с тем к выполнению научных работ могут привлекаться сотрудники работники других институтов, научных учреждений, организаций и предприятий. В этой связи БФУ им. И. Канта рассчитывает

на расширение научно-исследовательских связей в области профилактики терроризма и призывает всех к активному сотрудничеству.

Литература

1. Bloom M. Constructing Expertise: Terrorist Recruitment and “Talent Spotting” in the PIRA, Al Qaeda, and ISIS / *Studies in Conflict & Terrorism*, 2017. Vol. 40, № 7. P. 605-606.

2. Волчецкая Т.С., Загоскин А.В. Современные проблемы профилактики терроризма и экстремизма и пути их решения с позиций ситуационного подхода. // В сборнике: Материалы Всероссийской научно-практической конференции "Противодействие терроризму и экстремизму: ситуационный подход (в условиях организации и проведения крупных спортивных мероприятий, с учетом геополитического положения региона и др.)". – 2017. – С. 6-14.;

3. Воткин В.А. Особенности первоначального этапа расследования разбоев (по материалам Северо-Кавказского федерального округа): дис. ... канд. юрид. наук. – Калининград, 2018. – 251с.

4. Еремин Д.С. Методика расследования преступлений, связанных с политическим экстремизмом: на материалах Северо-Кавказского региона: дис. ... канд. юрид. наук. – Калининград, 2016. – 231с.

5. Ситуационный подход в решении современных проблем противодействия терроризму и экстремизму: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Противодействие терроризму и экстремизму: ситуационный подход (в условиях организации и проведения крупных спортивных мероприятий, с учетом геополитического положения региона) / Под ред. Т.С. Волчецкой. — Калининград: Изд-во БФУ им. И.Канта, 2017. – 226 с.

6. Тарасов И.Н. Правый радикализм и факторы ксенофобских социальных практик в Венгрии и Словакии: сравнительный анализ. // *Сравнительная политика*. – 2017; — 8(1) – с.33-43;

7. Tonnessen T.H. Islamic State and Technology – A Literature Review / *Perspectives on Terrorism*. Vol. 11, Issue 6. December 2017. P. 105. // <http://www.terroristmanalysts.com>

8. Чальй В.А. Порядок и революция в политической философии Канта. // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. – 2017. – Т. 1. – № 2 (2). – С. 40-60.

О профилактике экстремизма в образовательной сфере и молодежной среде в контексте психолого-педагогических исследований

Тихомиров Сергей Николаевич

профессор кафедры педагогики Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (г. Москва)

Внимание к проблемам молодежи, как самого мобильного и в то же время социально неадаптированного пласта общества, является не случайным, учитывая сложность и противоречивость ситуации в современном обществе, одной из характеристик которого является резко возросший уровень экстремизма. Профилактика экстремизма студенческой молодежи представляет собой сложную систему «педагогического воздействия, осуществляемого в условиях досуга, структура разработанной модели основана на сочетании и взаимодействии всех сторон социально-педагогического процесса – содержания, методов, форм его организации и т. д., что позволяет достигнуть необходимой эффективности в достижении цели, определить общее направление, содержание, совокупность и логику применяемых средств» [4].

Анализ реализации Федерального закона № 114-ФЗ от 25 июля 2002 года «О противодействии экстремистской деятельности», Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденных Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 года № 2403-р, Концепции общественной безопасности в Российской Федерации, утвержденной 20 ноября 2013 года Президентом Российской Федерации, – являются информационной базой исследования [5].

Социально-педагогическая значимость профилактики молодежного экстремизма, необходимость реализации поставленной научной проблемы и отсутствие научно обоснованных технологий в теории, методике и организации социально-педагогической деятельности, посвященных профилактике молодежного экстремизма, обусловили целесообразность выбора темы статьи. Задачи статьи – проанализировать понятие «экстремизм» с позиций социально-педагогической деятельности; показать содержательные черты молодежного экстремизма; изучить практики профилактики молодежного экстремизма в образовательной сфере и молодежной среде.

Операционализация понятия «экстремизм» тесно связана с социально-политическим состоянием общества. Неоднозначностью этого понятия во многом определяется достаточно большое количество разночтений. Абсолютно обусловленным является интерес исследователей различных научных направлений к феномену экстремизма – юридических,

социологических, психологических, педагогических и других наук. Такая ситуация определена многозначностью, противоречивостью и до сих пор недостаточной изученностью этого явления. Так, определение характера и сущности экстремистских проявлений, анализ направлений деятельности государственных и социальных институтов по выявлению и предотвращению проявлений экстремизма, статистический анализ и их количественный учет находится в поле зрения социологов. Интересом ученых-психологов и педагогов являются мотивы, провоцирующие социально опасное поведение личности. Интерпретация понятия «экстремизм» с позиций нормативных правовых актов, законодательное закрепление определения этого явления является сферой юриспруденции. В целом можно достоверно утверждать отсутствие единой позиции в смысловой интерпретации понятия «экстремизм».

С позиций данного исследования было важным проанализировать формы проявления молодежного студенческого экстремизма в сфере молодежного досуга. Было предпринято осмысление проблемы на трех уровнях: философском, общенаучном и конкретно-научном. Теоретико-методологической основой нашего исследования на философском уровне стали воззрения на сущность и социальные предпосылки досуга Аристотеля, Н. А. Бердяева, М. С. Кагана и др., методологические основы формирования личности и роль деятельности как основы личностного развития Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна и др. На общенаучном уровне мы опирались учения о направлениях и условиях формирования личности, развития ее способностей (Б. В. Асафьев, А. А. Бодалев, П. Ф. Лесгафт, И. Н. Трофимова); исследования, посвященные методологии возрастной психологии (Л. С. Выготский, И. Кон, Н. Леонтьев, Л. Ф. Обухова, В. А. Сластенин); исследования в области психологии и педагогики, посвященные различным аспектам диагностики развития психических процессов и личности (В. В. Бойко, Л. С. Выготский, В. И. Слободчиков, Д. И. Фельдштейн). Конкретно-научный уровень представлен трудами по различным аспектам социально-культурной деятельности М. А. Ариарского, И. Арнольдова, Д. М. Генкина, А. Д. Жаркова, Ю. А. Стрельцова, В. Е. Триодина, Н. Н. Ярошенко и др.; подходами, формирующими культуру межнациональных отношений, выявление проблем общения и социальной зрелости личности, и, в частности, педагогические аспекты этих проблем (А. Н. Джуринский, В. И. Матис и др.). Основными источниками молодежного экстремизма в России являются, прежде всего, социально-политические факторы: кризис социально-политической и экономической системы; социокультурный дефицит и криминализация массовой культуры; распространение социальных проявлений «ухода из жизни»; отсутствие альтернативных форм проведения досуга; кризис школьного и семейного воспитания. Все

это позволяет утверждать, что основной круг проблем, с которыми приходится иметь дело молодежи в России, лежит в сфере конфликтных отношений, прежде всего в семье и в отношениях со сверстниками. Большую роль также играют личностные факторы, такие, как деформация системы ценностей, «нездоровая» среда общения, преобладание досуговых ориентаций над социально полезными, неадекватное восприятие педагогических воздействий, отсутствие жизненных планов [8; 10].

Следует особо выделить изыскания в области проблемы молодежного экстремизма и труды методологов и практиков в сфере досуговой деятельности, рассматривавших методы реализации проектной деятельности (Е.И. Григорьева, Ю.Д. Красильников, Е.О. Кубякин, А.В. Кузьмин, И.В. Малявкина, Г.Н. Новикова, Г.К. Селевко, Л.Е. Судоргина и др.).

Для более полной характеристики и классификации использованных источников и литературы рассмотрим их подробнее. Феномен «Манежной площади-2010» привлек пристальное внимание общественности к проблеме молодежного экстремизма в России. Одни настаивают на юридическом определении, другие подразумевали под ним любой вид политического насилия, третьи готовы относить к экстремизму почти все, вплоть до забастовок и неправильного перехода улицы [4; 10]. Мониторинг состояния изученности проблемы выявил наличие определенного количества трудов, осветивших вопросы осмысления сущности понятия «экстремизм». Так, вопросам методологии изучения экстремизма посвящены труды А.Г. Никитина, А.В. Римского, С.А. Сергеева, К.Б. Толкачева, С.И. Чудинова. Среди исследований, проведенных зарубежными авторами, мы выделяем труды в области общеметодологических проблем терроризма и экстремизма Дж. Белла, Б. Дженкинса, Ч. Добсона, Д. Карлтона, У. Лакера, Р. Пейна, А. Шмидта, П. Уилкинсона и др. Различные формы проявления экстремизма (религиозного, политического, национального, информационного и т.д.) были проанализированы в трудах Н.Б. Бааль, А.Ю. Евтюшкина, В.Э. Мозгового, Е.П. Олиференко, Е.П. Сергуна, К.М. Ханбабаева. Вопросы предупреждения проявлений экстремизма в молодежной среде с позиций криминологии, социологии, психологии и других наук были рассмотрены в трудах А.В. Кузьмина, С.Е. Пролетенковой, Е.В. Сальникова, А.А. Свиридова, О.А. Селивановой, Ю.В. Сергеевой, М.А. Хадысова, С.Н. Фридинского.

Изучению сущности феномена экстремизма в молодежной среде посвятили свое внимание такие ученые, как Ю.М. Антонян, Н.Б. Бааль, С.В. Векленко, А.И. Долгова, Ю.Н. Зеленев, Е.О. Кубякин, А.В. Кузьмин, Н.Ф. Кузнецова, Г.М. Миньковский, Е.П. Олиференко, К.Н. Поливанова,

К.Н. Салимов, Ю.В. Сергеева, К.Н. Шевелев, И.И. Щиголов, П.М. Якобсон и др.

Для уточнения сущности экстремизма и учитывая его сложность и многозначность, нами был проведен его разносторонний анализ, затрагивающий политический, социологический, юридический и др. контекст: от приверженности к крайним взглядам и мерам, насильственного принуждения всего общества к диктатуре на идеократической основе (Г.С. Ентелис), противоправной деятельности, способной причинить существенный вред основам конституционного строя или конституционным основам межличностных отношений (А. Верховский), неприятия основополагающих принципов демократии (А.Г. Никитин) до понимания экстремизма как негативных установок, ненависти, неприязни, одобрения радикальных действий по отношению к представителям других национальностей (Н.Б. Бааль), неприятия консенсуса, прав личности и ее самооценности (С.Н. Тихомиров), социально активного, позитивно отклоняющегося, основанного «на крайних оценках существующих общественных отношений и их участников поведения, не запрещенного правом и допустимого им в части обеспечения неотъемлемых прав и свобод человека и гражданина» [3; 6; 7; 10; 12].

В результате проведенного анализа обозначенных выше исследований, было уточнено понятие «экстремизм» с позиций социально-педагогической деятельности как деструктивное явление, представляющее собой общественно опасную противоправную деятельность, попирающую законы демократии, права, свободы личности и гражданина. В отличие от юриспруденции, исследователи в сфере социально-педагогической деятельности включают в понятие «экстремизм» не только делинквентное поведение, а широкий круг социальных девиаций, терпимость и одобрение общественно опасного поведения [12, с 35].

Поскольку экстремизм является не только угрозой национальной безопасности России, ее целостности, но опасен и для институтов демократии, формирующегося гражданского общества, то противодействие ему вызвано объективным стремлением к социальной и политической стабильности. Наиболее конфликтогенным регионом России, как показали недавние теракты, остается Южный Федеральный округ, где угроза распространения политического и религиозного экстремизма служит объективной предпосылкой роста экстремистских молодежных организаций Юга России. Это приводит к сохранению и усилению конфликтогенных доминант: мигрантофобии, этноконфессионального экстремизма, шовинизма и отчасти расизма [6; 11; 13].

Были выявлены факторы, провоцирующие молодежь к проявлениям экстремизма – определенные социально-экономические условия, в которых оказывается тот или иной молодой человек, аддиктивное поведение,

провоцирующее стремление к уходу от действительности путем изменения своего психического состояния, спровоцированного употреблением различных психоактивных веществ и др.

Профилактика молодежного экстремизма с позиций нашего исследования была определена как сложная система педагогического воздействия, осуществляемого в условиях досуга, основанная на сочетании и взаимодействии всех сторон социально-педагогического процесса — содержания, методов, форм его организации и т. д. Определенным аспектам социально-профилактической деятельности в подростковой и молодежной среде уделено внимание отечественных ученых-педагогов — Ш.А. Амонашвили, Б.Г. Ананьева, В.С. Афанасьева, Л.С. Выготского, А.А. Габани, А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинского, Д.Б. Эльконина и др. К факторам, провоцирующим молодежь к проявлениям экстремизма, были отнесены определенные социально-экономические условия, в которых оказывается тот или иной молодой человек. Среди предпосылок формирования экстремистского поведения отдельную позицию занимает деструктивная форма, представляющая собой аддиктивное поведение (от лат. *addiction* – пагубная привычка, порочная склонность), провоцирующая стремление к уходу от действительности путем изменения своего психического состояния, через употребление различных психоактивных веществ [3; 7; 8].

Интерес с позиций данного исследования представляют труды известных ученых в области психологии и педагогики, где были рассмотрены вопросы особенностей психофизиологического развития человека (Л.С. Выготский, И.В. Дубровин, И.С. Кон и др.). Вопросы анализа социально-педагогических оснований организации свободного времени представителей различных социально-демографических групп и, как особой социальной категории, – молодежи, посвящены работы Р.Н. Азаровой, И.Н. Ерошенкова, М.Б. Зацепиной, Т.С. Комаровой, Г.В. Олениной, Э.В. Соколова, Б.А. Титова, С.А. Шмакова и др.

Проблемы разработки комплекса технологий социально-педагогической деятельности, а также основы межкультурного взаимодействия, вопросы художественно-творческой деятельности рассмотрены в работах Т.И. Баклановой, С.Б. Брижатовой, Т.И. Головки, Е.И. Григорьевой, В.И. Матиса, В.П. Пешковой, Г.К. Селевко, Е.И. Смирновой, Ю.А. Стрельцова. В трудах этих ученых основными содержательными чертами молодежного экстремизма были определены высокая демонстративность, агрессия (физическая, вербальная, психологическое давление и травля); повышенная криминогенность, высокая неумеренность и эскалация насильственных форм, протестный характер, отсутствие толерантности и негативное отношение к каким-либо «социальным группам (обычно к другим национальностям); пропаганда

своих идей, демонстрация символики, своего превосходства; неприятие социальных норм и ценностей окружающих людей, игнорирование законов; массовость, групповой характер экстремистских проявлений, а также многообразие форм проявления» [1; 2; 11].

Для противодействия экстремизму в молодежной среде важны ряд шагов в духовной и образовательной сфере. К ним относятся: формирование социальной ответственности молодежи; ориентированность учебно-воспитательной деятельности на формирование социально значимых качеств личности; актуализация межэтнической толерантности; организация свободного времени молодежи. Среди работ, посвященных теоретическому и эмпирическому осмыслению оптимизации деятельности в области организации подростково-молодежного досуга, следует выделить исследования М.А. Ариарского, Г.М. Бирженюка, А.П. Маркова, А.А. Сукало, В.Я. Суртаева, Б.А. Титова, С.Н. Тихомирова и др.

В работах исследователей в сфере социально-культурной деятельности (М.А. Ариарского, Т.И. Баклановой, А.Д. Жаркова, Л.С. Жарковой, С.Н. Иконниковой, Р.А. Литвак, А.В. Соколова, Ю.А. Стрельцова, В.Я. Суртаева, В.М. Чижикова, Н.Н. Ярошенко и др.) анализируются воспитательный потенциал, функции, принципы, средства социально-культурной деятельности, а также методы влияния социально-культурной деятельности на становление личности, необходимость включения потенциала социально-культурной деятельности в практику работы с молодежью, формирование ее личностных качеств, необходимость специально организованной работы по профилактике этнического экстремизма, формированию среди молодежи «культуры межнационального общения как совокупности специальных знаний, позволяющих на основе межкультурной компетентности быстро и безболезненно достигать взаимопонимания и согласия в общих интересах» [13, с. 144].

В целом анализ литературы по проблеме показал, что, несмотря на имеющиеся разночтения в трактовке понятия «экстремизм», подавляющее большинство ученых сходится в понимании социальной опасности этого явления, в понимании экстремизма как угрозы современному обществу, проблемы, требующей целого комплекса действий различных институтов (общественных, государственно-политических, юридических, социальных и других), анализа причин возникновения его различных проявлений, поиска путей профилактики данного негативного явления, включающего вовлечение молодежи в социально-одобряемую деятельность.

Литература

1. Бааль Н.Б. Молодежные экстремистские организации в постсоветской России // История государства и права. 2007. № 11. С. 26.

2. Верховский А. Цена ненависти. Национализм в России и противодействие расистским преступлениям. М., Эксмо. 2009. С. 44–47.
3. Ентелис Г.С., Щипанова Г.Д. Протестный потенциал российской молодежи. М., Юрайт. 2007. С. 27;
4. Кирсанов А. И., Давыдов Д. Г., Завальский А. В., Скрибцова Н. А. Экстремизм в молодежной среде и его профилактика в образовательной организации (по результатам экспертного опроса) // Психологическая наука и образование psyedu.ru. — 2014. — Т. 6, № 1. — URL: http://psyedu.ru/journal/2014/1/Kirsanov_Davydov_Zavalskij_Skrib.phtml.
5. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации, утвержденная 20 ноября 2013 года Президентом Российской Федерации [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/19653>.
6. Козлов А.А. Молодежный экстремизм. СПб., Питер. 2008. — 498 с.(76).
7. Никитин А.Г. Виды и классификации экстремистского поведения: общетеоретические и правовые проблемы // Актуальные проблемы экономики и права. — 2014. — № 1 (29). — С. 186–194.
8. Сингач А.Н. Профилактика молодежного экстремизма проектными технологиями социально-культурной деятельности // Научное обозрение: реф. журн. — 2016. — № 2. — С. 49–53.
9. Тамаев Р.С. Экстремизм и национальная безопасность. – М., 2009.
10. Терроризм как социально-политическое явление. Противодействие в современных условиях: монография / Ю.В. Бельский и др. — М., 2018. — 367 с.
11. Тихомиров С.Н. Современные концепции безопасности российского образовательного пространства. В сборнике: Совершенствование профессиональной и нравственной культуры курсантов и слушателей в образовательных организациях системы МВД России. Сборник научных трудов межвузовской конференции и всероссийского семинара. — 2018. — С. 101–103.
12. Тихомиров С.Н. Представления подростков о допустимом и девиантном поведении в рискогенном обществе // Международный журнал психологии и педагогики в служебной деятельности. 2018. № 1. С. 33–37.
13. Экстремизм: социальные, правовые, и криминологические проблемы/ под ред. А.И. Долговой. — М., 2010.

Методологический подход и базовые принципы в организации профилактической работы по противодействию идеологии экстремизма и терроризма в студенческой среде

Гарин Игорь Юрьевич

директор Центра мониторинга и профилактики девиантного поведения ФГБОУ ВО Санкт-Петербургский государственный морской технический университет (г. Санкт-Петербург)

Мир уже давно находится в условиях глобальной войны, которую сегодня принято называть гибридной войной. «В современных конфликтах все чаще акцент используемых методов борьбы смещается в сторону комплексного применения политических, экономических, информационных и других невоенных мер, реализуемых с опорой на военную силу. Это так называемые «гибридные» методы» — считает начальник Генерального штаба ВС РФ генерал армии В.В. Герасимов. [2]. Развивая тему «гибридный войн», кандидат военных наук А.А. Бартош подчеркивает, что «Война между государствами с масштабным применением насилия становится анахронизмом, а на смену ей идут «новые войны», в основу которых положен принципиально иной тип организованного насилия, для которого характерна смесь войны, организованной преступности, террористических атак и массированного воздействия информационно-коммуникационных технологий». [1]

Одним из главных направлений гибридной войны является идеологическое воздействие и манипуляция сознанием людей. И именно это направление гибридной войны сегодня формирует одну из главных угроз безопасности Российской Федерации. Так, в пункте 79 раздела «Культура» Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, указано: «Угрозами национальной безопасности в области культуры являются размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей и ослабление единства многонационального народа Российской Федерации путем внешней культурной и информационной экспансии (включая распространение низкокачественной продукции массовой культуры), пропаганды вседозволенности и насилия, расовой, национальной и религиозной нетерпимости, а также снижение роли русского языка в мире, качества его преподавания в России и за рубежом, попытки фальсификации российской и мировой истории, противоправные посяательства на объекты культуры». [8]

Сегодня мало у кого вызывает сомнение то, что, по сути, уже давно идет непримиримая борьба за умы и души наших граждан и, прежде всего, нашей молодежи, в том числе и со стороны экстремистских и террористических организаций. А если в этом контексте говорить о

студенчестве, то, как известно, эта часть молодежи сама по себе — маргинальная группа. То есть у нее есть только ожидания, но нет еще собственного социального статуса. Поэтому студенчество является объектом первоочередных устремлений проповедников экстремистской и террористической идеологии. В связи с этим организация работы по противодействию идеологии экстремизма и терроризма в студенческой среде обретает особую актуальность.

Но, что мы можем противопоставить этой агрессии, например, с позиции образовательного учреждения? Здесь выбор не велик и сводится к трем основным направлениям: 1) образование, как процесс воспитания и обучения с целью формирования устойчивого иммунитета к деструктивным идеологиям; 2) профилактика, как инструмент своевременного выявления, локализации и устранения рисков проникновения в студенческую среду и распространения в ней деструктивных идеологий; 3) охрана и безопасность, как средство правовой, физической и логистической защиты студентов, персонала и объектов учреждения образования от негативного воздействия экстремистского и террористического характера.

В основе любого из этих направлений лежит правильный выбор методологии и принципов организации, в зависимости от условий, в которых находится образовательное учреждение и возможностей образовательного учреждения.

Методология воспитания

Итак, первое и, пожалуй, главное направление деятельности вуза заключается в формировании у студентов устойчивого иммунитета к деструктивному влиянию вообще и к влиянию экстремистской и террористической идеологии, в частности.

Мы знаем, что основными инструментами влияния на общество и даже управления обществом являются СМИ, социальные сети и образование. Понятно, что контент и того, и другого, и третьего определяют в конечном итоге уровень социально-политической стабильности в обществе. Однако именно качество и содержание образования или его отсутствие определяет объективность восприятия человеком информации и его реакцию (реагирование) на тот или иной посыл, исходящий от СМИ, социальных сетей, «сарафанного радио» или иных источников информации (поверил или усомнился, отверг, принял к сведению или принял в качестве руководства к действию и т.д.). Именно поэтому высшее образование — она из ресурсных сфер жизни общества. Это не только база подготовки современных специалистов, но и инструмент формирования структуры и качества гражданского общества. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N 273-ФЗ определяет понятие процесса образования, как

единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, ставя на первое место именно воспитание. [9]. Это значит, что воспитание является приоритетной составляющей образования, а процесс обучения должен быть так или иначе подчинен целям воспитания. В свою очередь цели воспитания в Российской Федерации определены целым рядом нормативно-правовых актов федерального уровня. Среди этих нормативно-правовых актов, на мой взгляд, наиболее лаконичным и, одновременно с этим, наиболее точно отражающим суть, цели и содержание традиционного российского воспитания, является Стратегия национальной безопасности российской федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. N 683, которая в пункте 78 раздела «Культура» определяет традиционные российские духовно-нравственные ценности. [8].

Казалось бы, все хорошо и наша молодежь надежно защищена от деструктивного влияния. Однако на самом деле, как мы видим, все не так благополучно. С сожалением приходится констатировать развитие в молодежной среде контркультуры, которая становится все более деструктивной, которая все более захватывает молодежную среду, пробуждая стремление молодежи участвовать в неформальных молодежных объединениях. Не уменьшается количество случаев, связанных с асоциальными, деструктивными формами самореализации нашей молодежи, в том числе в виде противоправных действий, связанных с жестокостью и насилием, а также в виде алкоголизма, наркомании, проституции, суицидальных решений и так далее. И, наконец, мы наблюдаем усиление напряженности и агрессивности, а также рост экстремизма в молодежной среде.

Отчего же колоссальные усилия государства, направленные на развитие сферы образования в Российской Федерации, не приносят должного результата? Как видится, главная причина кроется в отсутствии государственной идеологии. Да, действительно, в соответствии с Конституцией Российской Федерации в России никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной, и, вместе с тем, признается идеологическое многообразие. [6] Но надо понимать, что любая политика содержит в себе идеологические основания.

По словам д. филос. н., профессора Дагестанского государственного университета М.Я. Яхьяева: «...В идеологии, как системе ориентиров, целей и программ социальной деятельности осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, осмысливаются многообразные социальные проблемы и конфликты. Идеология выполняет вполне определенные функции, вырабатывая соответствующие интересам конкретных классов и социальных групп типы мышления и поведения, программы социального действия». [11]

М. Яхьяев также справедливо замечает: «В обществе, разделенном на противоположные классы, сословия, слои, состоящем из различных конфессиональных сообществ и исторических форм общностей людей, неизбежно возникновение различных идеологий, защищающих и выражающих их <разные, – авт.> интересы. Наличие в обществе нескольких идеологий приводит к их борьбе, которая имеет социальное значение, ибо выражает противоположность интересов больших групп людей. Противостояние идеологий осуществляется не только внутри конкретного общества, но и на международной арене. Любая идеология пытается занять доминирующее положение. Потому ослабление одной идеологии всегда есть усиление другой идеологии». [11]

Таким образом, мораль, духовно-нравственные ценности, социальные стереотипы и модели поведения формируются не в какой-то конкретной идеологической системе координат, а в хаотичной и жесткой конкурентной среде идеологического многообразия, порождающей различные, часто противоречивые идеологемы, мировоззренческие доктрины, мнения и суждения. Данное обстоятельство обретает особую актуальность, когда речь идет о молодых людях, еще не опытных, не защищенных от негативного воздействия, когда легче всего формируются радикальные взгляды и наиболее быстро накапливается негативный протестный потенциал, хотя бы в силу возрастной склонности к нигилизму и самоутверждению. В результате мировоззренческая неопределенность, прежде всего неопределенность мировоззренческих основ смысловой ориентации и социально-культурной идентификации на фоне материального расслоения общества закономерно приводят к расширению зоны десоциализации и маргинализации в молодежной среде.

Между тем, если говорить о сфере влияния на общество, то любому государству для сохранения стабильности в стране приходится прилагать в разы больше усилий, чем противнику, будь то оппозиция, маргинальная прослойка или геополитические «партнеры». Так, правовое государство, каким и является Российская Федерация, практически скованно нормативно-правовыми актами, инструкциями, рамками методик, статьями финансирования выделяемого бюджета, конкурсами на его освоение и т.д. Противник, напротив, обладает преимуществом маневра, поскольку не обязан соблюдать установленные законодательством нормы. Он в лучшем случае лишь учитывает эти нормы, чтобы, в частности, обеспечить латентность деидеологизации и минимизировать риски возникновения конфликта с законом, и то только тогда и там, когда и где это необходимо.

В условиях идеологического многообразия и отсутствия государственной, а, значит, единой моральной и духовно-нравственной системы координат организовать посредством воспитания и обучения в вузе за относительно короткий срок эффективную работу по

формированию у студентов устойчивого иммунитета, в том числе к экстремистской и террористической идеологии, крайне сложно. Видимо с осознанием этих трудностей некоторыми представителями сферы высшего образования можно объяснить все более очевидные негативные тенденции, связанные со смешением понятия и содержания воспитания от воздействия на личность к созданию условий для развития личности. И здесь трудно не согласиться с Ю.Г. Фокиным⁶, по мнению которого «Попытка определить воспитание как «социальное, целенаправленное создание условий (материальных, духовных, организационных) для развития человека» [102] неоправданно расширяет понятие <воспитание, – авт.>, поскольку условия для развития необязательно включают в себя возникновение желаемых нравственных качеств, на которое традиционно считалась направленной воспитательная работа, хотя об этом говорится лишь косвенно: «...воздействие на личность и поведение...», т.е. на социально значимые особенности индивида и на социально оцениваемые действия». [10] Не следует заблуждаться — воспитание, это целенаправленный и в определенном смысле насильственный процесс воздействия на личность с заранее заданным результатом, соответствующим традициям и интересам общества, локальных общественных групп, отдельных людей. А еще здесь уместно вспомнить и старую восточную мудрость, которая гласит: «Если хочешь победить врага, воспитай его детей». В этой связи Ю. Фокин отмечает, что «По своей сущности воспитание является одним из процессов, обеспечивающих социализацию. Его специфика состоит в том, что этот процесс не активируется самим индивидом, а навязывается воспитываемому извне». [10]

Поскольку речь идет об образовательном учреждении, то стоит говорить о локальной воспитательной среде. Почему именно локальная воспитательная среда? Конечно, в идеале должна быть воспитательная среда по крайней мере в масштабе всей страны – назовем ее макро-воспитательной средой, по сравнению с микро-воспитательной средой, которой является, прежде всего, семья. Но, как мы помним, Конституцией РФ государственная идеология не предусмотрена. Поэтому на территории Российской Федерации воспитательная среда представляет собой калейдоскопичную структуру воспитательных технологий и направлений, основанных на множестве различных и нередко противоречащих друг другу парадигм, с великим множеством разнообразных представлений о сочетании ценностей, как конечной цели воспитания. Кроме этого, вся

⁶ Фокин Юрий Георгиевич — доктор технических наук, профессор, действительный член Международной академии наук высшей школы, обладатель сертификата «Европейский преподаватель технического вуза». До 30.06.2015 г. — профессор кафедры инженерной педагогики Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана.

макро-воспитательная среда пронизана деструктивными идеологемами, а микро-воспитательная среда не столь эффективна в современных условиях в силу заметной деградации института семьи. В связи с этим, только определив собственную идеологию, мы можем сформировать работоспособную структуру, благоприятные условия функционирования, а также цель и задачи своей локальной воспитательной среды.

Но где же взять идеологию, если государственная идеология у нас в стране Конституцией РФ запрещена? Однако, этим же законом определено идеологическое многообразие, что позволяет любому образовательному учреждению сформулировать свою собственную идеологию, не противоречащую основному закону Российской Федерации. А система ценностей, как основа идеологической доктрины вуза и, одновременно с этим, выполняющая роль системы координат, в которой будет строиться вся воспитательная и учебная работа, сформулирована в п. 78 раздела «Культура» Стратегии национальной безопасности от 2015 года. Таким образом, в основе методологического подхода к организации образовательного процесса, как совокупности воспитания и обучения, причем так, чтобы процесс обучения согласовывался с целями воспитания, лежит *идеология*, закрепленная в политике образовательного учреждения и воплощенная, например, в морально-этическом кодексе студента вуза, что определяет вполне демократический, а не «навязанный сверху» подход к формированию локальной воспитательной среды в вузе.

Прежде, чем сделать следующий шаг, надо признать, что об обеспечении полноценной защиты локальной воспитательной среды от внешнего воздействия в современных условиях говорить не приходится. Этот фактор лежит в основе еще одного ключевого условия формирования локальной воспитательной среды — *локальная воспитательная среда должна быть сконструирована таким образом, чтобы была способна защитить себя сама.*

Чтобы понять, как сконструировать такую воспитательную среду, следует обратить внимание на способность к самозащите таких социальных групп, как молодежные субкультуры. Еще более эффект самозащиты выражен в общественных объединениях замкнутого (закрытого) типа, в том числе в сектах, в экстремистских и террористических организациях, в организованных преступных формированиях и т.д. Способность к самозащите подобных общественных образований основана на общности, скрепленной той или иной идеологией. От жизнестойкости идеологии зависит устойчивость общности, определяя уровень сплоченности социальной группы, незыблемость групповых ценностей, четкость социальных и мировоззренческих границ: «свой-чужой», «мы-они», «правда-неправда», «правильно-неправильно» и т.д. Таким образом, общность, опирающаяся

на идеологию, определяет способность социальных групп противостоять внешнему, тем более чуждому воздействию (влиянию) извне и «гасить» возможные деструктивные явления внутри самой социальной группы.

Одним из факторов формирования общности является референтность. Именно этот фактор лежит в основе формирования большинства молодежных субкультур, где референтность нередко замещает собой идеологию. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что референтность может играть важную роль и в формировании воспитательной среды. Так, Голованова О.В., Солдатов А.В., Солдатов А.А.⁷ в своей статье «Проблемы управления в судостроительном образовании» указывают, что «Для СПбГМТУ этот образ может оформляться и культивироваться на стыке трех архетипов: человека знания (стилевой примат математической рефлексии и технической рациональности), человека военного (примат дисциплины и державного статуса), человека открывателя, влюбленного в морскую стихию и способного интерактивно с ней взаимодействовать. Искомый образ требует конвергенции образов морского инженера, морского офицера и любителя морских приключений. Объединение дисциплинированности и знания, социально-политической лояльности и интеллектуально-эстетической широты жизнеутверждения — вот те качества, которые могут репрезентировать студента и выпускника Корабелки.». [3-С221]. Следует отметить, что аналогичный методологический подход уже реализуется в российских вузах, например, в ФГБОУ МГУТУ им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет), где в качестве референтного образа используется тема казачества, воплощающая в себе такие духовно-нравственные ценности и качества, как Православная вера, служение Отечеству, дисциплинированность, ответственность.

Также, факторами, определяющими устойчивость социальной группы, является наличие в этой группе лидера. В этой связи, Голованова О.В., Солдатов А.В., Солдатов А.А. отмечают, что «Референтный образ — это устойчивый комплекс характеристик, органически сочетающихся с определенным образом жизни, реализованным в поведении нормативных представителей группы, с которым стремятся отождествлять себя остальные ее члены. Важно, чтобы нормативные герои существовали внутри группы, улучшая ее функционирование и привлекая к группе новых adeptов.» [3-С221].

⁷ Голованова О.В. — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии ФГБОУ ВО СПбГМТУ, Россия, г. Санкт-Петербург; Солдатов А.В. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социологии ФГБОУ ВО СПбГМТУ, Россия, г. Санкт-Петербург; Солдатов А.А. — кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социологии ФГБОУ ВО СПбГМТУ, Россия, г. Санкт-Петербург.

Однако, если говорить о вузе, то локальная социальная группа – это студенты, обучающиеся в образовательном учреждении, численность которых может достигать десятки тысяч человек. Безусловно, такой многочисленной социальной группой трудно управлять в воспитательном аспекте. Но, вспомним несправедливо игнорируемый сегодня опыт советской системы образования: октябрятские звездочки, пионерские отряды, комсомольские ячейки – суть метода коллективного воспитания, выраженная в групповой (отрядной) педагогике, в рамках которой дети, подростки, студенты объединялись в группы под руководством уже взрослых воспитателей или более старших по возрасту нормативных лидеров из числа школьников или студентов, являющихся во многом идеалом для подражания и старшими партнерами детей. Кстати, экстремистские и террористические ячейки, а также многие секты и неформальные молодежные субкультуры, например, АУЕ⁸, сформированы на основе именно коллективной, то есть отрядной (групповой) педагогики с четкой идеологической доктриной, что свидетельствует об эффективности данного методологического подхода к процессу воспитания.

В связи с этим, при создании воспитательной среды в вузе, видится целесообразным сфокусировать внимание на формировании групп влияния из числа студентов – адептов референтного образа, в виде так называемых опорных ячеек с нормативными лидерами, призванными стать примером для подражания, а также проводниками и распространителями идеологии вуза. Найти и подготовить необходимое количество нормативных героев, обладающих соответствующей харизмой, нетрудно в любом вузе. Расширение влияния опорных ячеек, а, значит, и идеологии вуза среди студентов может быть обеспечено путем применения методики сетевого маркетинга.

Однако, надо понимать, что, учитывая идеологическую и мировоззренческую «разношерстность» студентов, обучающихся в вузе, а также непрекращающуюся борьбу деструктивных организаций за умы и души молодых людей, действия опорных ячеек могут встретить критику и сопротивление со стороны маргинальной прослойки. В этой связи наличие опорных ячеек не должны иметь явную связь с администрацией вуза, но должен иметь неявную поддержку со стороны администрации вуза. Возникновение, становление и развитие опорных ячеек должно происходить в рамках управляемой (генерируемой администрацией вуза)

⁸ АУЕ — арестантский уклад един (или «арестантское уркаганское единство») — российская неформальная молодежная субкультура, пропагандирующая среди несовершеннолетних воровские понятия российской криминальной среды и тюремные понятия, требует соблюдения «воровского кодекса» со сбором денег на «общак», взамен обещая поддержку и защиту в настоящем и будущем.

инициативе самих студентов, по осознанной воле самих студентов, объединяющихся вокруг нормативного героя под флагом определенного референтного образа.

Опыт ФГБОУ ВО СПбГМУ со всей очевидностью продемонстрировал не только жизнеспособность, но и эффективность такого метода формирования воспитательной среды. Пять выбранных и подготовленных нормативных лидеров за один 2015-2016 учебный год сумели посредством создания опорных ячеек вовлечь в неформальную студенческую организацию до 20% обучающихся в вузе. В результате среди адептов неформального студенческого объединения повысилась дисциплина, посещаемость занятий, успеваемость, вовлеченность в научную, общественную, спортивную и творческую деятельность, что оказало заметное позитивное влияние на контингент обучающихся в вузе. При содействии студентов было выявлено в вузе 5 наркосбытчиков и 11 наркопотребителей, пресечена попытка организации деструктивного объединения АУЕ, пресечена противоправная деятельность четырех преподавателей-взяточников. Позиция адептов опорных ячеек и сочувствующих им студентов стала решающим фактором переформатирования органов студенческого управления, включая студенческий профсоюз, характеризовавшихся склонностью к неконструктивному протесту.

Таким образом, воспитательная среда, сконструированная в определенной идеологической системе координат, опирающаяся на культивируемый референтный образ и локальные социальные группы в виде опорных ячеек с нормативными лидерами, формирующих собой особую студенческую субкультуру, представляется вполне устойчивой и саморазвивающейся системой, способной противостоять внешним и внутренним деструктивным воздействиям, в том числе, идеологии экстремизма и терроризма.

Вместе с тем, эта система нуждается в поддержке и дополнительных мерах защиты, также как, например, граждане любого государства нуждаются в защите от внешних и внутренних угроз, которую обеспечивает армия, правоохранительные органы, спецслужбы и т.д.

Таковыми мерами дополнительной защиты воспитательной среды призваны служить такие инструменты, как профилактика, а также система охраны и безопасности.

Профилактика

Что необходимо знать, чтобы грамотно построить профилактическую работу? Применительно к теме статьи, необходимо знать, что такое экстремизм и его крайнее проявление — терроризм. Также, необходимо знать:

- признаки проведения работы экстремистскими организациями различной направленности по вовлечению молодежи в экстремистскую деятельность;
- способы выявления признаков вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность;
- средства профилактики и противодействия терроризму и экстремизму;
- основные аспекты взаимодействия с правоохранительными органами по вопросам профилактики и противодействия террористической и экстремистской деятельности.

Ключевым аспектом организации профилактической работы является четкое понимание, что современный терроризм, это превосходно организованная и профессиональная система, которая постоянно совершенствуется, которая располагает всеми современными средствами и способами осуществления своей деятельности.

Также при планировании и осуществлении профилактической работы по линии противодействия идеологии экстремизма и терроризма надо помнить, что мы не единственные, кто работает в сфере противодействия терроризму — очевидно, что ведущую роль здесь играют спецслужбы. В связи с этим работа должна строиться согласованно с главным, так сказать, игроком на этом поле. Не следует с позиции образовательного учреждения ставить перед собой задачу, выявить в вузе завербованного или внедренного террориста. Этим занимаются спецслужбы. А вуз должен ставить перед собой другую задачу — обеспечить должную эффективность предупредительно-профилактической работы среди студенческой молодежи, чтобы эта молодежь не попала в «удочку» экстремистов и террористов.

Далее следует определиться с принципами организации предупредительно-профилактической работы среди студентов. Базовыми принципами организации предупредительно-профилактической работы, направленной на выявление в молодежной среде лиц, подверженных воздействию идеологии терроризма и экстремизма, должны быть 1) компетентность; 2) своевременность; 3) системность.

Подходя к организации профилактической работы, следует соблюдать пять «золотых» правил: 1) не навреди; 2) не спугни; 3) не спровоцируй; 4) не усугуби; 5) не пропусти. Первое и второе правило (не навреди и не спугни) относится к системности в организации профилактической работы и, в первую очередь, касается вопросов, связанных с согласованностью действий администрации вуза с интересами российских спецслужб. Третье правило (не спровоцируй) касается опять же компетентности наших действий и принято для того, чтобы всегда помнить о том, что неосторожные, непрофессиональные, грубые,

непродуманные, словом – неграмотные действия с нашей стороны могут вызвать всплеск немотивированной агрессии, как со стороны возможного террориста, так и со стороны просто неуравновешенного студента. Четвертое правило (не усугуби) также относится к уровню нашей компетентности и всегда указывает, что в результате непродуманной политики вуза в сфере профилактики, которая можно вызвать или усилить уже сложившиеся протестные настроения. Кроме этого, просчеты в тактике профилактической работы могут пробудить у молодежи интерес к идеологии экстремизма и терроризма, хотя бы даже в силу юношеской тяги к тотальному отрицанию, пересмотру и нивелированию общепринятых стереотипов и догм. Пятое правило (не пропусти) – это своевременность, компетентность и системность одновременно и означает максимальную ответственность и внимательность в подходе к организации и осуществлению данной работы.

Наша целевая аудитория, это, во-первых, лица, наиболее подверженные воздействию идеологии экстремизма и терроризма; а вторых — лица, в отношении которых возможно ведется работа по вовлечению в экстремистскую деятельность.

Теперь следует определить методы работы. Нам известны основные методы выявления чего-либо вообще. Их всего три: 1) сбор и анализ данных; 2) наблюдение; 3) эксперимент. Вот эти способы вполне доступны для любого вуза, и могут быть использованы для выявления основных признаков уязвимости к экстремистской идеологии, а также признаков, указывающих на возможный процесс вовлечения в экстремистскую деятельность.

В процессе сбора и анализа данных мы можем использовать доступные нам источники информации. В результате получаем: а) биографические данные; б) данные опросов, анкет или тестов; в) данные о результатах деятельности; г) оперативные данные.

Полученная информация позволяет определить факторы, свидетельствующие об уязвимости конкретного лица к воздействию идеологии экстремизма, а также факторы, способствующие вовлечению или указывающие на возможный процесс вовлечения конкретного лица в экстремистскую деятельность. Иными словами, в результате такой работы мы можем определить факторы риска.

Фактор риска – это может быть территория прежнего проживания интересующего нас лица, где в силу различных обстоятельств превалирует, например, традиционный радикализм. Или это может быть территория с ярко выраженными социально-экономическими проблемами, например, низкий уровень жизни, проблемы с трудоустройством и т.д. Также фактором риска является близость территории прежнего проживания интересующего нас лица к странам с повышенной экстремистской и

террористической активностью. К факторам риска следует отнести территории с наибольшей активностью вербовщиков террористических организаций, а также деструктивных сект, организаций деструктивных молодежных субкультур (например, АУЕ) или экстремистских общественно-политических движений, таких как националисты, фашисты и тому подобное. В аспекте должны учитываться регионы со сложной криминогенной, социально-экономической обстановкой, способствующей формированию в сознании молодых людей протестных настроений. Фактором риска могут быть локальные образовательно-досуговые пространства в вузе или околотовузовской среде, где случаются или назревают конфликтные ситуации: между учащимися и преподавателями; между учащимися и местными жителями; между группами учащихся одного или разных образовательных учреждений. Такую информацию мы можем получать из, так называемых, оперативных источников, включая преподавателей, студентов, а также из внешних источников, например, из органов МВД и Прокуратуры. Фактором риска может стать локальный коллектив, такой как школа, колледж, спортивная секция, творческий кружок и т.д., где на молодежь и на преподавателей имеют влияние деструктивные идеи с требованием радикальных изменений существующего порядка — например, борьба с коррупцией в органах государственной власти и, вообще, против некоей несправедливости, организованная тем или иным политическим деятелем, которая становится особенно популярной в предвыборный период. Неполноценная семья, вовсе ее отсутствие или устойчивые проблемы в семье, также является существенным фактором риска. К факторам риска можно отнести отклонения по здоровью, которые могут сформировать в сознании индивидуума устойчивый комплекс неполноценности, и, как следствие, негативное отношение к окружающему миру здоровых людей.

Территории риска, связанные с высоким уровнем преступности, наркомании, активностью деструктивных сект и молодежных субкультур, а также экстремистских и террористических организаций, можно найти на соответствующих Интернет-сайтах.

Достаточно объективные данные по признакам уязвимости и процесса вовлечения в экстремистскую деятельность дают результаты опросов или тестов. В качестве примера можно привести используемый в ФГБОУ ВО СПбГМТУ метод социолого-психологического опроса с использованием анкеты системных показателей социализации и девиантности⁹. Данный опрос раскрывает основные социологические

⁹ Метод разработан Центром мониторинга и профилактики девиантного поведения ФГБОУ ВО СПбГМТУ (Центр). В основе метода — анкета системных показателей социализации и девиантности. Автор анкеты — канд. филос. наук, эксперт Центра, И.Г. Лаврычева.

характеристики интересующего нас лица, его основные учебные характеристики, нравственные деформации личности. Дает возможность определить и оценить психоневротические компоненты личности, ее социальную позитивность и уровень потенциальной склонности к анархизму, нигилизму и экстремизму [4]. Опрос проводится ежегодно среди всех студентов первого курса и достаточно хорошо себя зарекомендовал.

Посредством социолого-психологического опроса решается еще одна очень важная задача, которая в дальнейшем значительно облегчает организацию собственно профилактической работы, позволяя не расплывать силы по всему студенческому сообществу, а концентрировать на группах риска. Так, в результате обработки анкеты системных показателей социализации и девиантности весь первый курс можно разделить на пять категорий или групп риска [5, 6]:

1. люди, четко определившие свои цели, связанные с получением образования и устройства на работу по специальности (от 15 до 25%);
2. молодые люди, не определившиеся с будущей профессией и поступившие в вуз, чтобы лишь получить диплом о высшем образовании (от 20 до 30%);
3. молодые люди с индифферентным отношением к учебе и жизни вообще, так называемая, скучающая часть студентов, без целей, без определенных интересов, проводящая основное время в поисках доступных развлечений и приключений (до 40%);
4. маргинально настроенная молодежь, ищущая любой повод для формирования конфликта, инициирования протеста и скандала (от 10 до 15%);
5. часть молодежи с уже сложившимися негативной идеологией, психологией, морально-этическими принципами, искаженным мировоззрением (до 1,5%).

Как показывает практика, наибольшей уязвимостью обладают третья и четвертая группы риска, являясь основной целью наркоторговцев, деструктивных молодежных субкультур, сектантов, экстремистских и террористических организаций. Пятая группа, как мы понимаем, уже вовлечена так или иначе в асоциальную или противоправную деятельность и поэтому, как правило, уже является объектом заинтересованности правоохранительных органов.

В связи с этим основные силы и средства профилактической работы в вузе можно сосредоточить на третьей и четвертой группах риска.

Важной составляющей работы по определению рисков являются:

- актуальные данные наблюдений, поступающие от службы охраны, профессорско-преподавательского состава, студенческого актива;

- результаты бесед с родителями, школьными учителями и одноклассниками студентов;
- возможная информация о правонарушениях из правоохранительных органов или иная информация из внешних источников (административные органы, граждане и т.д.) характеризующая личность студента;
- мониторинг социальных сетей.

Метод наблюдения позволяет определить соответствующие: а) внешние признаки; б) изменения риторики; в) изменения в использовании привычных аксессуаров, парфюмерии, косметики; г) изменения поведения; д) изменения ценностных и социальных ориентаций в соцсетях.

Эксперимент — один из основных методов научного познания вообще и психологического исследования в частности. Достоинство эксперимента заключается в том, что можно специально вызвать какой-то психический процесс, проследить зависимость психологического явления от изменяемых внешних условий.

Итак, независимо от поставленной цели, будь то выявление лиц, наиболее уязвимых к воздействию идеологии экстремизма и терроризма, или выявление лиц, в отношении которых возможно ведется работа по вовлечению в экстремистскую деятельность, мы можем использовать одни и те же доступные нам способы, инструменты и средства: сбор и анализ данных, наблюдение и эксперимент.

В целом общая схема выявления интересующих нас признаков, то есть схема мониторинга включает четыре уровня:

1. Уровень сбора информации
2. Уровень обработки информации
3. Уровень оценки информации
4. Уровень планирования профилактических мероприятий.

Обязательно следует помнить, что вся работа по мониторингу рисков строится во взаимодействии со спецслужбами. Наша зона ответственности в этой сфере находится только на стадии выявления уязвимости лица к воздействию экстремистской идеологии и выявления заинтересованности этого лица идеологией экстремизма. При этом следует понимать, что ни уязвимость, ни заинтересованность экстремистской идеологией (такая заинтересованность может быть вполне обоснована) не являются признаками экстремистской деятельности, но предполагают наше незамедлительное и компетентное профилактическое вмешательство в жизнь данного лица.

Если в результате мониторинга получены признаки, свидетельствующие об устойчивом интересе к экстремистской и, тем более террористической тематике, подкрепленном очевидными сомнениями лица в «справедливости» или в «совершенстве» окружающего его мира

(государственного строя и т.д.), то необходимо, ничуть не сомневаясь, известить об этом компетентные органы.

Будет непростительной ошибкой пытаться на уровне вуза применять меры профилактики к лицу, уже убежденному в правильности экстремистской идеологии, тем более к лицу, уже вовлеченному в экстремистскую деятельность. Здесь прерогатива принадлежит спецслужбам!

Охрана и безопасность

Охрана и безопасность, это система административных барьеров, препятствующих проникновению в воспитательную среду, а также возникновению внутри воспитательной среды деструктивных явлений, в том числе, связанных с идеологией экстремизма и терроризма. Здесь методика отлажена и зависти от возможностей образовательного учреждения. Вместе с тем, важным аспектом формирования системы охраны и безопасности является опора на студентов. В этой связи следует отметить, что, как показывает опыт, оперативные отряды (дружинники) из числа студентов с активной и конструктивной гражданской позицией намного более эффективны в сфере осуществления предупредительно-профилактической работы, поддержания порядка и дисциплины, чем сотрудники охраны и безопасности вуза, особенно если указанные функции выполняет внешнее охранное предприятие. Базовым принципом организации системы охраны и безопасности является тесное взаимодействие с системами профилактики и опорных ячеек, в результате чего образуется комплекс систем, обеспечивающий стабильное функционирование и необходимую защищенность воспитательной среды.

Литература

1. Бартош А.А. — Парадигма гибридной войны // Вопросы безопасности. — 2017. — №3. — С.44–61. — URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=20815.

2. Герасимов В.В. Организация обороны Российской Федерации в условиях применения противником «традиционных» и «гибридных» методов ведения войны. М.: Вестник Академии военных наук – №2 (55) 2016 – С. 20. — URL: [http://www.avnrf.ru/attachments/article/862/AVN-2\(55\)_001-184_sverka_14-06.pdf](http://www.avnrf.ru/attachments/article/862/AVN-2(55)_001-184_sverka_14-06.pdf).

3. Голованова О.В., Солдатов А.В., Солдатов А.А. «Проблемы управления в судостроительном образовании» // Сборник материалов региональной конференции «Актуальные вопросы создания системы воспитания в образовательных организациях высшего и среднего и среднего профессионального образования Российской Федерации». Изд-во ФГБОУ ВО «СПбГМТУ», 2018.

4. Лаврычева И.Г. Полночастотное исследование учебного, физического и культурно-нравственного состояния учащихся СПбГМТУ / Материалы 2-й научно-практической конференции по профилактике зависимого и отклоняющегося поведения учащихся СПбГМТУ (14.11.2008). СПб.: Изд-во СПб. Гос. Морского техн. ун-та, 2008. 100 с. С. 41–51.

5. Квасников А.В., Лаврычева И.Г. Чувствительность как фактор социализации (по материалам исследования учащихся среднетехнического факультета и студентов факультета морского приборостроения СПбГМТУ) // Морской вестник. Труды Санкт-Петербургского государственного морского технического университета (ЛКИ). 2013 (апрель). Выпуск №2 (125). С. 127-129.

6. Квасников А.В., Лаврычева И.Г. Как оценить склонность к нарушению социально-культурной нормы // Морской вестник. Труды Санкт-Петербургского государственного морского технического университета (ЛКИ). – 2013 (апрель). Выпуск №2 (125). С. 129–130.

7. Конституция Российской Федерации. Статья 13, п. 1, п. 2. — URL: <http://constitution.kremlin.ru/>

8. Сборник материалов региональной конференции «Актуальные вопросы создания системы воспитания в образовательных организациях высшего и среднего и среднего профессионального образования Российской Федерации». Изд-во ФГБОУ ВО СПбГМТУ, 2018.

9. «Стратегия национальной безопасности российской федерации». Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. N 683. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/.

10. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N 273-ФЗ. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/.

11. Фокин Юрий Георгиевич. «Преподавание и воспитание в высшей школе: Методология, цели и содержание, творчество». Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — URL: <http://litvek.com/br/14728?p=30>.

12. Яхьяев М.Я. Россия: государство без идеологии, общество без национальной идеи. Газета «Дагестанская правда» от 15.01.2009. — URL: <http://lawinrussia.ru/content/rossiya-gosudarstvo-bez-ideologii-obshchestvo-bez-nacionalnoy-idei>.

Роль и задачи социально-гуманитарного комплекса дисциплин в противодействии распространению идеологии терроризма в студенческой среде

Лапина Ирина Юрьевна

проректор по молодежной политике ФГБОУ ВО Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет (г. Санкт-Петербург)

Каргапольцев Сергей Юрьевич

доцент кафедры истории и философии ФГБОУ ВО Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет (г. Санкт-Петербург)

«Необходимо развернуть широкий интеллектуальный фронт борьбы с терроризмом. Искусственно разжигаемому террористами конфликту религий и наций надо противопоставить ценности гуманизма и знание».

Президент РФ В.В. Путин

Глобализационные процессы современности представляют собой двойственный и внутренне противоречивый вид: беспрецедентный прогресс в IT-технологиях и транскомуникационных связях негативным образом компенсируется выраженной деградацией в социальной и правовой сферах («запретительное» законодательство, рост фискальной и налоговой нагрузки, тотальный контроль госструктур над личностью, примитивизация культурно-образовательного уровня населения и откровенная маргинализация значительной его части, неконтролируемая внутренняя и внешняя миграция, рост преступности и проч.). Общепланетарный масштаб и «оцифровка» происходящих изменений, как и нарастание протестных настроений в урбанизированных социумах, являются предметом научного изучения со стороны историков, психологов, политологов, этнологов и социологов. В данном контексте нас интересует новый виток террористической угрозы, т. е. экстремистских методов и средств политической борьбы, имеющих отправную точку еще в третьей четверти XIX в. Казалось бы, навсегда ушедший в прошлое терроризм вновь оказался едва ли не обыденной реальностью, востребованной как его закулисными кураторами (заказчиками), так и практикующими адептами (исполнителями) [3; 4; 6; 7; 16-18; 33; 34; 36]. Излишне говорить о том, что глобализация и мультикультурализм, полностью нивелирующие национально-культурную идентичность социумов (традиционных культур и этнических систем) и подменяющие ее идеологией потребительства, конформизма и гедонизма, как раз и создают благоприятные условия для реинкарнации деструктивно-радикальных средств борьбы (противостояния) [31]. Подмена эта не оставляет места и

патриотизму, выступающему как контрсистема интегрированной наднациональной трансбюрократии и олигархии. Суррогатные же формы национального патриотизма, великодержавного реваншизма и исламизма (хариджиты, алавиты, ассасины, ваххабиты, бехаиты и др.) мутируют в экстремистско-террористические движения и религиозно-политические секты (при активном участии и финансировании спецслужб США) [13; 14; 22; 23]. Очевиден и другой факт: наиболее уязвимой частью общества и подверженной соблазну вовлечения в экстремистские и террористические группировки является молодежь. К мотивационным факторам этого вовлечения следует отнести свойственные молодым людям максимализм, склонность к поиску простых решений в достижении «свободы» (понимаемой как вседозволенность) и «справедливости» (желание получить все и сразу), недостаток знаний и жизненного опыта, интернетзависимость, клиповое сознание и проч. Не последнюю роль в этом перечне играет и правовое невежество: от незнания Уголовного Кодекса РФ (участие в террористической деятельности, согласно статьям 205-208 и 280-284, является тяжким преступлением и карается лишением свободы на длительные сроки, вплоть до пожизненного) до Федерального закона «О противодействии терроризму» (№ 35-ФЗ) [35]. Таким образом, именно в ходе формирования основ социальных норм и ценностей (мировоззренческого кругозора), а также адаптации к «взрослой» жизни (социализации индивида), и необходимо корректировать у обучающихся процесс становления основного «пакета» ценностных ориентаций и системы социальных поведенческих норм (самодисциплины). Основная нагрузка в выборе средств педагогической коррекции антитеррористической направленности в условиях высшей школы принадлежит, конечно же, гуманитарному комплексу дисциплин, задачей которого является привитие студентам чувства сопричастности к истории своего Отечества, духовно-нравственных скрепов культурного традиционализма, межнациональной комплиментарности, и проч. [25]. В свою очередь, ППС вузов должен быть глубоко компетентным в вопросах современных средств коммуникации, ценностных ориентаций молодежи, правовой нормативной базы, а также основах безопасности жизнедеятельности образовательной среды. Особое значение имеет прогнозирование (предупреждение) последствий ухода в ряды уличной пехоты экстремистских группировок и движений для представителей «групп риска» – аутистов, нигилистов, максималистов, представителей маргинальных субкультур и поведенческих девиантов. Представителям ППС необходимо предметно разоблачать основные мотивации ухода в террор: идеологический примитивизм так называемой «революционной борьбы» (декоммунизация массового сознания) и насилия как способа «возвыситься над людьми», иллюзорность и утопизм кажущейся

возможности изменить мир в «лучшую сторону», победить коррупцию, отстоять идеалы «истинной веры», отомстить за «поруганные святыни», поддержать «политических единомышленников» и «братьев по оружию», и проч., а также объяснять, что с практической стороны уход в террор это, прежде всего, уничтожение самого себя как личности и физического члена общества. Целесообразной профилактической мерой в этом случае, помимо разъяснительных бесед и нравоучений (изложение исторического материала с акцентом на разоблачение лживой сути революционных иллюзий и обещаний), могут стать «экскурсии» в тюрьмы, а также на открытые судебные процессы, где демонстрируется наглядность неотвратимости наказания, т. к. террор — это тяжкое уголовное преступление, а никакая не политическая борьба. Ну и, конечно же, большой и значимый потенциал воспитательных функций несут в себе спорт, общественная и научная деятельность, участие в патриотических мероприятиях (вахты памяти, поисковое движение, военно-исторические клубы), фестивалях, конкурсах студенческой самодеятельности, и проч. Дефицит общения и понимания, отсутствие комфортно-бытовых условий для полноценной реализации психологической разгрузки, неумение правильно и рационально использовать время и материальные средства, как показывает опыт, также относятся к мотивационным причинам ухода молодых людей в террористические группы и движения. Профессионально состоявшийся педагог, диагностируя эти проблемы, противопоставляет им привитие критического (научного) мышления как основы адаптационного становления самодостаточной личности, способной продуктивно противостоять вербовщикам тоталитарных сект и террористических группировок. Составной частью этого процесса является мотивация неприятия учащимися социальной и расовой нетерпимости, агрессии, сквернословия и вандализма [25]. Из объективных предпосылок роста интереса молодежи к экстремистской идеологии и терроризму выделим следующие: социальная и политическая напряженность в международных и экономических отношениях (начало новой холодной войны), американо-наатовская агрессия в страны Ближнего Востока, глобальный миграционный кризис, рост бедности и криминала, потребительский ажиотаж, примитивизация элит, бюрократический произвол, коррупция и мошенничество как норма жизни, безыдейность и бездуховность маргинальных (люмпенизированных) слоев, а также героизация экстремистов и террористов прошлого в учебной и художественной литературе, кинематографе, топонимике и проч. Конечно, от простой констатации очевидных фактов мало что может измениться. Но, как известно, правильно поставленный диагноз уже является первым шагом к исцелению организма от болезни и всякого рода осложнений с ней связанных [28; 29]. Следованию этой логике продуктивной альтернативы

просто не существует, ибо вооруженная борьба с терроризмом уже не входит в задачи ППС межвузовского сообщества. Также за рамками данной статьи оставим и проблему государственного террора (терроризма) – советского большевизма, итальянского фашизма, германского национал-социализма и прочих тоталитарных режимов прошлого. Отметим лишь, что осененная законом политика государственного терроризма несоизмеримо опаснее любых боевиков-бомбистов (от народовольцев до шахидов) и уличной шпаны с «коктейлями Молотова» [15; 19-21]. Тезисно изложив основу концептуально-содержательной части данной статьи, перейдем к более подробному изложению отдельных ее вопросов.

Итак, вопреки оптимизму футурологических ожиданий и прогнозов о смягчении нравов человеческого сообщества по мере развития потребительского рынка глобализирующихся экономик мира, реальность оказалась прямо противоположной. Помимо роста экстремистских и террористических угроз со стороны преступных группировок различного толка, как правило, связанных между собой общими нитями структурно-организационных начал и мотиваций, быстро прогрессирует накал и радикализация протестных настроений в общественной среде большинства стран мира. К сожалению, не является исключением в этом ряду и РФ. Недавние события вокруг строительства в Екатеринбурге храма Святой Екатерины тому наглядное свидетельство (несанкционированные акции протеста юных нигилистов изначально позиционировались как «идейная борьба добра со злом» и при поддержке левых радикалов имели форму «майданного» сценария: «скачки» и «кричалки», драки с росгвардейцами и омоновцами, крушение ограждений и проч.). И это далеко не единичный пример срежиссированности протестных настроений по отработанному алгоритму западноевропейских политтехнологий (из самых свежих – митинговые страсти уличного противостояния при выдвижении кандидатов на выборы в Московскую городскую Думу или полугодовая волна протестных демонстраций в Гонконге по поводу законопроекта об экстрадиции правонарушителей в Китай). Конечно, поводы для недовольства у рядовых граждан есть. Для нашей страны это, прежде всего, обманутые ожидания уже нескольких поколений, так и не увидевших ни «неизбежного построения коммунизма», ни «безальтернативной благодати рыночного изобилия». На поверку все это оказалось лишь демагогией и прожектерством. Но крах иллюзий вовсе не означает необходимость новых потрясений и политических пертурбаций в погромной стилистике украинских майданов или парижских «желтых жилетов». Отвратить от соблазнов и искушений революционных преобразований может только подлинное просвещение, основанное на примате традиционной системы ценностей и патриотизма, являющихся, в свою очередь, духовно-нравственной основой национального

самосознания и поведенческих императивов. История указывает, что ни одна революция ни в одной стране мира не решила изначально поставленных перед собой задач и не привела участвовавших в ней людей к гармонии справедливости и процветания. Наоборот, сопутствующими любой революции составляющими повсюду были лишь беззаконие, террор, разруха и гражданские войны. Человека, не знающего системообразующих признаков общественно-исторического процесса (социогенеза), легко соблазнить «простыми» решениями и увести в сети экстремистской идеологии и террористических методов ее реализации. Революционное движение конца XIX – начала XX в., и, прежде всего, большевизм, тому конкретный и доказательный пример (основной паствой революционного утопизма были невежественные маргиналы, которыми искусно управляли демонические кукловоды). На массовом уровне идентичная парадигма: не знающее истории общество обречено на интеллектуальную слепоту и повторение тех ошибок, которые уже были сделаны прошлыми поколениями. Только взвешенный ретроспективный анализ событийного ряда может дать продуктивную «работу над ошибками» и предотвратить новые социокультурные и политические потрясения. Но, по нелепой логике фактов, именно историю, подмененную минимизированным курсом адаптированной «мифологии» и изучаемую к тому же дистанционно посредством Интернет-ресурсов, относят в большинстве вузов к второстепенным дисциплинам, а культурологию и вовсе необоснованно упраздняют [9; 10; 14; 24; 26; 27].

Второй проблемой является традиционно-порочная романтизация экстремизма и терроризма прошлого. Редкий учебник или пособие не преподносит читателю привлекательность и героизм образов Емельяна Пугачева, декабристов, народовольцев, эсеров-максималистов и, конечно же, большевиков. Бомбисты и богоборцы всех мастей позиционируются авторами таких изданий как борцы за «свободу и счастье народа», а легитимная и продуктивная с точки зрения экономики и культуры царская Россия – как «насквозь прогнившая отсталая аграрная страна». Со временем, история повторилась: именно тот же набор признаков подвел черту и под, казалось бы, могущественным СССР [28; 29]. Нет смысла повторять горький опыт 1917 или 1991 г. Необходимо сделать очевидные выводы, что конструктивный патриотизм может быть основан только на знании собственной истории?! Важно понять, что все соблазны радикального обновления социально-политического пространства, где свобода понимается как вседозволенность и бездуховность, а процветание как безудержное потребительство, искусственно инфицируются России извне. Совсем свежий опыт других стран – Югославии, Ирака, Ливии, Сирии, Грузии, Украины и проч., тому наглядное подтверждение. Сокращение темпоральной нагрузки на историю и увод ее в Интернет

лишь усугубляет и без того драматическую картину тотального невежества подрастающего поколения, уже в значительной своей части незнающего точных дат Великой Отечественной войны и обстоятельств образования Российской Федерации! Без системного переосмысления истоков терроризма в нашей стране, еще на стадии своего формирования активно финансировавшегося зарубежными спецслужбами, нам не удастся разоблачить идеологемы современных экстремистов, камуфлирующих свои преступления под «священную борьбу» за идеалы «истинной веры», «свободы» и «справедливости». Необходимо подчеркнуть, что игнорирование этой суровой взаимосвязи времен и поколений зачастую являет собой не столько пример интеллектуальной амнезии, сколько намеренное нежелание сопоставить неумолимую логику фактов и увидеть в них зловещие очертания уже имевших место катаклизмов. Ведь именно на Российской Империи в конце XIX – начале XX в. активно апробировался терроризм как способ политической борьбы и вклад иностранного капитала (японского, английского, американского, немецкого) в эту борьбу был весьма и весьма существенный. Именно в этом ракурсе русские революции 1905–1907 и 1917 гг. с полным основанием можно классифицировать как первые «цветные» революции в мире. Еще раз отметим и тот факт, что главных организаторов современного терроризма в современном мире опять же следует искать в странах «западной демократии» и, прежде всего, в потаенных недрах спецслужб США и Великобритании. Выработка эффективного алгоритма противодействия этим козням является наипервейшей задачей для силовых ведомств РФ. Однако у вузовских гуманитариев на этом фронте борьбы совсем иные задачи и методы профилактики.

Добавляет проблем и официальная безыдейность нашего общества (идеологемы царского и советского времени признаны несостоятельными, а продуктивной замены им пока так и не выработано), подкрепленная запретом Конституции 1993 г. на государственную идеологию: *«Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной»* (Раздел первый, гл. 1, ст. 13, п. 2). Вместо строительства великодержавной и самодостаточной России мы все глубже погружаемся в мутную пучину глобализационных процессов, где все более и более стираются национально-культурные границы и куда Россию всеми возможными способами стремятся не допустить, при этом активно потребляя ее материальные и сырьевые ресурсы. Не углубляясь в тонкости геополитических реалий современного мира, отметим лишь, что только просвещение и глубокое знание своей истории может решить проблему роста протестных настроений среди молодежи и воспитать здоровое (в интеллектуально-нравственном смысле) поколение. Поколение, которому словами П.А. Столыпина, нужна «Великая Россия», а не «великие

потрясения». Уже сейчас можно диагностировать тот факт, что Интернет, вместо ожидаемого образовательного «прорыва», породил лишь клиповое (визуальное) сознания и виртуальный суррогат коммуникационной мобильности. Кроме того, именно Интернет в текущей реальности стал своего рода диспетчером и питательной средой экстремизма. И проблема тут вовсе не в отсутствии контроля, как кажется многим любителям всевозможных запретов и ограничений. И без того, вектор усиления контроля государства над населением (фискального, технологического, правового, социокультурного), в том числе философии самой политики контроля с апелляциями к «стабильности» и «скрепам», усиливается постоянно и неумолимо. По нашему глубокому убеждению, упределительная борьба с экстремизмом и терроризмом должна вестись не у рамок металлоискателей и сканеров, а в школьных классах и студенческих аудиториях. В противном случае, это будет (и уже есть) борьба со следствием, а не с причиной. К этому же кластеру социокультурных проблем «ювенальной» направленности относятся гедонизм (праздность), маргинализация и безыдейность, особо свойственные так называемой «золотой молодежи» – мажорным отпрыскам «эффективных» топ-менеджеров и аппаратных функционеров. Системообразующим механизмом этого деструктива в его нынешнем виде (экстремизма и терроризма) и поистине планетарным масштабом охвата, является американизм с его доктриной «управляемого хаоса» и наличия «стратегических интересов» в любой точке мира. Примитивизация же ролевых статусов политических элит, в сочетании с отрицательной селекцией их геномов и поведенческих императивов, и вовсе выводит агломерат этих проблем на уровень максимальной опасности. Иначе говоря, не столько фатальны сами по себе экстремизм и терроризм, сколько условия и причины, их порождающие [31].

С другой стороны, радикализация протестных настроений в России (конкретные причины, в данном случае, являются темой другого исследования) имеет свои исторические корни, поскольку до сих пор не преодолена в общественном сознании та трещина, что глубоко расколола российский народ в 1917 г., поделив весь период российского бытия на «до» и «после». Люди и сейчас продолжают делиться на ярых сторонников и противников социалистического эксперимента, который разными способами утверждался в течение 74-х лет, с 1917 по 1991 г.: для одних крушение Российской Империи и последовавший затем приход к власти большевиков величайшее благо, для других — катастрофа вселенского масштаба. В одночасье такие тотальные потрясения не преодолеваются. И хотя идея коммунистического переустройства общества потерпела полное фиаско, и ныне среди значительной части населения есть выраженное желание повторить действие, вернувшись к истокам какого-либо его этапа

(о процветающей ностальгии по канувшему в лету СССР и вовсе комментарии излишни). Следует ли уточнять, что на фоне столь выраженного «коммунореваншизма» террористические угрозы более чем очевидны и вероятны? К сожалению, до сих пор нет осуждения экстремистских лозунгов большевизма (о необходимости «превращения войны империалистической в войну гражданскую», физического уничтожения «эксплуататорских классов», раздувания «пожара мировой революции», тотальных «экспроприаций» и проч.) ни на уровне государствообразующих структур и инстанций, ни в мировоззренческих взглядах «красного» электората [12].

Данная парадигма идейной нетерпимости наглядно диагностируется и в трудах многих профессиональных историков, навязывающих читателям свои откровенно ревизионистские взгляды на наиболее драматические эпизоды событийного ряда советской эпохи. Так, К.М. Александров вполне осознанно оправдывает коллаборационизм власовской РОА (Русской освободительной армии) [2] и бандеровский национализм [1], рассматривая эти враждебные и откровенно преступные деяния как продолжение Гражданской войны и борьбу людей за «свободу и независимость». Не менее странным выглядит и неотроцкий реверанс К.Б. Назаренко, считающего вполне оправданным плотоядное беззаконие революционной фемиды Красного террора (на примере наморси Балтийского моря А.М. Щастного), а тех, кто этого не приемлет, — недостаточно компетентными «мифотворцами» [32, с. 38-39].

По нашему мнению, важнейшим и многофункциональным инструментом против экстремистской идеологии и террористических методов ее реализации является патриотизм. Его многофункциональность определяется тремя основными ипостасями: как стержневая основа государственного менталитета россиян, как главный мотиватор национального духа и самосознания, а также как защитный механизм выживания биосоциальной системы на крутых виражах истории. Кроме того, патриотизм обладает передаточной функцией, устанавливающей двухстороннюю связь прошлого, настоящего и будущего. Именно в этом аспекте должно осуществляться и воспитание молодежи, с привитием ей комплиментарного отношения к отечественной истории, культуре и традициям. Однако, как выше уже отмечалось, патриотизм — это не просто генетический код, заложенный человеку при рождении, а последовательная и кропотливая идейно-просветительская работа. Истинный и продуктивный патриотизм, в противоположность директивному ура-патриотизму и фанатизму, невозможен без базовых знаний гуманитарного профиля, а также осознанной необходимости их освоения. Мотивация этой «осознанности» и должна быть основополагающим фактором как в учебно-воспитательном процессе, так

и в педагогической практике конкретного преподавателя – историка, философа, социолога, политолога, филолога и проч. Также патриотизм не должен быть объектом купли-продажи и разного рода политических спекуляций, поскольку патриотические идеалы и материальная корысть антиподны в своей основе. Но зачастую именно выразители глобализационных интересов транснациональных корпораций, еще вчера призывавшие с высоких трибун к строительству коммунизма, пытаются сегодня формировать патриотическое сознание подрастающему поколению. Заведомая никчемность таких политтехнологий очевидна, как и их конечный результат: на идеологии рыночного фундаментализма, деиндустриализации и поношении собственной истории (царского и советского периодов, где все «плохо» и «неправильно») патриотические настроения сформироваться не могут. Не могут они сформироваться и на ниве невежества [23; 24; 26].

Считаем необходимым еще раз подчеркнуть, что доминантным условием осознанного патриотизма являются лишь базовые знания по дисциплинам гуманитарного профиля – истории, культурологии, этнографии, этнологии, литературе и проч. Незнание же чревато не только бескультурьем и профанационной показухой, но и куда более серьезными последствиями. Авторы убеждены, что патриот-незнайка — это легкая добыча для сетевых вербовщиков из экстремистских группировок, тоталитарных сект и иных деструктивных и контркультурных движений и организаций. Как показал горький опыт Грузии и Украины, еще недавно входивших в состав единого государства (Российской империи и СССР), непросвещенный ура-патриотизм — это прямой путь к нацизму, ксенофобии и идейно-политическому конформизму экстремистской (русофобной) идеологии. Однако и «внутренний» негатив шаблонного ура-патриотизма, основанного на невежестве и нетерпимости к инакомыслию, может проявить себя в подмене понятий и дискретной эмпатии к отдельным периодам нашей истории: царскому, советскому или постсоветскому, исходя из принципа *pars pro toto* (лат. – часть вместо целого). Если такой «патриот» исповедует любовь к современной России, но ненавидит советский период ее истории, или, почитая советское прошлое, на дух не переносит царский период, то на поверку никакой это не патриот, а обычный русофоб и конъюнктурщик. Конечно, текущий период социогенеза содержит в себе многокомпонентный комплекс идейных и социально-экономических вызовов патриотическому менталитету учащейся молодежи. Прежде всего, это тесно связанные между собой глобализм, мультикультурализм и нигилизм, эффективно стирающие границы и стержневые основы национальных культур и традиций. Единным строем выступают и другие депрессивные реалии текущей обыденности: безыдейность,

потребительство, гедонизм, мифотворчество, коррупция и бюрократия, порождающие нефеодалную систему управления, фискально-запретительное законодательство и катастрофически быстро прогрессирующее социально-имущественное расслоение общества. Именно из этой деградационной трясины произрастают вредоносные побеги невежества, бездуховности и меркантилизма, все более опутывающие подрастающее поколение. Эти же побеги питают и радикализм протестных настроений, быстро трансформирующийся в экстремизм, ксенофобию и терроризм. Единственным антиподом этих маргинальных явлений, как выше уже указывалось, могут быть образование, культура и духовность. Эффективными средствами реализации желаемого «продуктива», помимо собственно учебно-воспитательного процесса, могут быть военно-исторические клубы, строительные и поисковые отряды, наука и искусство, интерактивные музеи, спорт и другие виды коллективной и индивидуальной деятельности. Что же касается враждебности внешнего окружения России, всемерно демонизирующего ее прошлое и настоящее, то, как показывает исторический опыт, это лишь стимулирует процессы общественной консолидации россиян, придавая им новое смысловое содержание и целевую ориентацию [10]. Главным же вдохновителем созидательной энергии подлинного патриотизма является наше прошлое, его уроки, достижения и победы. Прошлое это не только национальный геном России, утрата которого лишит иммунитета весь государственный организм, но и цивилизационный статус отдельного индивида. Именно к такому неутешительному выводу пришел в недалеком прошлом и великий русский мыслитель И.А. Ильин, считавший случившуюся в России оторванность человека от своих корней и традиций главной причиной *«кризиса патриотизма и утраты живого чувства Отечества»* [8]. Отсюда вывод – нельзя любить Родину, ведя борьбу с ее цивилизационными устоями или мечтая жить на «благополучном» Западе, исповедуя чужие идеалы и аккумулируя имеющиеся активы (финансовые, интеллектуальные, производственные) за пределами своего государства. Нельзя быть и политическим патриотом, поскольку истинный патриотизм всегда выше политики. Еще М.Е. Салтыков-Щедрин по этому поводу с горечью отметил, что *«многие склонны путать понятия «Отечество» и «Ваше превосходительство»*. Таким образом, патриотизм должен быть, прежде всего, осмысленным. Для этого жизненно необходимы твердые знания и осознанная причастность к выработанным алгоритмам и достижениям предков – самобытной и многогранной национальной культуре, событийной истории, духовно-нравственным основам бытия, и проч. В противном случае созидательная энергетика патриотизма замещается разрушительной идеологией экстремизма. История дает

обилие примеров такого рода как в нашем, так и в зарубежном прошлом. Необходимо понимать эти закономерности и работать на перспективу их упреждения [13; 14; 23].

Возрождающийся интерес властных структур РФ к патриотизму, безусловно, востребован в массовом сознании граждан нашей страны, причем, не на словах, а на деле. Наглядное тому подтверждение долгожданное воссоединение в 2014 г. Крыма с Россией, еще недавно казавшееся неосуществимым. Тем не менее, российский народ, сплоченный в едином патриотическом порыве, сумел в одночасье решить эту проблему и преодолеть навязанные ему ложные установки толерантности (уравнивание добра со злом) и политкорректности (передача отвоеванного Российской Империей в 1783 г. Крымского полуострова Украине это результат вождистских амбиций и откровенного недомыслия не только Н.С. Хрущева, но и горе-реформаторов М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина, не предпринявших даже малейших усилий при распаде СССР для исправления ошибки 1954 г.). Наконец-то, (впервые за четверть века постсоветской истории) у власть имущих открылись глаза и на откровенно враждебную России позицию западного (прежде всего, евро-американского) блока государств. В этой ситуации остается уповать лишь на веками проверенный патриотизм, еще недавно до неузнаваемости искаженный мифотворчеством и ложными установками, что он вновь обретет свой прежний облик и смысловое содержание созидающей энергии. Однако события текущего периода показали и обратную сторону этого процесса: невежество, гедонизм, маргинализация и потребительский конформизм являются антагонистами патриотизма и питательной средой для произрастания деструктивных процессов и разного рода социальных потрясений. Государства, где процессы стагнации и системной деградации заходят слишком далеко, неизбежно становятся легкой добычей более жизнеспособных и конструктивных социумов [5, с. 120, 146-147]. В качестве характерного примера можно привести Украину, где подросток поколение потребителей, одержимое невежеством и русофобией, стало слепым орудием для возрождения откровенного нацизма. Именно в этой контркультурной среде оказались идейно востребованы псевдонаучные байки о цивилизации древних «укров», якобы являвшихся предками современных украинцев (в реальности этноним Украина происходит от слова «окраїна», а не каких-то выдуманных «укров»). Впрочем, и в нашей стране более чем достаточно всевозможных «откровений» и лженаучных теорий о допотопной древности славянской (русской) цивилизации и ее решающего вклада в развитие общепланетарного разума. Такие всходы могут взойти только на ниве невежества и бескультурия. Впрочем, перечислять имеющиеся в образовательной сфере проблемы, а также искать перспективы их преодоления, в данном контексте нет никакого

смысла. Целесообразнее адресовать уважаемого читателя к ранее опубликованным авторами материалам [9; 22; 24; 26; 27].

Однако вернемся к основной теме данной статьи. Обоснованное возмущение бессмысленным и варварским уничтожением боевиками Талибана¹⁰ и ИГИЛ¹¹ (запрещенными в России организациями) памятников архитектуры Древнего Востока должно мотивировать переоценку спокойного отношения и к относительно недавнему вандализму нашей страны, когда варварски разрушались святыни собственного прошлого – храмы, памятники, воинские мемориалы и проч. Их взрывали не только в период раннего большевизма, но и годы так называемой «оттепели» конца 1950-х – начала 1960-х гг. Разве этим омерзительным фактам нашей истории дана в учебной литературе жесткая и однозначная оценка? Нет, не дана! Обоснованно разоблачая ксенофобию и национализм как формы питательной среды терроризма, вспоминаем ли мы о том, что в период перестройки и последовавшего затем краха СССР властью поощрялись всевозможные национальные «фронты» и «движения» в бывших республиках союзного государства, в одночасье приведшие к «параду суверенитетов» и всплеску русофобных настроений в Прибалтике, Средней Азии, на Кавказе и Украине? Необходимо признать, что и этим событиям принципиальной оценки в учебной литературе пока не дано [13]. Теперь о проблеме прогрессирующих бедности и социального неравенства: еще в 2003 г. Президент РФ В.В. Путин отмечал, что *«Питательной средой терроризма являются нищета, неравенство различных слоев общества и различных государств»*¹². Но не политика ли экономического авантюризма и анархо-либерализма 1990-х гг., с пресловутой приватизацией предприятий госсобственности, залоговыми аукционами и финансовыми пирамидами, проводимая сверху так называемыми «младореформаторами», многие из которых и сейчас находятся в политической «обойме» вертикали власти, заложила в нашей стране основу этой нищеты и неравенства, став еще и стержневым компонентом для беспрецедентной коррупции, казнокрадства и бюрократии? Диагностируется ли должным образом в текущем периоде этот комплекс проблем соответствующими разделами нашей учебной литературы по истории, социологии и политологии и дана ли вообще правовая и нравственная оценка результатов деятельности М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина, возглавлявших наше государство в 1985–1999 гг.? К сожалению, опять же, не дана [11; 12; 19]. А ведь людьми с неустойчивой психикой именно глобальные изменения социокультурного пространства

¹⁰ Организация, запрещенная на территории Российской Федерации.

¹¹ ИГИЛ (ИГ, Исламское государство) — здесь и далее — организация, запрещенная на территории Российской Федерации.

¹² Из интервью В.В. Путина малайзийской газете «New Straits Times» 3 июля 2003 г.

воспринимаются не просто как внешние раздражители, а как личный вызов с осознанным желанием противопоставить этому радикальный способ действий [30; 31]. Не является ли и наша учебная литература, по сей день сочувственно излагающая прошлые концепции революционного переустройства мира, своеобразным идейным вдохновителем для различного толка «революционеров» настоящего? К сожалению, вопрос этот далеко не праздный...

Очевидно, что накопившиеся за долгий период вопросы в сфере образования и учебно-воспитательного процесса необходимо решить как можно быстрее. Именно от этого зависит совершенствование форм и методов работы по противодействию терроризму в образовательных учреждениях, а также достижение конечного результата этой важнейшей социальной и гносеологической задачи. Подводя итог вышесказанному, считаем необходимым суммировать позицию авторов в формате трех основных выводов:

1. Учитывая приоритет дисциплин гуманитарного профиля (прежде всего, истории) в деле воспитания патриотических настроений и гражданского сознания среди учащейся молодежи, недопустимо дальнейшее сокращение их нагрузки в учебном процессе. Кроме того, недопустимо дальнейшее снижение статуса гуманитарных дисциплин путем их тотального перевода на дистанционную форму изучения (средством Интернета патриотизм учащимся не прививается);

2. Недопустима продолжающаяся героизация в учебной литературе и топонимических названиях экстремистов и террористов прошлого (якобинцев, декабристов, народовольцев, эсеров, большевиков), а также представление их преступной деятельности против легитимной власти как «классовой борьбы» и «революционного процесса»;

3. Необходим поиск новых форм сотрудничества между представителями вузовской науки и духовенством мировых религиозных конфессий — христианства, ислама, буддизма — для выработки совместных решений по укреплению традиционных культур, правового сознания и нравственности.

Литература

1. Александров К.М. Бандера и бандеровцы: кто они были на самом деле // Новая газета. — 12 сентября 2014 г.

2. Александров К.М. Генералитет и офицерские кадры вооруженных формирований Комитета освобождения народов России 1943-1946 гг. — Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. — СПб.: Санкт-Петербургский институт Истории РАН, 2015. — 44 с.

3. Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало

XX в.). — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. — 399 с.

4. Василенко В.И. Международный терроризм в условиях глобального развития (Политологический анализ): Автореф. дисс. ... д-ра полит. наук. — М.: РАГС, 2003. — 311 с.

5. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. — М.: Рольф, 2001. — 560 с., илл.

6. Замолодская О.М. Социально-философский анализ истории понятия «террор/терроризм»: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. — М.: РГГУ, 2013. — 26 с.

7. Зонов Ф.А. Соблюдение прав человека в условиях борьбы с международным терроризмом: Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. — М.: ИМЭМО РАН, 2012. — 24 с.

8. Ильин И.А. Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий / Иван Ильин; [пер. с нем. О. Колтыпиной; коммент. Ю. Лисицы]. — М.: Эксмо, 2007. — 528 с.

9. Каргапольцев С.Ю. «В стране невыученных уроков», или системный кризис образования в России // Избранные труды Евразийского научного форума. 17–21 мая 2010 г. — СПб.: Нестор-История, 2011. — С. 108–114.

10. Каргапольцев С.Ю. Метод сравнительно-исторического анализа в изучении ключевых событий мирового и отечественного социогенеза // Клио. — 2012. — № 12 (72). — С. 3–6.

11. Каргапольцев С.Ю. От империи до федерации: антология распада Российского государства // История в подробностях: От заката... до распада СССР. — 2011. — № 11 (17). — С. 76–89.

12. Каргапольцев С.Ю. Проблемы отражения социального конфликта в общественном сознании граждан России (новейшее время) // Россия: История идей и людей: Мат-лы 56-й Всероссийской заочной научной конференции. / Под ред. С.Н. Полторака. — СПб.: Нестор, 2009. — С. 54–61.

13. Каргапольцев С.Ю., Лапина И.Ю. Патриотизм и национальное сознание в современной России (проблемы и перспективы) // Патриотизм — феномен российской истории: матер. Междунар. науч.-практ. конф. — СПб.: СПбГАСУ, 2013. — С. 84–116.

14. Каргапольцев С.Ю., Лапина И.Ю. Патриотизм, образование и коммуникационные процессы современности: проблемная взаимосвязь // Образование. Культура. Педагогика: матер. Междунар. науч.-практ. конф. — СПб.: СПбГАСУ, 2014. — С. 183–193.

15. Каргапольцев С.Ю., Лапина И.Ю. Тоталитаризм и патриотизм в современном этно- и социогенезе // Докл. 70-й науч. конфер. проф.,

преподав., науч. работ., инженер. и аспирантов ун-та.: в 3 ч.; СПбГАСУ. — СПб., 2014. — Ч. III. — С. 52–57.

16. Кожужко Е. Современный терроризм. Анализ основных направлений. — Мн.: Харвест, 2000. — 447 с.

17. Колобов О.А. Терроризм и контртерроризм в современном мире: Аналитические материалы, документы, глоссарий: Научно-справочное издание. — М.: Экслит, 2003. — 254 с.

18. Краснов Н.И. Терроризм: прошлое и настоящее. — М.: Книга, 2000. — 138 с.

19. Лапина И.Ю., Каргапольцев С.Ю. Актуализация качественных признаков революций 1917 г. и Гражданской войны в России для эпохи постиндустриальной глобализации // Клио. — 2018. — № 7 (139). — С. 13–27.

20. Лапина И.Ю., Каргапольцев С.Ю. Государство и терроризм: единство и борьба противоположностей // Клио. — 2016. — № 5 (113). — С. 13–21.

21. Лапина И.Ю., Каргапольцев С.Ю. Государство, терроризм и личность: проблемы соотношения мотивационных факторов в общественно-исторической среде // Вопросы внедрения в деятельность образовательных организаций новых педагогических технологий, направленных на противодействие распространения идей экстремизма в молодежной среде. Методическое пособие для преподавателей образовательных организаций высшего образования и профессиональных образовательных организаций. — СПб.: СПб ГБУ «ГЦСП Контакт», 2017. — С. 94–129.

21. Лапина И.Ю., Каргапольцев С.Ю. Духовно-нравственный компонент в учебно-воспитательном процессе высшей школы // Духовно-нравственная культура в высшей школе: нравственные ценности и будущее студенческой молодежи: материалы V Международной научно-практической конференции в рамках XXVI Международных Рождественских образовательных чтений. Москва, 23 января 2018 г. М.: РУДН, 2018. — С. 578–588.

22. Лапина И.Ю., Каргапольцев С.Ю. Когда патриотизм становится модой // Великая победа – неиссякаемый источник воспитания патриотизма: материалы Всерос. науч.-практ. конф. 16–21 ноября 2015 г. — СПб.: СПбГАСУ, 2016. — С. 751–755.

23. Лапина И.Ю., Каргапольцев С.Ю. Компетентностный подход в образовании: кризис или модернизация? // Клио. — 2013. — № 2 (74). — С. 143–144.

24. Лапина И.Ю., Каргапольцев С.Ю. Комплиментарные факторы образовательной среды и их значение в идейно-просветительской профилактике терроризма // Международно-правовые средства

противодействия терроризму в условиях глобализации. Проблемы террористического наемничества среди молодежи и пути их преодоления: сб. материалов Всероссийск. научно-практ. конф. — Ставрополь: СГПИ, 2016. — С. 201–202.

25. Лапина И.Ю., Каргапольцев С.Ю. Проблемы и перспективы патриотического воспитания молодежи на современном этапе отечественного социогенеза // Молодежная политика России в контексте глобальных мировых перемен: матер. Междунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 22–24 ноября 2018 г. / Под ред. Г.В. Ковалевой. — СПб.: ФГБОУ ВО «СПбГУПТД», 2018. — С. 213–216.

26. Лапина И.Ю., Каргапольцев С.Ю. Социокультурные аспекты виртуальной коммуникации в образовательном процессе эпохи глобализации // Клио. — 2017. — № 11 (131). — С. 191–197.

27. Лапина И.Ю., Каргапольцев С.Ю. Терминологическая интерпретация терроризма в прошлом и настоящем (постановка проблемы) // Казанский педагогический журнал. — 2015. — № 6 (113), часть 3. — С. 175–178.

28. Лапина И.Ю., Каргапольцев С.Ю. Терминологическая интерпретация терроризма в прошлом и настоящем как исходный компонент диагностики радикализма и экстремизма // Научное мнение. Исторические науки и археология, политология: научный журнал / Санкт-Петербургский университетский консорциум. — СПб., 2015. — № 11. — С. 8–14.

29. Лапина И.Ю., Каргапольцев С.Ю. Экстремизм и терроризм как деструктивные индикаторы социогенеза // Клио. — 2016. — № 4 (112). — С. 155–163.

30. Лапина И.Ю., Каргапольцев С.Ю. Экстремизм и терроризм как деструктивная реакция маргинальной среды на внешние раздражители эпохи глобализации (причинно-следственная связь) // Конфликтология. — 2016. — Том 2. — С. 179–193.

31. Назаренко К.Б. Алексей Михайлович Щастный // Вопросы истории. — 2018. — № 12. — С. 23–41.

32. Ольшанский Д.В. Психология терроризма. — СПб.: Питер, 2002. — 279 с.

33. Соснин В.А. Психология современного терроризма. — М.: Форум, 2010. — 159 с.

34. Федеральный закон «О противодействии терроризму». — М.: Проспект, 2016. — 32 с.

35. Чуфаровский Ю.В. Терроризм — глобальная проблема современности (методологический анализ) // Следователь. — 1998.

Моделирование информационного противодействия терроризму и экстремизму: территориальный аспект

Минаев Владимир Александрович

*профессор Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
(г. Москва)*

Федорович Василий Юрьевич

*заместитель начальника по научной работе Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя (г. Москва)*

Введение

Переход современной цивилизации к информационному измерению способствовал масштабному и стремительному развитию технологий обмена информацией, что явилось несомненным благом для человечества, его социальных, экономических и гуманитарных институтов. Социальные сети превратили мир в глобальную систему постоянного общения и совершенствования.

Но это с одной стороны — светлой. А темной стороной стало непрерывное, с каждым днем усиливающееся проникновение в позитивную ткань человеческих отношений, формировавшихся тысячелетиями, онлайн-информационных бурь, несущих гибель многим интерперсональным отношениям, на которых строилась духовность и высшее качество мироустройства. Особенно опасны указанные явления для детской, подростковой и молодежной среды. Об этом говорится в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации [1].

Как пример, самой отвратительной стороной социальной коммуникации сегодня выступает информационный терроризм и экстремизм. В сущности, при распространении его воздействия в социальных сетях речь уже не идет о территориальной отдаленности или близости людей, а о технологических новинках и скорости внедрения человеконенавистнических идей в массовое сознание учащихся.

Для понимания характеристик социальных сетей и организации эффективного противодействия негативным влияниям с их помощью на массовое сознание либо на сознание отдельных подгрупп социума (дети, молодежь, представители различных силовых структур, оппозиционеры различного толка и т.п.) актуальна задача исследования территориальных различий распространения информации.

Известно, что между странами имеются серьезные различия при использовании социальных сетей, объясняемые развитостью коммуникационного пространства, их технической оснащенностью, менталитетом населения. Так, в России наиболее распространены

социальные сети «ВКонтакте» и «Одноклассники» [2]; в Китае – «Qzone»; в Германии – «Hi5», «dol2day»; в Великобритании – «Bebo»; в Южной и Центральной Америке – «Public Broadcasting Service», «Hi5» и т. д.

Аналитические модели времени распространения информации в социальной сети

Для анализа территориальных различий распространения информации в социальной сети «ВКонтакте», которую наиболее часто использует население Российской Федерации [2], в том числе – различные молодежные группы, включая учащуюся молодежь, в настоящей работе с помощью имитационной модели применена следующая методика сбора статистических данных:

1. Для каждого из федеральных округов России, по данным сети «ВКонтакте», сформирована случайная выборка из восьми населенных пунктов с количеством жителей не более двадцати тысяч человек.

2. По каждому из населенных пунктов произведена выгрузка данных о тысяче пользователей социальной сети, у которых выяснены все списки «друзей», зарегистрированных в ней.

3. Для каждого поселения по множеству «друзей» рассчитаны среднее значение, среднеквадратичное отклонение (СКО), медиана и мода.

Отметим, что *среднее значение* — показатель среднего количества «друзей» пользователя для каждого населенного пункта – является весьма значимой характеристикой, существенно связанной со скоростью распространения информации.

СКО характеризует разброс среднего количества «друзей» для каждого населенного пункта.

Медиана наряду с модой также определяет скорость распространения информации, характеризуя плотность распределения пользователей относительно среднего значения.

Мода — характеристика, определяющая наиболее часто встречающееся количество «друзей» каждого пользователя в отдельно взятом населенном пункте, которая также связана со средней скоростью распространения информации.

Для исследования территориальных различий распространения информации использована модель, построенная на принципах, изложенных в работах, указанных в библиографическом списке [3–7]. С нею проведены имитационные эксперименты на программной платформе «Apylogic» [8] и изучено время достижения в популяции максимума индивидов, «зараженных» негативной идеей (T_k), а также время исхода 95% индивидов из множества «уязвимых» к негативной идее (T_r).

Анализ показал, что характеристикой, наиболее влияющей на скорость распространения информации в популяции, выступает медиана,

отражающая среднее количество «друзей» в группах пользователей, а именно: чем больше «друзей», тем выше скорость информационного воздействия, тем быстрее достигается максимум «зараженных». В частности – «зараженных» негативной идеей террористической и экстремистской направленности.

Графики зависимостей характеристик T_r и T_k от медианы представлены на рис. 1–2. Из рисунков видно, что зависимости характеристик T_r и T_k от медианы очень хорошо описываются обратными степенными функциями с высокими коэффициентами объясняемости – $R^2 \cdot 100$ %, равными 95 %, т.е. они близки к функциональным. Для выборочной совокупности поселений приведены аналитические зависимости характеристик T_r и T_k от значений медианы (табл. 1).

Выявленные зависимости могут быть эффективно использованы в аналитической деятельности органов власти, силовых и заинтересованных структур из образовательной сферы для расчетов характерных динамических параметров распространения информации, включая информацию негативного характера (имеющую террористическую, экстремистскую и иную опасную направленность), в социальных сетях поселений России.

Таблица 1. Зависимости параметров T_r и T_k от значений медианы

Функция, y	T_r	T_k
Аргумент, x	Медиана	Медиана
$y(x)$	$2835 \cdot x^{-1.32}$	$173 \cdot x^{-1.08}$

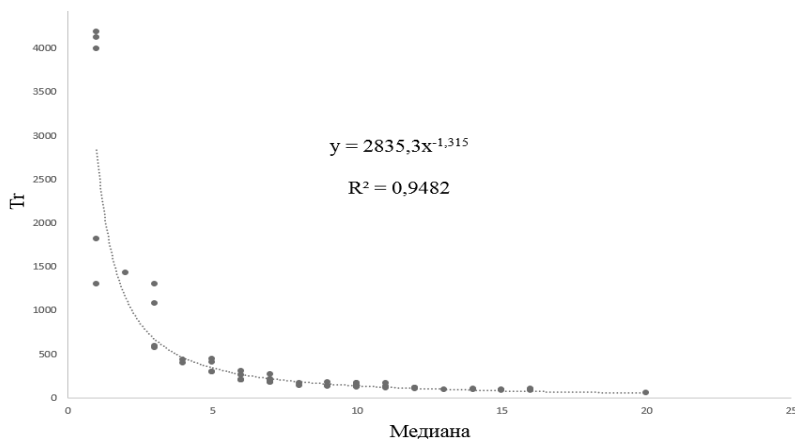

Рис. 1. Зависимость характеристики T_r от медианы (кружками обозначены эмпирические данные)

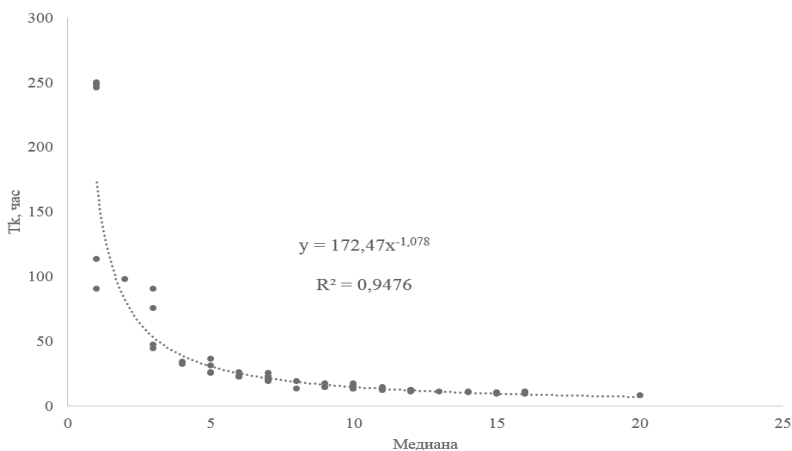

Рис. 2. Зависимость характеристики T_k от медианы (кружками обозначены эмпирические данные)

Результаты кластерного анализа различных распространения информации в социальной сети

Проведенный в работе [9] анализ выявил, что определенные группы поселений Российской Федерации имеют схожие статистические характеристики построения социальных сетей, а также похожие показатели активности их пользователей, что в свою очередь сказывается на параметрах распространения информации в сетях, в том числе — террористического и экстремистского характера.

Для выявления таких однородных групп поселений авторами проведен кластерный анализ, использующий известную программу «SPSS». Как следует из его результатов, выборочная совокупность исследованных поселений России подразделяется на семь достаточно однородных групп — кластеров. Приведены характеристики каждого из выделенных кластеров (табл. 2).

Таблица 2. Характеристики кластеров

Кластер	Количество поселений	Среднее значение	СКО	Медиана	Мода
А	16	5.3	6.4	3.5	1
Б	2	8.9	142.2	5.5	1
В	17	11.9	13.8	7.7	2.1
Г	5	24.2	30	15.6	4
Д	4	19.6	26.1	13	2,5
Е	2	17.6	21.3	11.5	2.1
Ж	9	16.7	568,4	10	1,5

Рис. 3. Расположение поселений кластеров А (красные круги) и Б (зеленые круги) на карте России

Очевидно существенное различие рассмотренных характеристик (среднее, СКО, медиана, мода) в зависимости от рассматриваемого кластера.

Географическое расположение поселений кластеров А и Б показано на рис. 3; кластеров В и Г — на рис. 4; кластеров Д, Е и Ж — на рис. 5.

Результаты имитационного моделирования показали, что время T_r — исхода 95 % индивидов из множества «уязвимые» применительно к негативной информационной идее — и время T_k — достижения максимума «зараженных» негативной идеей — существенно различаются в различных кластерах поселений Российской Федерации (табл. 3).

Рис. 4. Расположение поселений кластеров В (синие круги) и Г (зеленые круги) на карте России

Рис. 5. Расположение поселений кластеров Д (красные) и Е (синие), Ж (зеленые) на карте России

Таблица 3. Характерные времена T_r и T_k в различных кластерах, часы

<i>Кластер</i>	T_r	T_k
А	1126	808
Б	501	346
В	423	320
Г	203	54
Д	239	79
Е	263	85
Ж	340	149

Это обстоятельство необходимо учитывать в аналитической деятельности местных органов власти, силовых структур, а также руководителей образовательных подразделений при организации разьяснительной работы в учебных учреждениях различных регионов, включая противодействие влиянию факторов террористической и экстремистской направленности в социальных сетях.

Отметим, что применительно к кластерам зависимости характерных времен T_r и T_k от медианы имеют еще более выраженную зависимость с очень высокими коэффициентами объясняемости, близкими к 100 %. Например, для T_r он равен 98 % (рис. 6).

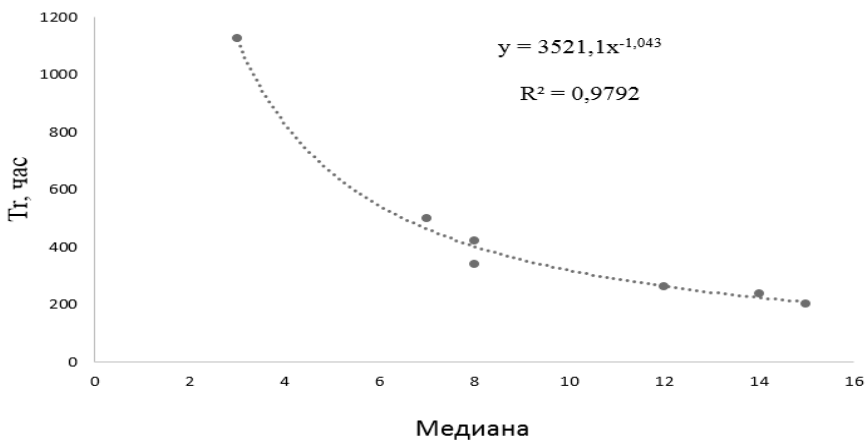

Рис. 6. Зависимость времени T_r от медианы в кластерах поселений Российской Федерации

Таким образом, анализ территориальных различий распространения информации в социальных сетях показывает, что при организации мероприятий противодействия факторам террористического и экстремистского характера со стороны местных органов власти, силовых структур, руководства образовательной сферы российских поселений необходимо учитывать такие характеристики последних, как среднее количество «друзей» у пользователей, среднее квадратическое отклонение от этого среднего, медиану и моду, различающиеся в зависимости от населенных пунктов и существенно сказывающиеся на скорости информационных воздействий.

Выводы

1) Сочетание методов имитационного моделирования и кластерного анализа дает весьма ценную информацию о взаимодействии пользователей в социальных сетях на различных территориях России. В частности, выявлено, что схожие по скорости распространения информационных воздействий группы населенных пунктов Российской Федерации (табл. 3) расположены достаточно определенно и относительно компактно в географическом смысле.

2) Поселения, входящие в кластер А, характеризующиеся наибольшими показателями времени достижения максимума информационного «заражения» и исхода из состояния «уязвимые»,

концентрируются преимущественно в приграничных зонах Северо-Кавказского округа, Юго-Западной Сибири и Приморья.

3) Поселения кластера Б с вдвое-втрое меньшими значениями характерных времен, характеризующих кластер А в примыкающих к нему территориальных административных образованиях в глубине России, а также в глубинке Сибири и Дальнего Востока.

4) Поселения кластера Г в Поволжье и на Южном Урале характеризуются еще меньшими рассматриваемыми характерными временами.

5) Наконец, поселения кластеров Д и Е со схожими с кластером Г, но несколько большими характеристиками распространения информации, находятся в Северо-Западном и Центральном федеральных округах Российской Федерации.

6) Весьма востребованными для органов власти, силовых и образовательных структур поселений в плане понимания динамики распространения информационных воздействий в социальных сетях являются аналитические зависимости характерных времен достижения максимума информационного «заражения» и исхода 95 % индивидов из состояния «уязвимые», построенные для поселений Российской Федерации и для их однородных групп – кластеров. Они дают возможность с высокими коэффициентами объясняемости (более 95 %) рассчитывать динамические особенности информационного воздействия негативных факторов социальных сетей и противодействия им в различных населенных пунктах страны.

Следующий шаг в исследованиях типологических различий в Российской Федерации, по нашему мнению, должен быть связан с более глубоким и широким изучением:

а) особенностей технологического и технического обеспечения распространения информации в различных территориальных образованиях страны;

б) устоявшихся и формирующихся традиций в использовании социальных сетей населением и его различными группами, особенно – молодежными;

с) перспектив развития и обеспечения информационной безопасности региональных информационных сетей и систем.

Именно такой подход позволит наилучшим способом обеспечить информационно-аналитическую и организационно-методическую работу местных органов власти, силовых структур, учреждений образовательной сферы по реализации мероприятий противодействия информационному терроризму и экстремизму в Российской Федерации [10, 11].

Литература

1. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации: Утв. Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646. — URL: <http://base.garant.ru/71556224>.
2. Селезнев Р. С., Скрипак Е. И. Социальные сети как феномен информационного общества и специфика социальных связей в их среде // Вестник КемГУ. 2013. № 2 (54). Т. 3. С. 125–131.
3. Губанов Д. А., Новиков Д. А., Чхартишвили А. Г. Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства / Под ред. чл.-корр. РАНД А. Новикова. М.: ФИЗМАТЛИТ, 2010. 228 с.
4. Минаев В. А., Овчинский А. С., Скрыль С. В., Тростянский С. Н. Как управлять массовым сознанием: современные модели М.: РосНОУ, 2013. 200 с.
5. Минаев В. А., Дворянкин С. В. Моделирование динамики информационно-психологических воздействий на массовое сознание // Вопросы кибербезопасности. 2016. № 5 (18). С. 56–64. DOI: <https://doi.org/10.21681/2311-3456-2016-5-56-64>.
6. Минаев В. А., Дворянкин С. В. Обоснование и описание модели динамики информационно-психологических воздействий деструктивного характера в социальных сетях // Безопасность информационных технологий. 2016. Т. 23. № 3. С. 40–52. — URL: <https://bit.mephi.ru/index.php/bit/article/view/16/26>.
7. Минаев В. А., Сычев М. П., Вайц Е. В., Грачева Ю. В. Моделирование угроз информационной безопасности с использованием принципов системной динамики // Вопросы радиоэлектроники. 2017. № 6. С. 75–82.
8. Маликов Р. Ф. Практикум по имитационному моделированию сложных систем в среде AnyLogic 6: учебное пособие. Уфа: Изд-во БГПУ, 2013. 296 с.
9. Минаев В. А., Сычев М. П., Вайц Е. В., Бондарь К. М. Системно-динамическое моделирование сетевых информационных операций // Инженерные технологии и системы. 2019. Т. 29. № 1. С. 20–39. DOI: <https://doi.org/10.15507/2658-4123.029.201901.020-039>.
10. Расторгуев С. П., Литвиненко М. В. Информационные операции в сети Интернет / Под общ. ред. А. Б. Михайловского. М.: АНО ЦСОиП, 2014. 128 с.
11. Минаев В. А., Шабанов Г. А. Мониторинг вузов: работа над ошибками // Высшее образование сегодня. 2013. № 1. С. 5–10.

Особенности межэтнических представлений и социальных практик учащейся молодежи в контексте вузовского образования (на примере обучающихся ЯрГУ им. П.Г. Демидова)

Гаджигасанова Наиде Сефтеровна

доцент кафедры социальной политики ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова» (Ярославская область)

Ксенофобия, предвзятое отношение в молодежной среде и формирование профилактических мер в данном контексте представляет собой многогранный и вместе с тем взаимосвязанный с другими общественными явлениями социальный феномен, требующий тщательного научного анализа представителями различных научных направлений. В этой связи для комплексного изучения данного социального явления необходимо привлекать также и опыт, накопленный в различных социально-гуманитарных дисциплинах. Согласно точке зрения ряда экспертов, значимость общественного противодействия угрозе возникновения религиозно-националистических проявлений в молодежной среде в определенной степени является следствием затяжного идеологического вакуума, отсутствия действенного механизма политической социализации, и примитивной политической культуры. Вместе с тем, в ряде других научных изданий обнаруживаем иное обоснование тенденции усиления экстремистских настроений в российском обществе – это и неурегулированность значимых социальных проблем, депрессивные явления в культуре, падение морали, затяжной и неоднородный ход, а также результаты предпринятых реформ среди миллионов людей, выбитых из прежнего привычного образа жизни.

Интолерантные установки, ксенофобия, негативные межэтнические представления (в первую очередь стереотипы) в молодежной среде способствует обострению межнациональных отношений, возникновению конфликтов и противоречий на этнической основе, что предопределяет высокую актуальность исследований данных вопросов в настоящий момент.

Стоит отметить, что различные научные труды, публикации, направленные на рассмотрение межэтнических представлений, вопросов формирования этнонациональных и интолерантных установок в молодежной среде, а также издания, отражающие тенденции и изменения в социальных практиках молодежи в условиях современных реалий, имеют в своей основе различия не только в содержательном наполнении, но и качественного порядка, что не могло не отразиться на степени, глубине разработки теоретических подходов, методологии изучения заявленной в данной работе проблематики. Таким образом, в целом, научным

сообществом сегодня признается, что проблематика преодоления ксенофобии, а также вопросы и механизмы формирования позитивных и конструктивных межэтнических взаимодействий (в т.ч. среди молодежи) разработаны недостаточно, а также отсутствуют специальные работы, посвященные концептуальному, теоретическому и технологическому обоснованию социально-культурной деятельности учреждений, реализующих свою работу в сфере молодежной политики (в т.ч. досуга), направленной на снижение проявлений ксенофобии в представлениях, социальных практиках молодежи.

Наряду с этим, нередким явлением может быть ситуация, когда в рамках проведения научного исследования и последующего представления его результатов исследователи трактуют ксенофобию в контексте полного отождествления с понятием «экстремизм». Поэтому, в рамках собственного авторского эмпирического исследования в целях дальнейшей операционализации понятий «*ксенофобия*», «*интолерантные установки*», был осуществлен теоретический анализ и сравнительное сопоставление трактовок сущности дефиниций «*экстремизм*» и «*ксенофобия*». Обнаружилось, что в зарубежной традиции исследователи П. Коулман и А. Бартоли определяют экстремизм как все виды деятельности (взгляды, установки, чувства, действия, стратегии), отличающиеся от общепринятых. Российскому исследователю Сергееву С.А. подобный всеобъемлющий подход к интерпретации данного социального явления представляется более предпочтительным по сравнению с другими, более односторонними трактовками [3]. Однако, по моему мнению, следует учесть, что подобная расширительная трактовка понятия содержит в себе рискогенный потенциал в контексте нарастания дестабилизации российского общества, так как считаю, что в данной интерпретации ксенофобия и экстремизм приравняются, а также к числу последствий указанной расширительной трактовки может быть отнесено присутствие в ней элементов противоречивости, неадекватности и как следствие бесперспективности, если подразумевается глубина и тщательность дальнейшего анализа.

Между тем, согласно педагогической традиции, *ксенофобия* — отрицательное духовно-нравственное качество личности, выражающееся как неприязнь, навязчивое избегание, страх перед всем чужим, непривычным и особенно иностранным, болезненное восприятие незнакомого, отторжение иного, не своего, нетерпимость к новизне, инакомыслию [2]. Отечественный исследователь Апанасюк Л.А. в свою очередь уточняет, что основу ксенофобии составляет естественный страх человека перед неизвестностью, понимание чужого как непостижимого либо непонятого, вследствие чего автор допускает присутствие враждебности или небезопасности в формировании межэтнических представлений. А центральным социально-психологическим механизмом

ксенофобии является, по мнению ученого, стремление человека делить мир на «мы» и «они» [1].

В рамках социально-психологического подхода Г. Солдатов, А. Макаручук рассматривая ксенофобию, отмечают, что психологическая функция ксенофобии выражена в защите от «других», поэтому такая установка выражаться может в стремлении к полной либо частичной изоляции, в предрассудках, дискриминации. По мнению исследователей, данное явление может быть трансформировано в угрожающий социально-психологический феномен [4].

Таким образом, считаю, что с содержательной точки зрения трактовка понятия «ксенофобия» в отечественном психолого-педагогическом дискурсе, в своей основе является более выраженной индивидуалистической категорией и несмотря на то, что менее широка, вместе с тем, в большей степени отражает реалии современной действительности (и именно в таком контексте было операционализировано в авторском исследовании).

Понимая важность выработки рекомендаций в области профилактики ксенофобных установок и многозадачность их реализации в контексте вузовского образования с целью усовершенствования технологий, направленных на гармонизацию атмосферы межэтнических взаимодействий среди учащейся молодежи было проведено авторское эмпирическое исследование в одном из опорных университетов Ярославской области. В исследовании приняли участие студенты дневной формы обучения всех направлений подготовки программ бакалавриата ФГБОУ ВО «ЯрГУ им. П.Г. Демидова» (N=840 студентов, февраль-март 2019 г.), представленность обучающихся по факультетам находилась в следующих пропорциях (Табл. 1):

Таблица 1. Распределение респондентов по направлениям обучения (ЯрГУ им. П.Г. Демидова, N=840 студентов, февраль-март 2019 г.)

Факультет	Доля принявших участие, в %
исторический фак-т	8,8
физический фак-т	12,9
фак-т информац.-вычислит. техники	9,6
экономический	15,8
фак. соц-политич. наук	7,5
юридич факультет	25,0
психологический фак-т	5,8
математический фак-т	4,6
фак-т филологии	3,8
фак-т биологии и экологии	6,3

Одним из первых обучающимся ЯрГУ был адресован вопрос «Как Вы считаете, в целом тот факт, что в России живут люди многих национальностей, приносит ей больше пользы или больше вреда?». По результатам анализа ответов, мы зафиксировали, что мнения обучающихся распределились следующим образом: более трети участников опроса высказали мнение, что проживание в нашей стране людей разных национальностей приносит России больше пользы (35,4 %), в то время как примерно такая же доля опрошенных, а именно 37,9 % респондентов убеждены, что этнический состав населения страны никак не взаимосвязан с понятием «пользы либо вреда» в отношении благосостояния России. Между тем, анализ ответа на вышеуказанный вопрос в разрезе распределения по факультетам позволил выяснить, что сторонниками мнения о пользе для России в связи с тем, что в ней проживают люди многих национальностей, чаще других выступили студенты экономического профиля обучения (24,7%). Наряду с этим, более четверти бакалавров-юристов (27,5%) и 15,4 % из числа представителей исторического факультета, а также в равных долях студенты физического факультета и факультета информатики и вычислительной техники (по 13,2%), давая оценку многонациональному составу населения России отметили, что подобный факт **не расположен** в плоскости очевидной взаимосвязи пользы либо вреда для страны в целом. Сторонниками мнения, что больше вреда для России в том, что здесь живут люди разных национальностей, выступили чаще студенты юридического и физического факультетов (37,5 % и 25,0 % соответственно); а также каждый восьмой студент биолог, экономист либо историк (по 12, 5 % опрошенных). То обстоятельство, что среди сторонников отрицательного мнения о многонациональном составе российского общества обнаружилась весомая доля обучающихся по направлению подготовки «юриспруденция» должно вызывать озабоченность и беспокойство, так как выпускники данной специальности в недалеком будущем будут представителями высокоинтеллектуальной среды и заниматься на профессиональном уровне решением правовых вопросов различной сложности (в т.ч. возможно и защищать интересы представителей некоренных национальностей).

Необходимо также учесть, что при ответе на данный вопрос довольно значительная доля студентов выбрали вариант «затрудняюсь ответить» — практически каждый четвертый ответ (23,3 %). Причем среди неопределившихся с собственной точкой зрения по данному вопросу чаще студенты факультета социально-политических наук, юридического, а также физического факультетов (Табл. 2).

Таблица 2. Таблица сопряженности: *«Как Вы считаете, в целом тот факт, что в России живут люди многих национальностей, приносит ей больше пользы или больше вреда?»*

по переменной «факультет обучения респондента»

Факультеты ЯрГУ	Как Вы считаете, в целом тот факт, что в России живут люди многих национальностей, приносит ей больше пользы или больше вреда? (в %)			
	Больше пользы	Данные явления не взаимосвязаны	Больше вреда	Затрудняюсь ответить
Исторический	2,4	15,4	12,5	7,1
Физический	10,6	13,2	25,0	14,3
ИВТ	7,1	13,2	--	8,9
Экономический	24,7	11,0	12,5	10,7
Социально-политических наук	5,9	3,3	--	17,9
Юридический	27,1	27,5	37,5	16,1
Психологический	7,1	3,3	--	8,9
Математический	3,5	4,4	--	7,1
Филологии и коммуникации	3,5	2,2	--	7,1
Биологии и экологии	8,2	6,6	12,5	1,8
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0
* Проценты (%) посчитаны от колич. параметров ответов по столбцам				

Все это свидетельствует, что представления учащейся молодежи характеризуется противоречивостью, неоднозначностью.

Далее респондентам было предложено оценить, какова атмосфера в области межэтнических взаимодействий в российском социуме. Вариант ответа *«В России растет атмосфера ненависти и нетерпимости»*, также, как и противоположная ему позиция *«Никакой атмосферы ненависти и нетерпимости в России нет»* получили поддержку у одинаковой части опрошенных – каждый третий участник опроса выбрал одну из данных позиций при оценке суждения *«Одни люди считают, что в последнее время в российском обществе усиливается атмосфера»*

ненависти, нетерпимости. Другие полагают, что никакой атмосферы ненависти, нетерпимости в России нет. А как считаете Вы?» (37,5 % и 35,1% соответственно). Среди участников, которые считают, что межэтнические взаимоотношения усугубляются в направлении нагнетания нетерпимости более часто студенты, которые обучаются на юридическом направлении (23,3 %), а также физическом и экономическом факультетах (16,7%: 12,2 %).

Настораживает также то обстоятельство, что весьма немалочисленна доля респондентов, что воздержалась высказать собственное мнение о тенденциях в области межнациональных отношений в российском социуме (более четверти — 27, 4% ответов). Данная тенденция на мой взгляд обуславливает с одной стороны индифферентность учащейся молодежи, что вместе с тем является качеством, присущим этому возрасту в силу социально-психологического противоречия данной социально-демографической группы. С другой стороны, считаю возможным сделать допущение, что, прочитав вопрос о тенденциях межэтнических взаимоотношений в российском социуме, часть студентов выбирала вариант ответа *«затрудняюсь ответить»* сознательно и стремилась таким образом не привлекать внимания исследователя к собственной позиции.

Далее обучающимся было предложено высказаться относительно следующих суждений: *«Одни люди считают, что представители коренной национальности должны иметь больше прав, чем представители других национальностей. Другие считают, что все граждане в любой стране и регионе должны обладать равными правами независимо от национальности. С какой точкой зрения согласны Вы в большей степени?»* Подавляющее большинство опрошенных отметили, что поддерживают тезис о том, что все граждане должны иметь равные права – 82,8 %; в то время как 8,4 % учащейся молодежи разделяют идею о необходимости привилегий для коренного населения страны. Незначительная часть обучающихся по данному вопросу проявили индифферентность, так как отметили позицию *«меня это не касается»* (5,4%). В разрезе представленности обучающихся — сторонников тезиса *«коренное население должно иметь больше прав»* в зависимости с профилем образовательной программы, выяснилось, что чаще заявили о своей лояльности к указанному суждению студенты юридического и физического факультетов, а также представители факультета биологии и экологии (20,0 % и 15,0 % соответственно, Табл. 3).

Таблица 3. Таблица сопряженности:

«Одни люди считают, что представители коренной национальности должны иметь больше прав, чем представители других национальностей. Другие считают, что все граждане в любой стране и регионе должны обладать равными правами независимо от национальности. С какой точкой зрения согласны Вы в большей степени?»

по переменной «факультет обучения респондента»

Факультет ЯрГУ	Все граждане должны иметь равные права (в %)	Коренное население должно иметь больше прав (в %)
Исторический	8,1	10,0
Физический	10,6	15,0
ИВТ	10,1	10,0
Экономический	16,7	5,0
Социально- политических наук	8,1	5,0
Юридический	26,3	20,0
Психологический	6,1	10,0
Математический	5,1	--
Филологии и коммуникации	3,0	10,0
Биологии и экологии	6,1	15,0
Итого	100	100
* Проценты (%) посчитаны от колич. параметров ответов по столбцам		

Участников опроса, выразивших согласие с тезисом **«коренное население должно иметь больше прав»**, также дополнительно спросили о том, по какой причине они поддерживают данную точку зрения. Каждый четвертый ответ был связан с попыткой студентов обозначить более-менее весомо свою позицию в следующей формулировке — **«мигранты вытесняют коренных жителей с рабочих мест, сбивают расценки на труд»** (26,2%), в то время как 1/5 мнений связаны с представлением, что **«коренное население должно иметь больше прав, так как составляет большинство»** (20,0 %). Каждый шестой ответ студента демонстрирует в целом их обеспокоенность тем фактом, что численные показатели представителей мигрантского сообщества заметно увеличиваются (15,8%). Одинаковая доля опрошенных объясняет собственную позицию следующим образом: 11,6 % ответов закрепились за тезисом **«коренное**

население живет хуже, чем приезжие, нужно защищать его права», тогда как, другие 11,6 % респондентов высказались, что «мигранты ведут себя агрессивно, пренебрежительно относятся к местному населению». Вместе с тем, при анализе данного вопроса в числе ответов был и в определенной степени довольно категоричный вариант объяснения собственного мнения студентами — «России не нужны мигранты, пусть они живут в своих странах», имевший немногочисленную поддержку — 7,5 % (Табл.4). Считаем, что подобный ответ отражает в некоторой степени напряженность во взаимоотношениях между принимающим обществом (в качестве которого выступает российское общество) и иностранной рабочей силой, которая едет в нашу страну с целью заработка. Распространение таких взглядов в среде учащейся молодежи может повысить вероятность формирования представлений об исключительности, превосходства человека по признаку его национальной либо религиозной принадлежности, что также отразится на атмосфере взаимоотношений между российскими народами в направлении усложнения и нарастания негативных предубеждений.

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос: «Скажите, пожалуйста, а почему Вы считаете, что коренное население должно иметь больше прав?»

Варианты ответов	% от числа ответов
Мигранты вытесняют коренных жителей с рабочих мест, сбивают расценки на труд	26,2
Коренное население составляет большинство	20,1
Число мигрантов растет, их слишком много	15,8
Коренное население живет хуже, чем приезжие, нужно защищать права коренного населения	11,6
Мигранты ведут себя агрессивно, пренебрежительно относятся к местному населению	11,6
России не нужны мигранты, пусть они живут в своих странах	7,5
Затрудняюсь ответить	7,1

Также целесообразным нам представлялось рассмотреть представления студентов в отношении наличия / отсутствия дискриминационных практик по национальному признаку в условиях повседневности. В этой связи мы предложили обучающимся суждение:

«Некоторые люди испытывают раздражение / неприязнь по отношению к представителям той или иной национальности. А Вы лично испытываете раздражение по отношению к представителям какой-либо национальности?». Полученные данные зафиксировали, что среди опрошенных студентов ЯрГУ немногочисленная доля не скрывает факта, что испытывает неприязнь к представителям той или иной национальности – 11,3 % ответов. Оптимизм вселяет тот факт, что более 2/3 респондентов не позиционируют у себя присутствия признаков раздражения по отношению к другим людям по национальному признаку (76,9%). Наряду с этим, среди респондентов, признающих наличие предвзятого отношения к другим людям по национальному признаку, т.е. открыто демонстрирующих националистическую установку, прямо об этом заявили студенты юридического (29,6%) и исторического факультетов (18,5%), а также обучающиеся по экономическому направлению (14,8%, Табл. 5).

Таблица 5. Таблица сопряженности: **«Некоторые люди испытывают раздражение / неприязнь по отношению к представителям той или иной национальности. А Вы лично испытываете раздражение по отношению к представителям какой-либо национальности?»**

по переменной «факультет обучения респондента»

Факультеты ЯрГУ	Вы лично испытываете раздражение по отношению к представителям какой-либо национальности? (в %)		
	Испытываю	Не испытываю	Затрудняюсь ответить
Исторический	18,5	8,2	0,0
Физический	3,7	12,0	28,6
ИВТ	11,1	10,9	0,0
Экономический	14,8	15,3	17,9
Социально-политических наук	0,0	8,2	10,7
Юридический	29,6	24,6	25,0
Психологический	7,4	6,6	0,0
Математический	0,0	5,5	3,6
Филологии и коммуникации	11,1	2,7	3,6
Биологии и экологии	3,7	6,0	10,7
Итого	100,0	100,0	100,0

*** Проценты (%) посчитаны от колич. параметров ответов по столбцам**

В рамках исследования присутствовала также задача выяснить наличие у студентов повседневного опыта ущемления их прав по национальному признаку. На вопрос **«Возникали ли случаи, что Вас оскорбляли, обижали в связи с Вашей национальной принадлежностью или что Вы подвергаетесь притеснениям из-за национальности?»** значительная доля респондентов, высказалась, что не сталкивалась с ущемлением своих прав по национальному признаку (75,6%). Однако 16,8% представителей учащейся молодежи признала тот факт, что в повседневной практике сталкивались с ущемлением своих прав по национальному признаку – практически каждый шестой случай, что для молодежной среды является довольно тревожным фактором. При ответе на данный вопрос среди участников опроса присутствовал и выбор варианта **«затрудняюсь ответить»** (7,6 %), что может быть оценено как нежелание делиться негативным личным опытом.

В силу того обстоятельства, что информационное пространство для молодежи в современных условиях выступает в достаточной степени важной составляющей их повседневной жизни, студентам также был адресован вопрос: **«Скажите, пожалуйста, какими социальными сетями Вы пользуетесь?»**. Анализ ответов респондентов позволил обнаружить, что каждый обучающийся сегодня в среднем пользуется как минимум двумя социальными сетями – на первом месте по охвату социальная сеть **«ВКонтакте»** — 38,1% ответов; на втором — по популярности приложение **«Instagram»** — 27,3%, в то время как замыкает рейтинг мессенджер **«Telegram»** (14,2%). Также нас интересовал вопрос о том приходилось ли студентам встречать в социальных сетях материалы, которые лично ими могли быть восприняты как экстремистские. Распределение ответов позволило обнаружить: каждый второй опрошенный отметил, что ему не приходилось встречаться в социальных сетях с материалами, которые могли быть восприняты как экстремистские (50,4%). Между тем, более 1/3 респондентов признали, что им приходилось встречать в социальных сетях материалы, которые лично им представлялись экстремистскими (41,7 % ответов – суммарно доля тех, кто ответил, что приходилось часто либо редко встречать подобные материалы, Табл. 6).

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос: **«Вам приходилось встречать в социальных сетях материалы, которые кажутся лично Вам экстремистскими?»**

Варианты ответов	% от ответов
не приходилось	50,6
приходилось редко	34,9
приходилось часто	6,8
затрудняюсь ответить	7,7

Анализ ответов на вопрос «Вам приходилось встречать в социальных сетях материалы, которые кажутся лично Вам экстремистскими?» в разрезе распределения ответов об актуальности для молодежи социальных сетей позволил обнаружить, что подобные материалы чаще размещались в социальной сети «ВКонтакте» — 35,8% ответов; во вторую очередь – в приложении «Instagram» — 28,3%, а также – в мессенджере «Telegram» (12,5%) и социальной сети «Twitter» (10,2%, Табл.7).

Таблица 7. Таблица сопряженности: «Вам приходилось встречать в социальных сетях материалы, которые кажутся лично Вам экстремистскими?» по переменной «Скажите, пожалуйста, какими социальными сетями Вы пользуетесь?»

Скажите, пожалуйста, какими социальными сетями Вы пользуетесь?	Вам приходилось встречать в социальных сетях материалы, которые кажутся лично Вам экстремистскими? (в %)		
	не приходилось	приходилось часто / редко	затрудняюсь ответить
ВКонтакте	40,6	35,8	38,1
Instagram	25,1	28,3	35,7
Telegram	14,8	12,5	16,7
Twitter	5,3	10,2	4,8
Facebook	7,8	6,4	4,8
Мой Мир	2,1	2,3	0,0
Одноклассники	3,2	3,4	0,0
LiveJournal	0,0	1,1	0,0
Другой вариант	1,1	0,0	0,0
Итого	100,0	100,0	100,0
* Проценты (%) посчитаны от колич. параметров ответов по столбцам			

Считаем, что в латентной (скрытой) форме в повседневной жизни современной учащейся молодежи ситуации, связанные с дискриминацией их прав по национальному признаку либо с открытой демонстрацией националистических установок, не только практикуются в качестве единичных проявлений, но и имеют тенденцию к тому, что постепенно обретают затяжной характер, а также становятся системными, устойчивыми в неблагоприятном аспекте. В связи с этим, актуализируется задача (относящаяся к числу первоочередных) по подготовке мероприятий в рамках образовательной организации, которые позволят направить

социальную активность молодежи в конструктивное направление, развивать позитивное взаимодействие представителей разных национальностей в молодежной среде – в частности, посредством создания в структуре Управления по воспитательной работе и молодежной политике обучающихся в ЯрГУ им. П.Г. Демидова *клуба интернациональной дружбы* (действующего на постоянной основе).

В контексте вузовского образования в целом, на фоне уже вступивших в действие новых Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования (3++) по большей части направлений подготовки, считаем целесообразным ввести в учебные планы не только всех направлений подготовки, но и на соответствующих уровнях обучения (бакалавриата, магистратуры) дисциплину *«Межэтническая коммуникация в современном обществе»* либо *«Профилактика экстремизма в молодежной среде»*, что в свою очередь согласуется с требованиями новых ФГОС ВО (3++), где в качестве универсальной компетенции выпускника заявлено *«межкультурное взаимодействие»*, раскрывающееся в следующей редакции *«выпускник должен быть способен воспринимать межкультурное разнообразие общества в социально-историческом, этическом и философском контекстах»* [5].

Также научным и педагогическим коллективам образовательных организаций соответствующих уровней (в старшей школе, средне-специальных и высших учебных заведениях) в различных регионах РФ (с учетом их собственной специфики) предлагаем приступить к совместному обсуждению, дискуссии и дальнейшей работе по разработке, согласованию и внедрению системных циклично повторяющихся мониторинговых региональных исследований на основе единого инструментария (например, методом анкетирования и фокус-групповых обсуждений), направленных на распознавание экстремистских проявлений и способов вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность, выявление противоречий и сложностей, с которыми сопряжены стремления повысить эффективность борьбы с феноменом экстремизма¹³.

Литература

1. Апанасюк Л.А. Ксенофобия как предмет социально-культурного исследования // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Вып.12. — [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/ksenofobiya-kak-predmet-sotsialno-kulturnogo-issledovaniya>

¹³ Положение было предложено автором данной публикации в проект резолюции Научно-образовательного Форума «Профилактика экстремизма в образовательных организациях» (МПГУ, Центр профилактики религиозного и этнического экстремизма в образовательных организациях РФ, Москва, 12 декабря 2018 г.)

2. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога) / Сост. В.С. Безрукова. – Екатеринбург. 2000 — [Электронный ресурс] URL: <http://cult-lib.ru/doc/dictionary/spiritual-culture/fc/slovar-202-4.htm#zag-1085>

3. Сергеев С.А. Исследования экстремизма и радикализма в зарубежных и отечественных социальных науках — [Электронный ресурс] URL:

<https://kpfu.ru/docs/F110664239/Statya.Ekstremizm.radikalizm.sokr.bibliograf.pdf>

4. Солдатова Г., Макачук А. Ксенофобия как социально опасный феномен / В раб. Г.У. Солдатова, А.В. Макачук. Тренинг по профилактике ксенофобии. М.: Генезис, 2006. — [Электронный ресурс] URL: <https://psyfactor.org/lib/xenophobia2.htm>

5. ФГОС ВО (3++) с учетом профессиональных стандартов по направлениям бакалавриата, магистратуры / Министерство образования и науки РФ (утвержденные в 2018 г. и далее) — [Электронный ресурс] URL: <http://fgosvo.ru/fgosvo/151/150/24>

Стратегические коммуникации как способ профилактики и противодействия идеологии ИГИЛ¹⁴ в информационном пространстве

Дорошенко Елена Игоревна

выпускающий редактор Международного информационного агентства «Россия сегодня» (г. Москва)

Одним из самых заметных событий 2019 г. стало физическое уничтожение созданного «Исламским государством» псевдохалифата военными средствами, причем российские ВКС сыграли в этом далеко не последнюю роль. Однако, к сожалению, это не означает, что опасность, исходящая от данной террористической организации, полностью устранена: ИГИЛ успешно адаптируется к новым условиям, что, в свою очередь, предполагает и изменение характера угрозы, которую несет в себе эта группировка. Апрельские теракты на Шри-Ланке, унесшие жизни 258 человек¹⁵, являются доказательством того, что идеология ИГИЛ не теряет актуальности, причем это было уже официально признано на международном уровне.

Как отмечается в Двадцать четвертом докладе Группы по аналитической поддержке и наблюдению за санкциями ООН¹⁶ от 15 июля 2019 г., нападения были «инициирован[ы] и организован[ы] местными силами, вдохновленными идеологией ИГИЛ».

Эти взрывы были призваны *содействовать укреплению глобального имиджа ИГИЛ после его военного поражения в Ираке и Сирийской Арабской Республике*¹⁷.

Более того, в документе есть указание на характерный для группировки стратегический прием — брать на себя ответственность за масштабные теракты, совершенные без ее участия: «Несмотря на то, что ответственность на себя взяло ИГИЛ, расследования, проведенные государствами-членами, показали, что *ядро ИГИЛ не руководило этими терактами, не содействовало их совершению и не знало о них заранее*»¹⁸. Такая схема действий демонстрирует стремление группировки расширить сферу влияния и обозначить свое присутствие и там, где его нет, в том числе и путем установления несуществующих связей между событиями.

¹⁴ Здесь и далее имеется в виду запрещенная в РФ террористическая организация.

¹⁵ По данным ООН: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/S/2019/570>

¹⁶ Полное название – Двадцать четвертый доклад Группы по аналитической поддержке и наблюдению за санкциями, представленный во исполнение резолюции 2368 (2017) по ИГИЛ (ДАИШ), «Аль-Каиде» и связанным с ними лицам и организациям // ООН, 15.08.2019 — <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/S/2019/570>

¹⁷ Там же. С. 20, курсив автора.

¹⁸ Там же, курсив автора.

Другие тезисы Доклада ООН, характеризующие трансформацию угрозы ИГИЛ, сводятся к следующему¹⁹:

- Несмотря на военное поражение, ИГИЛ по-прежнему насчитывает в своих рядах большое число боевиков и имеет других сторонников в Ираке и Сирийской Арабской Республике и может *свободно действовать во многих районах и регулярно совершать нападения, демонстрируя свою мощь и подрывая доверие общественности к местным властям*;

- Проблемы, связанные с иностранными боевиками-террористами, их иждивенцами, возвращающимися и перемещающимися террористами и несостоявшимися «заезжими террористами», усугубляют сложившуюся ситуацию и стоят по-прежнему остро;

- Поскольку *продолжается трансформация ИГИЛ из псевдогосударства в глобальную сеть, которая служит идейным вдохновителем и руководит террористической деятельностью*, организация, возможно, будет стремиться к созданию платформ, позволяющих ей *действовать в районах, в которых раньше она никакой деятельности не вела*;

- ...[Ч]тобы не утратить *репутацию ведущей мировой террористической организации — «виртуального халифата»*, — группа продолжает вести свою *пропагандистскую деятельность*;

- ...[Особое внимание следует обратить на] *террористическую угрозу, связанную с рынками и поставщиками, работающими в скрытом сегменте Интернета*, и призвать государства-члены, которые этого еще не сделали, создать специализированные правоохранительные подразделения, которые занимались бы выявлением совершаемых в этом сегменте преступлений и проведением расследований в их отношении, а также создать национальные контактные центры, через которые государства-члены могли бы обмениваться данными и сопоставлять их.

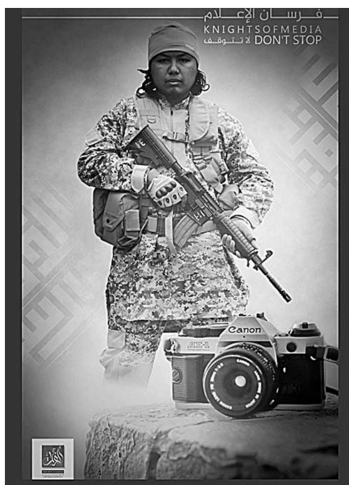
Тот факт, что ИГИЛ сохранило наработанный потенциал в сфере информационных технологий, – в частности, все, что связано с пропагандой и ее распространением – отмечают и эксперты в области безопасности. Так, например, Джошуа Фишер-Берч, участник американского Проекта по противодействию экстремизму, считает, что даже несмотря на потерю контроля над *реальным* пространством – территориями, ИГИЛ все это время продолжало цвести пышным цветом в пространстве *виртуальном* – интернете.

В интервью изданию *Vice* он сказал: «В распоряжении ИГИЛ и его интернет-сторонников по-прежнему находится разветвленная онлайн-овая сеть, через которую происходит распространение пропаганды, [призывов]

¹⁹ Там же. С. 6, 8, 20, 3, 28, курсив автора.

к «волкам-одиночкам» совершать теракты, а также информации о безопасности в интернете, взрывчатых веществах и обращении с различными видами оружия. ...Притом, что отдельные соцсетевые платформы наконец-то поставили во главу угла удаление [террористических материалов] и совершенствуют свои возможности [в этом направлении], до сих пор существуют такие каналы, как Telegram и Rocket Chat, благодаря которым ИГИЛ сохраняет свое присутствие в интернете»²⁰.

Иллюстрации, которые ИГИЛ публикует в соцсетях, также красноречиво говорят о том, что группировка по-прежнему придает большое значение «медиа-джихаду».

«Рыцарь» «медиа-джихада»

«Промывка мозгов»: визуализация действия пропаганды

Рис. 1 Иллюстрации «медиа-джихада»

Соответственно, утратив последние метры своего «государства» и оказавшись в условиях периода «пост-халифата», ИГИЛ активно действует в цифровом пространстве. Кроме того, группировка сохраняет позиции и как социальная общность за счет своих убежденных членов, последователей и сторонников, что особенно показательно на примере ситуации, сложившейся в лагерях для интернированных — бывших

²⁰ Makuch, B. ISIS is Using Internet Propaganda to Maintain a ‘Virtual Caliphate’, UN Report Says // Vice, 06.08.2019 — URL: https://www.vice.com/en_us/article/gyzx3j/isis-is-using-internet-propaganda-to-maintain-a-virtual-caliphate-un-report-says

граждан псевдохалифата. В самом крупном из них, эль-Холе, находящемся под контролем Сирийских демократических сил, проживает свыше 70 тыс. человек; в основном, это женщины и дети из Сирии и Ирака, а также около 9 тыс. иностранных граждан. Около половины населения лагеря составляют дети в возрасте до 12 лет²¹. Они годами находились под влиянием идеологии ИГИЛ, причем, по всей видимости, это влияние сохраняется и по сей день.

Комментируя происходящее, заместитель командующего [силами] международной коалиции генерал-майор Алексус Гринкевич подчеркивает: «Мы располагаем неофициальными данными о том, что среди сдавшихся женщин с детьми ... имеются убежденные идеологи ИГИЛ. Мы ... также [принимая во внимание] сообщения, поступающие от ... наших партнеров, работающих в лагерях, о том, что присутствие этой идеологии там ярко выражено. ... Детей [продолжают] воспитывать в этом духе, так что можно практически наблюдать [формирование] следующего поколения ИГИЛ в этих лагерях. Это огромная проблема»²².

Его выводы подтверждают и гуманитарные организации, отмечающие обострение социальной обстановки в лагерях для интернированных, «поскольку активные сторонники ИГИЛ стремятся установить контроль над остальным [населением].

В видео-интервью, недавно опубликованных на джихадистских интернет-ресурсах, ... женщины говорят о себе как о «бомбах замедленного действия» и [заявляют о намерении] приложить все силы к восстановлению халифата»²³. Более того, ИГИЛ использует сложившуюся ситуацию и в пропагандистских целях: на платформе Telegram был создан канал «жен халифата» из лагеря эль-Холь, публикующий сообщения на английском, французском и арабском языках и призывающий «оказывать помощь семьям моджахедов».

²¹ По данным на начало июля 2019 г.: *Hall, R.* 'Hardcore' Isis ideologues held in Syrian camps represent long-term risk, warns US-led coalition // *The Independent*, 03.07.2019 — URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/isis-syria-al-hol-camps-terror-shamima-begum-us-coalition-a8986671.html>

²² Там же.

²³ *Urban, M.* UK 'has responsibility' to prosecute IS fighter // *BBC*, 30.07.2019 — URL: <https://www.bbc.com/news/uk-49158483>

Рис. 2 Telegram-канал «жен ‘халифата’»

Стоит добавить, что в настоящее время эксперты пересматривают роль женщин в строительстве псевдохалифата. Как отмечает *New York Times*, «распространенное некогда мнение о том, что женщины в ИГИЛ [были] пассивными жертвами, «невестами джихада», которых заманили в «халифат» и выдали замуж за боевиков, опровергается тем, что некоторые из них, как было доказано, являлись членами подразделений «полиции нравов», а в отдельных случаях и брали в руки оружие»²⁴.

Издание также приводит точку зрения Меридит Локен, доцента Университета Массачусетса в Амхерсте: «Общее мнение, которое формируют политики и СМИ, сводится к тому, что [эти женщины] были одурманены, обмануты, влюблены и не ведали, что творят. Однако даже и [не произведя ни единого выстрела], многие из них активно вносили свой вклад [в дело группировки]»²⁵.

Эта проблема тесно связана с вопросом о правовом статусе иностранных боевиков ИГИЛ и их семей, содержащихся на территории Сирии и Ирака: отдельные страны, как, например, Великобритания и Австралия, аннулировали паспорта своих граждан, подозреваемых в том, что они вступили в ИГИЛ за границей. По словам министра иностранных дел Великобритании Саджида Джавида, гражданства уже были лишены 150 человек. Однако тем самым эти люди и их дети «обрекаются на задержание на неопределенный срок без предъявления обвинений и, в перспективе, лишаются принадлежности к какому бы то ни было государству»²⁶. Последнее особенно важно, поскольку долговременная неопределенность их статуса и отсутствие решения о репатриации способствуют воспроизводству и укреплению социальных связей, сформировавшихся в псевдохалифате, в лагерях для интернированных.

²⁴ Yee, V. Thousands of ISIS Children Suffer in Camps as Countries Grapple With Their Fate // *New York Times*, 08.05.2019 — URL: <https://www.nytimes.com/2019/05/08/world/middleeast/isis-prisoners-children-women.html>

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

Другими словами, чем больше откладывается вопрос о дальнейшей судьбе задержанных в Сирии и Ираке боевиков ИГИЛ и членов их семей, тем выше вероятность возникновения сообществ по образу и подобию «халифата» в местах их временного содержания. Соответственно, лишившись одних территорий, ИГИЛ фактически переселилось на другие, поскольку идеология и социальный уклад имеют своих носителей, а то, что юридически они теряют принадлежность «к какому бы то ни было государству» будет лишь усиливать их стремление выстроить свое собственное.

Однако дети — настоящие жертвы этого жестокого социального эксперимента, затеянного террористами. Так же, как и женщинам, ИГИЛ отводило им не последнюю роль: по словам экспертов, оно эксплуатировало их в качестве «лазутчиков, шпионов, поваров, а в отдельных случаях — и как боевиков и смертников, их руками устанавливались взрывные устройства. В пропагандистских видео [ИГИЛ] есть кадры, на которых маленькие дети обезглавливают и расстреливают пленников»²⁷.

Специалисты-психологи, изучающие явление радикализации, утверждают, что это неслучайно: «В целях собственного выживания ИГИЛ приложило значительные усилия к тому, чтобы взрастить следующее поколение. ... [На практике это означало] систематическое воспитание в духе идеологии — а в некоторых случаях и военную подготовку — малолетних детей на подконтрольных территориях. *ИГИЛ стремилось к тому, чтобы вырастить из детей [продолжателей] своего дела, доверив своим женщинам-членам их воспитание и развитие*»²⁸. По словам Джини Вэйл, научного сотрудника Международного центра изучения радикализации при королевском колледже в Лондоне, «для большинства детей влияние идеологии и режима ИГИЛ главным образом сводятся к психологическим травмам и виктимизации, [поэтому им требуется особенно] тщательная реабилитация и [серьезная] поддержка. При этом нужно также признать и то, что некоторые из них могут представлять угрозу безопасности»²⁹.

В терминах распространения идеологии ИГИЛ в информационном пространстве это означает появление нового вида носителей: тех, кто с рождения воспитывался в рамках искаженной системы ценностей и поэтому не нуждается в вербовке, но потенциально способен привлекать других своими искренними убеждениями в «правильность» усвоенных в детстве норм. Другими словами, идеологические установки ИГИЛ для

²⁷ Там же.

²⁸ ‘Hardcore’ Isis ideologues..., <https://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/isis-syria-al-hol-camps-terror-shamima-begum-us-coalition-a8986671.html>, курсив автора

²⁹ Там же.

таких детей – это отправная точка и исходный жизненный ориентир, а псевдохалифат — родина, поэтому, в отличие от людей более старших, тех, кому мировоззрение группировки прививалось искусственно, «львята и жемчужины ‘халифата’» радикализованы с самого раннего возраста.

Кроме того, возвращаясь к вопросу о гражданстве и правовом статусе, следует отметить, что правительства отдельных стран – как, например, Турции – «демонстрируют большую готовность к репатриации детей, чем их родителей, хотя очень немногие из [этих государств] готовы отправлять за ними людей в Сирию и Ирак. ... [При этом], чтобы реинтегрировать этих детей в общество, некоторые страны [принимают решение забирать их] у ... родителей и передавать родственникам, или на усыновление»³⁰.

Разлука с родителями может усугубить уже полученные этими детьми психологические травмы — в частности, к пережитому потенциально добавляется обида на благополучное, но чуждое общество, поэтому процесс дерадикализации еще больше усложнится. К тому же, и в информационном пространстве, куда таким детям будет еще легче получить доступ за пределами лагерей Сирии и Ирака, сохраняются идеологические установки ИГИЛ, адаптированные под новые условия. Вышеупомянутая эксперт Джина Вэйл следующим образом характеризует сложившуюся ситуацию: «Создав нарратив, в котором поражение истолковано как «испытание веры», ИГИЛ оставило [пространство] для воссоздания, в том или ином виде, материального ‘халифата’, а также [обеспечило] выживание своих главных ценностей и мировоззрения»³¹.

Следует также упомянуть некоторые особенности так называемого «поколения Z» — молодых людей, родившихся в период между 1997 и 2012 гг. – из-за которых они в какой-то мере становятся более открытыми и уязвимыми перед деструктивной идеологией и пропагандой. Авторы недавнего исследования корпорации RAND, посвященного новому поколению салафитов-джихадистов, считают, что представители «поколения Z» отличаются «исключительно глубоким знанием технологий, что, в свою очередь, оказывает значительное влияние на их взаимодействие с обществом, когнитивные способности, психологическое развитие и мировоззрение. ... [Кроме того, поскольку их социо-эмоциональные реакции все еще] находятся в стадии формирования, молодые люди *более восприимчивы к сенсационным материалам, вызывающим эмоциональный отклик и обещающим быстрое*

³⁰ Thousands of ISIS Children... — URL: <https://www.nytimes.com/2019/05/08/world/middleeast/isis-prisoners-children-women.html>

³¹ ‘Hardcore’ Isis ideologues... — URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/isis-syria-al-hol-camps-terror-shamima-begum-us-coalition-a8986671.html>

вознаграждение, а также [более склонны] к [действиям], связанным с риском – к протестам или насилию»³².

ИГИЛ, в свою очередь, «выстраивает свои коммуникационные стратегии вокруг социальных сетей и мессенджеров», наполняет их эмоционально насыщенными публикациями, основная цель которых – радикализация и вербовка и, таким образом, эксплуатирует психологическую незрелость и зависимость от интернета «поколения Z»³³.

Соответственно, в этих новых условиях требуются и новые глобальные решения. Это отмечается, в частности, в новом Комплексном плане противодействия идеологии терроризма в РФ на 2019-2023 гг.: подчеркивается необходимость совершенствования «мер информационно-пропагандистского характера и защиты информационного пространства Российской Федерации от идеологии терроризма»³⁴.

Кроме того, в Плане есть указание и на изменение характера угрозы, которое по своей формулировке созвучно вышеприведенным тезисам Доклада ООН: ««...[A]ктивная пропагандистская и вербовочная деятельность МТО, базирующаяся на искажении традиционных религиозных постулатов, принимает новые организационные формы, для ее ведения используются современные средства коммуникации»³⁵.

Одним из возможных путей преодоления неблагоприятной ситуации в информационном пространстве является более активное применение *стратегических коммуникаций*. Термин «стратегические коммуникации» в 2001 г. ввел в научный обиход американский эксперт Винс Витто, председатель Целевой группы совета по оборонной науке по управляемому распространению информации. С тех пор это понятие широко распространилось — в том числе и в России — и прочно вошло во многие сферы деятельности: в экономику и бизнес, политологию, теорию массовых коммуникаций. Однако, несмотря на то, что этот термин сегодня «на слуху», его значение варьируется в зависимости от области применения.

В контексте обсуждаемых проблем логичным представляется использовать следующее определение: «Стратегические коммуникации – это согласованные действия, сообщения, изображения и все, что имеет

³² Bafta, R.C., Vest, N., Chan, W.Y., Fanlo, A. Defining and Understanding the Next Generation of Salafi-Jihadists // RAND Corporation, август 2019 — https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/perspectives/PE300/PE341/RAND_PE341.pdf, курсив автора.

³³ Там же.

³⁴ Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019-2023 гг., с.3 — <http://nac.gov.ru/terrorizmu-net/kompleksnyy-plan-protivodeystviya-ideologii-terrorizma-v.html>

³⁵ Там же. С. 2, курсив автора.

целью информировать, оказать воздействие или убедить определенные аудитории в поддержку государственных целей. Сюда входит и народная дипломатия, и взаимоотношения (связи) с общественностью, и информационно-психологическое воздействие – в частности, пропаганда, информационные операции и психологические операции»³⁶.

Конкретным примером эффективного использования стратегических коммуникаций для выстраивания конструктивного взаимодействия с обществом может служить проект «Радио свобода» «Не ради нас» (*Not in Our Name*).

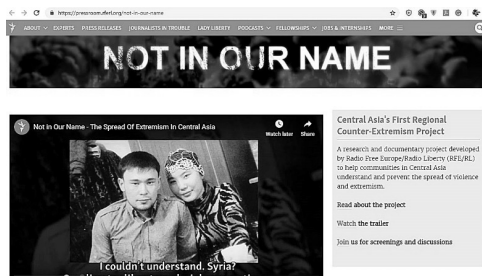

Рис. 3 Интернет-страница проекта «Не ради нас» на сайте «Радио свободы»

В конце 2017 – начале 2018 гг. «проектная команда «Радио свободы» занималась исследованиями в 16 регионах Казахстана и Узбекистана и проводила интервью с семьями, потерявшими близких в Сирии и Ираке.

Полученные видео-портреты и записи бесед были затем представлены для обсуждения дискуссионным группам, состоящим из молодых людей-выходцев из стран региона. Проектная команда включала в себя исследователей и журналистов, имеющих значительный опыт работы [с проявлениями] агрессивного экстремизма в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане, а также во всем Центрально-азиатском регионе.

Дискуссии проводились на всех пяти основных региональных языках, а также на русском, и записывались на видео»³⁷. Отзывы участников указывают на то, что темы были выбраны правильно и что обществу в целом нужна такая дискуссия.

³⁶ Приводится по материалам доклада Кристофера Пола: Paul, C. Getting Better at Strategic Communication // RAND Corporation, 12.07.2011 — https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/testimonies/2011/RAND_CT366.pdf

³⁷ Not in Our Name // Radio Free Europe/Radio Liberty, 09.10.2018 — <https://docs.rferl.org/en-Press/2018/10/09/703cf8d7-6098-4908-aa9d-1a253c7c3ecf.pdf>

Общий положительный эффект состоит в том, что те, кто знает о проблеме экстремизма и терроризма на собственном опыте, смогли высказаться, поделиться своей историей, продемонстрировать, насколько это может быть тяжело и опасно. Вместе с тем, обществу была предоставлена возможность обсудить эту проблему в рамках контролируемой дискуссии и таким образом, хотя бы отчасти преодолеть формирование социальной стигмы по отношению к членам семей тех, кто выезжал «на войну» за псевдохалифат в Сирию.

Одним из факторов успеха проекта также является удачно выбранный формат – это ток-шоу, диалог между ведущим и участником в присутствии аудитории. Психологические преимущества такой организации дискуссии заключаются в том, что, с одной стороны, она предполагает прямой разговор, живой и эмоциональный, а с другой – может проводиться с привлечением слушателей и зрителей за пределами студии, т.е. онлайн. Сочетание «реального» и «виртуального» видов общения заинтересует более многочисленные аудитории и поможет сделать обсуждение проблемы доступным и для тех, кто ориентирован на восприятие информации через интернет, и для тех, кому важен разговор напрямую.

В молодежной среде — в рамках контролируемой дискуссии – такие ток-шоу могли бы касаться, например, судеб сверстников, оказавшихся на войне по тем или иным причинам, детей «без детства», страдающих из-за радикальных решений своих родителей, несовместимости терроризма и семейных ценностей. Поскольку молодежные аудитории — в силу особенностей восприятия, о которых речь шла выше — ориентированы на эмоциональную подачу, формат инструкций, рекомендаций и прочих предписаний в стиле «что такое хорошо и что такое плохо» не будет иметь успеха.

Удачным решением, в любом случае, будет открытость и демонстрация готовности к неформальному обсуждению проблемы, а не замалчивание и уход от нее.

Нужно также отметить, что результаты дискуссии проекта «Не ради нас» впоследствии стали частью компактного социологического исследования, обнаружившего, во-первых, настроения в обществе, а во-вторых, изменение (развитие) отношения участников к данной проблеме, процесс формирования их мнения. Аналогичные по содержанию задания на работу с информацией после проведенного ток-шоу, возможно, были бы интересны студентам социологических, политологических и журналистских факультетов.

В заключение приведем основные *выводы*:

- Актуальность угрозы ИГИЛ в период «пост-халифата», в том числе и в информационном пространстве, сохраняется, что официально

признано как ведущей международной организацией (ООН), так и экспертным сообществом во всем мире;

- Идеологически мотивированная общность, сложившаяся на территориях, которые несколько лет находились под контролем ИГИЛ, продолжает существовать в лагерях для интернированных в Сирии и Ираке;

- Отсутствие необходимой законодательной базы и долговременная неопределенность правового статуса бывших граждан псевдохалифата ИГИЛ, в особенности иностранцев, приехавших «на войну» в Сирию и Ирак, способствует закреплению и воспроизводству социальных связей, существовавших в период «халифата»;

- В информационном пространстве возможна активизация деятельности новых носителей и распространителей идеологии ИГИЛ, намеренных любой ценой восстановить утраченное псевдогосударство: это высокомотивированные женщины и травмированные дети «халифата», в настоящее время оказавшиеся людьми без гражданства;

- Для преодоления складывающихся неблагоприятных условий предлагается использование методов профилактики и противодействия деструктивным идеологиям из сферы стратегических коммуникаций, ориентированных на особенности «поколения Z» (1997-2012гг.): погруженность в интернет-технологии и эмоциональное реагирование на пропагандистские материалы.

Литература

1. Двадцать четвертый доклад Группы по аналитической поддержке и наблюдению за санкциями, представленный во исполнение резолюции 2368 (2017) по ИГИЛ (ДАИШ), «Аль-Каиде» и связанным с ними лицам и организациям, интернет-версия, URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/S/2019/570>;

2. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019-2023 г., интернет-версия, <http://nac.gov.ru/terrorizmu-net/kompleksnyy-plan-protivodeystviya-ideologii-terrorizma-v.html>;

3. Bafta, R.C., Ves,t N., Chan, W.Y., Fanlo, A. Defining and Understanding the Next Generation of Salafi-Jihadists // RAND Corporation, 2019 г., интернет-версия, URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/perspectives/PE300/PE341/RAND_PE341.pdf;

4. *Clarke, Colin P.* After the Caliphate, Polity Press, 2019, Cambridge, 224 с.

5. Paul, C. Strategic Communication: Origins, Concepts and Current Debates, Praeger, 2011, Santa Barbara, 241 с.

6. Berger, J.M. Extremism, The MIT Press, 2018, Cambridge (MA)

Информационно-когнитивные механизмы социальной деструкции

Сундиев Игорь Юрьевич

главный научный сотрудник НИЦ № 2 ФГКУ «Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России» (г. Москва)

Научное описание реальности сегодняшнего дня, какой бы области социума мы не коснулись, начинается и продолжается с описания разнообразных кризисных проявлений, препятствующих дальнейшему развитию в старой парадигме. Так, например, авторы юбилейного доклада Римского клуба «Come On! — Капитализм, близорукость, население и разрушение планеты» (Weizsaecker, E., Wijkman A., 2018 г.) анализируя тему глобального кризиса, резюмируют, что «...сегодняшний «кризис не циклический, но усиливающийся. Он не ограничен природой вокруг нас, но включает социальный, политический, культурный, моральный кризис, кризис демократии, идеологий и капиталистической системы...». Они резюмируют: «Капитализм умер!» — отмечая такие разрушающие проявления кризиса как: «диджитализация и техноутопизм», «избыточное потребление», «экологический след», «тотальную урбанизацию». Авторы, жестко критикуя капитализм, осуждают финансовые спекуляции, призывают к альтернативной экономике и даже к «новому Просвещению» [1]. Но эта информационно-смысловая «реадаптация» обусловлена тем, что обрисовать контуры новой модели будущего эти ученые уже не могут, поскольку их взгляд направлен только в прошлое — в тот опыт зоопопуляционного развития капитализма, по законам которого они за несколько веков научились глобальному управлению. Новое особенно пугает их тем, что может лишиться имеющегося статуса.

Доклад Мюнхенской конференции по безопасности (2019 г.) был посвящен распаду традиционных структур социума и преодолению неясности: кто и по какому проекту станет «собирать» будущее[2]. Фактически признано, что нынешний миропорядок («зомби-капитализм») существует за счет деструкции, поэтому время его существования ограничено. При этом, информационно-смысловое противоборство — используется как основной метод социальной деструкции [3].

Увидеть и различить деструктивное воздействие на человека и социум (сверху-вниз) как на субъекты создания будущего можно только в том случае, если есть возможность описания системных построений, находящихся выше, чем сам социум по уровню системной организации — информационно-смысловых объектов (перейти от «Законов Природы» — к «Законам Мироздания»). Новые закономерности вышележащих по уровню системных построений проявляют себя, прежде всего в том, что на «надсоциальном» уровне системной организации восприятие события (его

смысл) становится зависимым от *состояния наблюдателя*, от так называемой *суперпозиции* – подобно тому как это происходит в хрестоматийном мысленном (когнитивном) эксперименте с *«Котом Шредингера»*[4].

Поэтому воздействие, направленное на деструкцию социума с мета-уровня, мы можем обозначить как *«Войну Шредингера»*: в этой войне используются приемы, позволяющие подменять реальные информационно-смысловые системокванты [5] на виртуальные — синтетические, и тем самым вносить изменения и искажения в результаты регуляции социальных систем.

Рис.1 Иерархия методов деструкции социума: каждый уровень входит в качестве «подуровня» в более сложно организованный. Прослеживается смещение доминанты от масс-кинетических разрушающих методов к информационно-смысловым (на базе Глобальной Цифровой платформы), при этом отношения между объектами и субъектами «войны» также усложняются.

Главным свойством «Войны Шредингера» является то, что она ведется не «по горизонтали» — между субъектами социума (социальными группами, государствами, корпорациями), а «по вертикали» — *уже сам социум становится объектом и субъектом этой войны*. Если, например, Гибридная война, действительно, может быть охарактеризована как «война всех против всех», когда объекты и субъекты войны находятся на одном уровне системной организации — «внутри» социума, то *«Война*

Шредингера — это война «сверху» против социума как субъекта развития, нацеленная на задержку и блокирование квантового перехода к будущему мироустройству.

В генезисе войн как методов деструкции социума отчетливо выделяются четыре (пока!) уровня, характеризующие поэтапным смещением доминанты поражающих факторов с масс-кинетических к информационно-смысловым, а также значительным усложнением объектно-субъектных отношений между участниками — акторами «войн нового рода». Одним из таких «новшеств» является **«мерцательная субъектность»**, когда объект и субъект действия попеременно меняются местами — это позволяет сделать деструктивное воздействие менее заметным и скрывать его инициатора. «Заметим, что на протяжении последних 60-ти лет имеется тенденция перехода от кинетических войн к войнам смысловым. Использование свойств мерцательной субъектности в современных войнах означает постоянную смену ролей противоборствующих сторон, размывание границ между войной и миром, между своими и чужими, между жертвами и палачами. За время конфликта субъекты и объекты военных действий несколько раз успевают поменяться местами, что делает бессмысленным продолжение военных действий для тех и других [6]».

В войнах первого рода, наряду с информационными методами борьбы (дезинформация, разведка) преобладают масс-кинетические (интенсивность можно измерять количественно — «в тротиловом эквиваленте»).

В войнах второго рода, с критическим повышением поражающей силы за счет разработки ядерного оружия (ядерных ОМП), возникает феномен «сдерживания» (применение термоядерного оружия угрожает Омницидом) и, потому вынуждает участников конфликтов «воевать», в основном, с помощью СМИ и пропаганды — переходить из масс-кинетического противоборства к информационно-смысловому.

Войны третьего рода (гибридные) развязываются и ведутся с помощью «цифровых технологий» Глобальной цифровой платформы, обеспечивающей возможность «вирусной пропаганды» (сети, СМИ), а также через управление терроризмом, экстремизмом, через инициацию «цветных революций». Масс-кинетическая компонента присутствует в виде действия террористических армий и контр-террористических операций.

Наконец, **«Война Шредингера» как война четвертого рода**, основывается не на «внешней» деструкции социума (уничтожения «живой силы противника»), а на «внутренней поломке» его мотивационно-потребностной базы — деградации, исключающей способность к социальному строительству, обеспечивающего квантовый переход в

развитии социума от Зоопопуляционных форм Зомби-капитализма к новой Психосоциальной структуре общества[7]. Пошагово это так:

- **деградация мотивационных систем** — речь идет о выворачивании наизнанку уже имеющихся мотивационных структур, сформированных ранее в онтогенезе: формально пирамида мотивации сохраняется, но меняются местами ее полюса — то, что было наверху, оказывается внизу... При «вывернутой» конфигурации пирамиды потребностей (по А. Маслоу) системогенетический процесс становится невозможным, поскольку элементы социума утрачивают потребность в развитии. Расчеловечивание — это такое неспецифическое изменение структуры потребностей человека, которое приводит к невозможности достижения им социально-значимых результатов деятельности, то есть к утрате потребности в творческом созидании и эмпатии. При вывернутой конфигурации пирамиды потребностей системогенетический процесс становится невозможным[8] — зато активно формируются, а затем используются индивиды с девиантными формами поведения для осуществления деструктивной деятельности[9]. Именно на основе технологий расчеловечивания появилась возможность формирования ИГИЛ[10];

- **психиатрическая катастрофа** (генерация экстремальных психологических процессов и «сдвиг» пограничных экстремальных состояний в психосоматические заболевания[11] и психиатрические нарушения[12]). Индивиды, находящиеся в пограничных состояниях (постстрессорная реадaptация) представляют собой «заряженные» деструктивные элементы (что хорошо видно на примере их использования в UBER-терроризме);

- **техногенный аутизм** («закукливание» — как «синдром пространства, свернутого внутрь», приводящий к инверсии уровня системной организации человека: блокируется возможность участия в нормальной социальной деятельности). Постоянная «подключенность» к Цифровой платформе через «умные гаджеты» смещает доминанту восприятия человека со значимых социальных событий на ее сетевую интерпретацию и «закукливает» на Зоопопуляционных потребностях (гендерное поведение, общение и статусные роли).

Феномен «Войны Шредингера» — как войны трактовок-суперпозиций стала возможной с развитием Глобальной цифровой платформы, позволяющей создавать и поддерживать синтетическую (виртуальную реальность). В контексте «Войны Шредингера» значимым становится не само социальное событие, оцениваемое в «нравственной системе координат» (что ведет к системогенетическому развитию, а что — нет), а его трактовка, навязываемая сверху, с более высокого уровня системной организации («есть непреложное мнение»).

Как всегда, литературным языком это выражается образно, но точно: *«Черт бы побрал эти современные войны: кто и с кем воюет, не разберешь... за что воюют, и кто победил, — а как в интернете напишут, так и будет... главное — продать людям рассказ о войне, который будет им интересен. Публике наплевать, как было на самом деле, народ просто купится на яркую историю, и она станет канонической... Войны по-прежнему ведут солдаты, но побеждают в них те, кто рассказывают истории. Образно говоря, поэты[13]».*

Это означает, что в «Войне Шредингера» победителей — бенефициаров среди каких-либо социальных групп, не существует: так называемый «класс надгосударственного согласования и управления» как представитель *метарегулятора* — коллективного мета-субъекта[14] (которого выставляют в качестве «выгодоприобретателя»), находится «в одной подводной лодке» с «народными массами[15]». Восприятие социальной реальности теми и другими представителями социума различается их *суперпозицией* («точкой зрения»): для глобальных и региональных элит народ представляется как «быдломасса» — «тунеядцы и алкоголики» (раз неуспешные, значит — глупые, ленивые и нерадивые), а для народа элиты — кровопийцы и коррупционеры; разделение этих социальных групп проводится с помощью поддержания искусственного неравенства (как специального деструктивного приема по разделению уровня доступности к материальным благам, образованию и воспитанию, медицине и экологичному жилью). Если в зоопопуляции конфликтность элит и народных масс обеспечивала поиск новых путей для очередного этапа социального строительства), то в нынешней ситуации — ведет только к взаимной конфронтации и взаимоуничтожению. А социальное строительство возможно только в одном случае, — «когда народ и партия (элиты) едины». В плане поиска новых соответствующих форм регуляции социальных отношений очень иллюстративны протестные движения *Желтых Жилетов* во Франции и в Европе. Наряду с уже ставшей классической «горизонтальной» формой сетевой организации протестов (мобилизация и координация через интернет-сети), начинает доминировать «вертикальная» информационно-смысловая составляющая как борьба суперпозиций («точек зрения») народных масс и элит. Используя вышеупомянутый принцип *умеренной конфликтности* (избегание избыточной радикализации), *Жилеты* предлагают элитам и правительству *«договариваться о коррекции социального устройства» в пределах имеющегося правового поля*, а именно конституционно «сдвинуть» обратно искусственно завышенную границу неравенства[16] (интересно, что и сам символ — желтый автомобильный жилет выбран по смысловому признаку: «нас необходимо замечать, с нами необходимо считаться»). Попытки избыточной радикализации «мероприятий», как «внешние» — со

стороны элит (представить движение Жилетов как экспорт Цветной революции[17]), так и «внутренние» (попытки пассионарной молодежи погромить витрины г. Парижа, повторяя «подвиги» своих родителей в мае 1968 г. — «иначе они вас не услышат! [18]») осознанно и грамотно блокируется организаторами акций (соблюдается тонкий баланс необходимого и достаточного протестного давления).

В отличие от ставших уже классическими «оранжевых революций» и «майданов», где с помощью «тарана» крайне радикализированных группировок целенаправленно «сносили» власть, меняя одну элитарную группировку на другую (как правило представителей национальных элит на «смотрящих» от глобальных элит), движение *Желтых Жилетов* «заходит» с более высокого уровня системной организации, **соответствующей по уровню сложности институциональному уровню регуляции и управления социумом**. Цель — не «бунт», не смена или «ротация» элитарных группировок как таковых, а мягкая коррекция «социального договора» в пределах сложившегося социального устройства[19] («Зомби-капитализма»).

Важно, что в движении отсутствует выраженный лидер — «доминант», а если и присутствует, то в «*мерцательном*» режиме: в организации регулярных акций чередуются и дублируют друг друга различные субъекты: как отдельные индивиды, так и социальные группы — партии, движения, группировки, этнические и национальные группы, профсоюзы, радикально настроенная молодежь[20]. Долгое, изнурительное, но устойчивое противостояние между народом и элитами («партия переходит в эндшпиль» — более 28 недель *Жилеты* проводят акции каждые выходные субботные дни, варьируя форматы и места проведения) лишь свидетельствует о том, что новые формы социального регулирования начинают проявлять себя уже на уровне конфликта между глобальными, региональными элитами и народными массами: «Все, что видим сейчас, — это вот к чему привели 40 лет противонародной политики, война элит против их европейских народов. Истерия власти во Франции доказывает, как и во всей Европе, что они чувствуют, что земля трясется. Это основной урок: власть перепугалась [21]».

Опять же, от выбора точки зрения наблюдателя (квантовой суперпозиции) зависит оценка этого движения: то ли оно будет «подаваться» (суперпозиция от глобальных и региональных элит) СМИ как очередная «оранжевая революция», инициированная Россией, США и т.д.; то ли как проявление новых форм социальной регуляции: «Знакомый почерк с привлечением провокаторов и политехнологов. ... Вот только власти страны не хотят замечать очевидного, выискивая какие-то другие силы, двигающие демонстрантами. Так, Гриву осудил телеканал

RussiaToday за то, что некоторые протестующие желают с ним общаться, называя «единственным свободным медиа [22]».

«Война Шредингера» носит надличностный и надсоциальный характер, поэтому нравственные регуляторы теряют способность обеспечивать развитие общества — и, самое главное — квантовый переход к будущему. Те или иные социально-значимые результаты действий начинают оцениваться не в нравственной «системе координат» (что есть добро, а что зло), а по критериям **пригодности для обоснования управленческих решений, а также удобством институционального (законодательного) регулирования.** «Правильным» становится не нравственное поведение (направленное на социальное строительство), а лояльное, то есть «деланное», лживое.

Пример — «социальный скоринг» как «конец приватности» в виде тотального цифрового контроля (цифровая экономика, цифровая медицина, цифровое образование, — «цифровой концлагерь») — постепенно блокируют механизмы развития социума, подавляя творческие способности человека. Дело в том, что механизмы системогенетического развития основаны на уникальных свойствах элементов систем: **отграничение сущих** (приобретение сущности, начиная от момента, когда живые клетки «оделись в мембраны[23]»), **разнообразии сущих** (в механизмах принятия решения задействуются лучшие из лучших вариантов дальнейшего развития), и **умеренная конфликтность** («Платон мне друг, но истина дороже»).

Внешний, наложенный жесткий поведенческий каркас на социальные группы не сможет заменить внутреннего потребностно-мотивационного блока личности, обуславливающего социальное развитие общества (многие цивилизации по К. Ясперсу не прошли через Осевое Время именно из-за отсутствия механизма продвижения к нравственным ценностям[24]. Современный социум, заключенный в жесткий цифровой каркас может утратить творческий потенциал: ни мыслителей-ученых, ни писателей, ни инженеров — он обречен на стагнацию и вымирание (показательный пример — «ребрендинг» литературных и художественных произведений, фильмов, технических устройств). Цель «социального скоринга» проста: в пределе — **унификация, стандартизация и ритуализация.** Если ранее «золотым фондом» системогенетического развития можно было считать «пассионариев», — «лиц, желающих странного» (наделенных избыточной психофизиологической энергией для слома устаревших форм социальной структуры и последующего социального строительства), то сейчас практикуется уже не только «канализация» пассионарности (например, борьба с ветряными мельницами в «обществе транспарантной демократии»: протесты, обсуждения, слушания, прения, судилища, волонтерство), а накладывается

жесткий каркас поведенческих ограничений: выйти за означенную черту – «выпасть» из социума (или, как вариант — «дауншифтинг»).

Типология «Войны Шредингера» не ограничивается множеством известных деструктивных проявлений, однако на ее наличие всегда указывает **«каузальный диссонанс»** — нарушение в сознании человека привычных связей между причиной и следствием (закрепленных в культуре и науке), — ну и сам конечный деструктивный результат, блокирующий нормальную регуляцию социума. Там, где происходят **каузальные «нестыковки»** (модный термин — «разрыв шаблона») — можно найти следы направленных деструктивных воздействий с более высокого уровня системной организации. Одним из распространенным способом деструкции является вброс «фейков» и «химер» — своеобразных информационных «мин»: внедренные в социум через Глобальную цифровую платформу «сверху вниз», они «разрывают» центральную архитектуру Функциональных Систем (именно в узловом моменте Функциональной системы — моменте принятия решения). Поэтому совсем не важно, содержит «фейк» правдивую информацию, или нет: квантовая суперпозиция «фейка» — это всегда деструктивное воздействие с более высокого уровня организации (Глобальная цифровая платформа имеет надсоциальный уровень организации). «Фейк» (и «химера») — как информационно-смысловые объекты, «смонтированные» на технологической базе цифровой платформы, воздействуют на социум, «материализуясь» через сетевой принцип организации — чем больше говорят о событии, чем больше внимания к его обсуждению, — тем быстрее он «погружается» сверху в нашу «реальность».

Технологическая возможность адресного индивидуального подбора квантовой суперпозиции очень хорошо сформулирована Т. Воеводиной: «современные гуманитарные технологии + цифровые возможности могут привести к тому, что и следить особо не понадобится: все будут сидеть смиренно-равно и думать каждый свою пустопорожнюю чепуху. ... Сегодня или в ближайшее время каждый будет получать свою информацию – в зависимости от состояния собственного сознания и собственной картины мира. ... Тому, кто считает, что Россия поднимается с колен, — пошлют известие о строительстве нового, передового, металлургического завода под Тулой — и это будет чистой правдой... давнему либералу двухсотлетней давности пришлют сообщения (и тоже правдивые) о том, как все развалилось или развалится в ближайшее время. Желаете подтверждения статистикой? И статистику тебе пришлют такую, которая подтвердит твои взгляды[25]».

«Фейки» и «химеры» — как неспецифические информационно-смысловые конструкты долго не живут, поскольку они постепенно «отторгаются» механизмами саморегуляции социума[26]: «понятно, что не

все вброшенные ментальные вирусы «взлетают». ... Именно из-за невысокого процента удачных вирусов мы видим ежедневно мощный поток фейков, вбросов, «новостей», которые опровергаются через пару часов или пару дней — это идет постоянный посев вирусов-кандидатов. ... Конечно, наиболее эффективны не чисто виртуальные, а гибридные вирусы, соединяющие офлайн- и онлайн-элементы ... Дело тут в том, что про реальное событие, бьющее по нервам, гарантированно узнают практически все, СМИ об этом позаботятся. А уж медийно обработать его, повернуть, подать — уже проще. ... Надо понимать, что ментальные вирусы, в отличие от естественной мозговой флоры — это биологическое оружие, сделанное профессионалами. Оно работает. ... иммунитета к мозговым вирусам у человека в среднем — нет. Средний человек беззащитен перед профессионалами. Средний человек честен и доверчив. Нормальное состояние человека, как его создал Бог — доверие, а не подозрительность[27]».

Одно из характерных проявлений Войны Шредингера — не только фальсификация истории (как один из ведущих методов Гибридной войны), но и тотальная «зачистка» культурно-исторического наследия как такового — уничтожение памятников культуры (рукописей, библиотек, полотен, скульптур, икон, фресок, витражей, памятников, архитектурных сооружений), «растащивание» по личным коллекциям ценных артефактов с их последующей подменой в музеях на муляжи, наконец «рынок» торговли самим артефактами (свежий пример — торговля предметами искусства из театров военных действий — во время войны в Сирии из г. Пальмиры). Если для Гибридной войны была характерной только лишь фальсификация истории (как правило истории национальных государств) с целью получения дополнительных «аргументов» в борьбе глобальных и региональных элит (например, фальсификация истории Великой Отечественной войны 1941–45 гг. с целью обоснования новых территориальных претензий и «демонизации» России перед Западом[28]), то в Войне Шредингера происходит повсеместная тотальная зачистка человеческой истории как таковой (лишение не только национальной истории, но и истории вообще — как основы системогенетического развития человечества).

Этот тренд — деструкция истории как таковой — проявляет себя «мультипараметрически» — от «унификации» архитектурного облика современных городов, после «расчистки», например, от своевременно неотреставрированных зданий («денег нет»), до глобальной унификации учебных программ (единого шаблона «объяснения» исторических событий), а также несоответствующее отношение к найденным артефактам, искажающее представление об истории и так далее. Интересной «дизайнерской находкой» является установление новых

памятников, не имеющих отношения ни к конкретным историческим событиям, ни к выдающимся личностям. «Снос памятников советским вождям и воинам-освободителям на Украине для многих выглядит как свидетельство уникального одичания местного населения. Однако тут украинцы не оригинальны. Война с памятниками — тайная или открытая — это остро модный политический тренд. Он захватывает все новые страны «победившей демократии». ... В свете этих печальных событий катастрофический пожар Нотр-Дам-де-Пари тоже выглядит вполне «в тренде». Неважно, умышленный это был поджог или преступная халатность. Глобалистская верхушка, умело натравливая своих ручных «активистов», просто выжигает историческую память народов[29]».

«Глобализация и мультикультурализм уже давно стали причиной для глубокого размытия национальной самоидентификации французов, размытия, граничащего с деградацией. ... Ко вчерашнему дню, французы шли всю свою новейшую историю, шли, помогая разжиганию гражданской войны в Сирии, шли, способствуя появлению террористических группировок на Ближнем Востоке, потворствуя бомбившей Донбасс Украине, шли, сами сбрасывая бомбы на Ливию... Они просто делали это, делали, и им было начхать на то, что случится с общемировыми памятниками культуры и архитектуры стран, отдельно, среди которых хочется вспомнить Югославию, засыпаемую в праздник православной Пасхи бомбами и ракетами с «поздравлениями». ...Наследие, конечно, восстановят всем миром (деньги, 3D-печать, многокоординатные станки, легированные стали и композиты способны на многое), но Веры и Истории в стенах новодела не будет ... но что касается Западной Европы, то их к этому Концу приведет дорога, которую они сами выбрали, выбрали инклюзивно, транспарентно, свободно, как истинные носители демократических «ценностей». ... Кстати, типичный пример от «носителей ценностей» Charlie Hebdo... [30]»

Специфическое развитие в «войне Шредингера» получило использование *организационного оружия*[31]: организационный «джемпсейшн» как непрерывный поток организационных дел (реорганизации, стандартизации, документации, концепции, инновации, цифровизации, реновации, оптимизации), «выматывающие» граждан и не дающих возможности заниматься главным — социальным строительством («бумажное» движение служит лишь, чтобы формально отчитаться одним субъектам пред другими — преобладание формы над содержанием). Постоянный «пожар в курятнике», когда нужно куда-то бежать, что-то решать, постоянно быть занятым несущественными для социального строительства делами и при этом испытывать пиковые стрессорные нагрузки, приводит к увеличению заболеваемости и ускорению процессов старения[32].

Отличать «в суматохе дней» главное от второстепенного (что есть социальное строительство, а что — нет) — человеку становится все сложнее: информационный «белый шум» имеет настолько высокую интенсивность, что становится неотличим от сигнала «поднесущей частоты», на которой «циркулирует» информация, связанная с регуляцией социума как системного построения (индивиды способны выделять такие сигналы [33]). Искусственное изменение форматов (стандартов) институционального регулирования под благовидным предлогом улучшения качества управления, навязываемое *метарегулятором*, приводит к дезорганизации «информационной среды» различных государственных структур: «Национальные стратегии — изобретение не российское: так выглядит широко распространенная калька глобального переформатирования систем и институтов национальных государств. ... Алгоритм такого переформатирования прост и надежен: национальное государство подписывает некий международный документ, затем «во исполнение международных договоренностей и обязательств» принимает Национальную стратегию и на ее основании создает Национальный план, в рамках реализации которого реформируется законодательство, принимаются регламенты, создаются информационные кампании, меняется общественное сознание [34]».

Следует подчеркнуть, что все вариации методик «Войны Шредингера» воздействуют на человека не «внешне», а «внутренне», усиливая конфликт между формальным — институциональным регулированием социальной жизнедеятельности (а большинство вменяемых граждан законопослушно — это «внутренняя» психосоциальная потребность) и индивидуальным поведением — удовлетворением высших личностных потребностей в развитии через естественное проявление элементов пассионарного поведения (различной степени выраженности). Законодательное регулирование выстраивается так, чтобы индивид испытывал постоянное внешнее давление, входил в «каузальный диссонанс» (из-за конфликта между внешним регулированием и внутренними потребностями как *источника хронического эмоционального стресса*) — «по умолчанию» отождествляя себя самого с «потенциальным нарушителем» — «а, может, я уже преступник, что осуждаю гомосексуалистов и при этом еще и курю?».

Если прежние форматы войн были направлены на уничтожение субъектов и объектов социума, то Война Шредингера направлена на *патологическое перерождение* самого социума, изменение исторически сложившейся и закрепленной в нормах морали мотивационно-потребностной базы. «Выворачивание» пирамиды потребностей А. Маслоу приводит к инверсии нравственных полюсов — социум начинает

изменяться под воздействием патологических регуляторов (патологической системы).

То, что осуждалось и было для общества аморальным (не существовало как системообразующий и препятствовало развитию), выставляется и прививается («продавливается» и закрепляется институционально) как норма поведения. Например, мерилом успеха (не только статуса и ранга, но и как бы «полезности» для развития общества) становится исключительно денежный эквивалент («бабло есть добро»), легко измеряемый количественный показатель успеха – причем в любой области социальной деятельности («что же ты такой бедный, если такой умный[35]?»). Поклонение Золотому Тельцу (в условиях кризиса перепроизводства и «символической» себестоимости продукции сложных переделов) не только признак примитивизации социальных отношений, но и признак провала вниз, в Инферно, в сторону, противоположную системогенетическому развитию.

В качестве заключения: как одержать победу? «Война Шредингера — война «не человеческая», это «анти-популяционная» стадия информационной войны, это адресная деструкция, направленная на изменение результата квантового перехода как мета-процесса, в котором человек играет ключевую роль: когда результаты формирования будущего зависят от его осознанной деятельности (прежде всего — с помощью новых научных методов).

Поскольку субъектом, определяющим результат квантового перехода (как объективного процесса), является человек и социум, то разрушающее воздействие направлено против него — не как биологического вида, а как оператора информационно-когнитивных конструкторов высокого уровня сложности — соответственно и методы деструкции информационно-смысловые. Это не исторически сложившееся и привычное кинетическое разрушение, характерное для противоборства между социальными группами и государственными образованиями по-горизонтали («стенка на стенку», «государство на государство»), а принципиально новое, направленное по вертикали, сверху вниз – на некинетическую деструкцию социума через разрушение и блокирование внутрисистемных регуляторов (разрушение информационной среды социума) с методом деструкции информационно-смысловых объектов, регулирующих социальную систему.

Поскольку формально достигнутый уровень удовлетворения витальных потребностей остается в качестве базового достижения для основной части населения, проходя по грани искусственно созданного неравенства — «минимум миниморе» (обеспечивается современными технологиями автоматизации и логистики при задействовании Глобальной цифровой платформы) – это позволяет управлять конфликтом между

народными массами и элитами, временно консервируя сложившийся миропорядок (за счет деструкции социума). При этом в качестве «тонущих Титаников» на региональных уровнях возникают **«зоны ментальных провалов»** — специфические территориальные анклавов, которые начинают регулироваться **патологическими системами**[36] — **дизонтогенетическим фактором** (системообразующим фактором становится не социальное строительство, а деструкция ранее созданных структур — при этом ресурсная «запитка» для обеспечения жизнедеятельности осуществляется за счет «проедания» созданных ранее ресурсов); яркие примеры – социальная деструкция Украины и феномен ИГИЛ. Каждый такой «провал» позволяет еще на какое-то время продлевать существование глобального миропорядка (Зомби-капитализма), погружая в Инферно целые регионы (патологические системы программируют «ретроградные формы поведения[37]», которые воспроизводят в форматах массовых «психических эпидемий» исторически устаревшие формы регуляции: элементы феодализма и рабовладения-работоторговли, сексуального рабства, наемничества, разграбления городов, публичных казней, «люстрации» и т.д.) [38].

Деструктивный результат достигается за счет синергетического эффекта (амплификации) различных информационно-смысловых — **надсоциальных** методов воздействия: сегодня одни — завтра другие (пример — методика Окон Овертона свое отработала, но появляются новые, еще более деструктивные, еще более изощренные — сегодня одни, завтра другие).

На тактическом уровне новым и в пределе бесконечно разнообразным методикам «Войны Шредингера» можно и нужно противодействовать (это позволит сохранять приемлемый базисный уровень социальной платформы для последующего квантового перехода в развитии социума от Зоопопуляционных форм Зомби-капитализма к новой Психосоциальной структуре общества.): только не лоб в лоб (по горизонтали), а обязательно с более высокого уровня системной организации, чем «пришло» и «спустилось» то или иное деструктивное воздействие (симметричные и асимметричные «ответки» неэффективны).

В стратегическом плане — победа в «Войне Шредингера» будет одержана только при условии проектного создания нового общества на базе социального государства: такая победа как явление более высокого уровня сложности (по отношению к кинетическим и гибридным войнам) **зависит от суперпозиции** — победа есть, когда человечество осознанно и в плановом порядке совершает квантовый переход с подготовленной им социальной платформы на основе соответствующего научного подхода; победы нет – если человечество не планирует его.

Рис. 2. Структура культурной (научной) платформы, необходимой для достижения нового миропорядка — «сконструировано» и «сделано в СССР». Предметом образования были «основы научных знаний», а воспитание формировало морально-нравственные качества, обеспечивающие «доступ» к объектам высокого уровня сложности — объектами культуры и науки (когнитивные объекты не терпят энтропии). Однако, с уже практически готовой платформы Красного проекта «старт» к новой реальности так и не состоялся, и тому есть надсоциальные причины, точнее, мета-причины[39].

[1] Александр Малахов, Weizsaecker, E., Wijkman, A. Римский клуб, юбилейный доклад. Вердикт: «Старый Мир обречен. Новый Мир неизбежен!» [Электронный ресурс] Планета КОБ. URL: <https://www.planet-kob.ru/articles/6832>

[2] Тимофеев Иван Доклад Мюнхенской конференции: кто виноват и что делать? [Электронный ресурс] ВАЛДАЙ Дискуссионный клуб. URL:<http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/myunkhen-kto-vinovat/>

[3] Сундиев И.Ю., Смирнов А.А. Теория и технологии социальной деструкции (на примере «цветных революций»). М.: Русский биографический институт, Институт экономических стратегий, 2016. – 433 с.

[4] Известный мысленный эксперимент Э. Шредингера для демонстрации того, что неопределенность-вероятность (как энтропия) связана с уровнем восприятия реальности (с «перепадами» в уровне сложности). Пока для рассуждающего наблюдателя кот находится в ящике, вероятность того, жив он или нет, составляет 50 на 50 процентов. Поэтому, пока ящик не открыт, кот как бы и жив, и мертв «одновременно». Соответственно, наблюдатель, находящийся на более высоком уровне

системной организации (ведь эксперимент мысленный, то есть когнитивный!) может выбирать суперпозицию — трактовать, жив кот, или нет, — но пока ящик закрыт.

[5] «Все мироздание пронизано находящимися в тесных иерархических отношениях системоквантами различного уровня организации от физического уровня через системокванты живых организмов до системоквантов космического уровня». Судаков К.В. Системокванты – дискретные единицы динамической деятельности функциональных систем. Избранные труды. – М.: ГУ НИИ нормальной физиологии им. П.К. Анохина РАМН, 2007. Т. 1 Развитие теории функциональных систем. М.: ГУ НИИ нормальной физиологии им. П.К. Анохина РАМН, 2007 С. 336-338.

[6] Сундиев И.Ю., Фролов А.Б. Триплет и эффект крестоносного джихада. Экономические стратегии — № 3, 2015

[7] Сундиев И.Ю., Фролов А.Б. Образ будущего как системообразующий фактор социума. Экономические стратегии — №2(160), 2019

[8] Сундиев И.Ю., Фролов А.Б. Институциональное расчеловечивание как метатехнология социальной деструкции Экономические стратегии — №7, 2016

[9] Подробнее см.: Сундиев И.Ю. Эволюция вербовочных технологий в цифровую эпоху// Научный портал ВНИИ МВД России — №1, 2018

[10] Управление жестокостью: стратегия и тактика [Электронный ресурс]. WotanJugend URL:<http://wotanjugend-info.tumblr.com/post/147587395195/управление-жестокостью-стратегия-и-тактика>

[11] «Эмоциональный стресс формируется в условиях длительных и непрерывных ситуаций, в которых субъекты лишены возможности удовлетворять свои ведущие потребности... В конфликтных ситуациях нарастают и суммируются отрицательные эмоции, резко редуцируются антистрессорные положительные эмоции, и на основе изменения химических свойств мозговых структур создаются условия перехода отрицательных эмоций в устойчивое стационарное возбуждение мозга. В результате формируются такие психосоматические заболевания как, как неврозы, психозы, артериальная гипертензия, стенокардия, иммунодефициты, гормональные нарушения, диабет, язвенные поражения желудочно-кишечного тракта и т.д.» В кн.: Судаков К.В. Избранные труды, М. 2007 Т. 1 Развитие теории функциональных систем С. 276-277

[12] По данным ВОЗ ООН в 2017 году в мире насчитывалось до 450 млн психически больных и не менее 800 млн людей в пограничном психологическом состоянии. Психическое здоровье [Электронный ресурс].

ВОЗ. Психическое здоровье. URL: // <http://www.whogis.com/mediacentre/factsheets/fs220/ru/>

[13] Дивов О.И. «Техподдержка» © Дивов О., 2019. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

[14] Сундиев И.Ю., Фролов А.Б. «МЕТА СУБЪЕКТ И СМЕНА ВЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО СИСТЕМОГЕНЕЗА» [Электронный ресурс] Сайт С.П. Курдюмова «Синергетика» //URL: <http://spkudyumov.ru/future/meta-subekt-i-smena-vlasti-v-kontekste-sovremennogo-sistemogeneza/2/>

[15] «Как вы думаете, глобализм — это хорошо или плохо? ... Итак, знатоки, внимание: правильный ответ. Зависит от того, кто занимается. ... У нас же все они — **«глобалисты Шредингера», находятся в суперпозиции двух взаимоисключающих состояний!** Они ЗА глобализацию, пока думают, что это будет во вред власти, но они немедленно станут ПРОТИВ глобализации, если власть этим займется... ... Разве вы не помните, как все либералы требовали поднять пенсионный возраст? И как ОНИ ЖЕ потом начали требовать его НЕ поднимать? ... Просто надо уже научиться правильно понимать этих пустобрехов и тот факт, что их не волнует ни одно из слов, которые они произносят». Нарышкин А. Глобалисты Шредингера [Электронный ресурс] Завтра. Блоги//URL: http://zavtra.ru/blogs/globalisti_shryodingera

[16] Лимонов Э. Баталии классовой борьбы «Совместных требований у них всего пять. Я выделил для себя вот какие: — справедливое распределение доходов; — проведение налоговой реформы; — повышение заработной платы». Э. Лимонов Баталии классовой борьбы [Электронный ресурс]. Завтра. Блоги// URL: http://zavtra.ru/blogs/klassovaya_bor_ba

[17]М. Тьерри: «Те же самые вооруженные банды, набранные из крайне левых, не совершали ничего особенного в этот раз, им, судя по всему, тоже дали инструкции — все знают, что они инструменты власти. Мы их хорошо различаем: одеты в черное, спортивные молодые люди с палками». Лимонов Э. Желтые жилеты, пора побеждать! [Электронный ресурс] Завтра. Блоги// URL: http://zavtra.ru/blogs/zhyoltie_zhileti_pora_pobezhdat http://zavtra.ru/blogs/zhyoltie_zhileti_pora_pobezhdat

[18] Лимонов Э. Желтые жилеты, пора побеждать! «Дошло в какой-то момент до того, что «желтым жилетам» пришлось окружить полицейских, дабы предохранить их от гнева еще более радикальных французов, дабы полицейских не разорвали в клочья». Лимонов Э. Желтые жилеты, пора побеждать! [Электронный ресурс]. Завтра. Блоги // URL: http://zavtra.ru/blogs/zhyoltie_zhileti_pora_pobezhdat

[19] Atlantico (Франция): возможен ли во Франции сценарий настоящего восстания? «Речь идет не об альтернативной модели, а о

конституционной реформе, которая должна предоставить недовольным рамки для борьбы за свои цели мирным и законным образом. ... Сегодня большая часть участников и координаторов «Желтых жилетов» по-прежнему настроена мирно. При этом у них нет ни возможности, ни желания исключать самые радикальные группы. ... Общественное мнение все прекрасно видит: ответственность за рост числа незаконных акций лежит на правительстве, а не на «Желтых жилетах»». Atlantico (Франция): возможен ли во Франции сценарий настоящего восстания? [Электронный ресурс] Иносми.ру URL: <https://inosmi.ru/politic/20190321/244791649.html>

[20] Лимонов Э.: Главные усмирители – это не полиция, это СМИ: «Видными фигурами движения» называют всякий раз новых, ранее никогда не упоминавшихся лиц, их «арестовывают» и нигде более мы о них не слышим. Это фейковые лидеры, только и всего. Вероятно, их даже не арестовывают. А возможно их и вовсе не существует. Я подозреваю, что «лидерами» объявляются первые попавшиеся фамилии, выуженные, скорее всего, в интернете блогеры. Цель объявлений об арестах «лидеров» — испугать, деморализовать не столько самих желтых жилетов, сколько французское общество в целом. «Вот, у них уже и лидеров арестовали, они проигрывают!» «Движение идет на спад!» Или, вы заметили подозрительно частые аресты и задержания якобы лидеров желтых жилетов...» Лимонов Э. Главные усмирители – это не полиция, это СМИ [Электронный ресурс] Завтра. Блоги// URL: http://zavtra.ru/blogs/glavnie_usmiriteli_ne_politciya_eto_smi

[21] Лимонов Э. «Головы правящей власти – на пики!» [Электронный ресурс] Завтра. Блоги// URL:http://zavtra.ru/blogs/populism_du_people_akt_viii_mobilizaciihttp://zavtra.ru/blogs/populism_du_people_akt_viii_mobilizacii

[22] Новицкий Илья. Кто стоит за «желтыми жилетами» во Франции: [Электронный ресурс]. Политикус — Politikus.ru URL:politikus.ru/events/115506-kto-stoit-za-zheltymi-zhiletami-vo-francii.html.

[23] Судаков К.В. Субъективная сторона жизнедеятельности. Журнал «Вопросы философии». №3, 2008

[24] Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1991

[25] Воеводина Т. Каждому – свое. [Электронный ресурс]// Завтра. Блоги. URL: [//zavtra.ru/blogs/kazhdomu_svoyo_voevodina?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com](http://zavtra.ru/blogs/kazhdomu_svoyo_voevodina?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com)

[26] «Если какой-либо элемент в функциональной престаает отражать адекватную информацию о результате (а отражает что-то иное), то он делается помехой для функционирования системы и немедленно «переучивается» (преодолевается) или устраняется пластическими перестройками всей функциональной системы в целом». Судаков К.В.,

Информационный эмоциональный резонанс. М.: РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2008. – с. 27

[27] Ашманов И. Ментальные эпидемии. [Электронный ресурс]. Завтра. Блоги. URL: http://zavtra.ru/blogs/mental_nie_epidemii

[28] Фальсифицирование истории Великой Отечественной войны противоречит положениям «Доктрины информационной безопасности Российской Федерации», утвержденной Президентом РФ 9 сентября 2000 года. На государственном уровне борьбу с фальсификацией истории была призвана вести Комиссия при Президенте РФ по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России (2008-2012 гг.).

[29] Никифорова В. Запад уничтожает свою историю. Газета Взгляд [Электронный ресурс]. URL: <https://vz.ru/world/2019/4/18/973717.html>

[30] Тирес А. «Когда погребают Эпоху...» [Электронный ресурс]. ok.ru URL: <https://ok.ru/novorossiay/topic/70144937492720>

[31] Сундиев И.Ю. Организационное оружие в XXI веке. // Доклады Изборского клуба. В соавторстве — №4, 2013

[32] «Эмоциональный стресс формируется в условиях длительных и непрерывных ситуаций, в которых субъекты лишены возможности удовлетворять свои ведущие потребности... В конфликтных ситуациях нарастают и суммируются отрицательные эмоции, резко редуцируются антистрессорные положительные эмоции, и на основе изменения химических свойств мозговых структур создаются условия перехода отрицательных эмоций в устойчивое стационарное возбуждение мозга. В результате формируются такие психосоматические заболевания как, как неврозы, психозы, артериальная гипертензия, стенокардия, иммунодефициты, гормональные нарушения, диабет, язвенные поражения желудочно-кишечного тракта и т.д.» См.: в кн. Судаков К.В. Избранные труды. – М.: ГУ НИИ нормальной физиологии им. П.К. Анохина РАМН, 2007. Т. 1 Развитие теории функциональных систем. — М. 2007 С. 276-277.

[33] «Подобно тому, как отдельные радиоприемники улавливают относящиеся к ним радиосигналы, головной мозг в океане информационных сигналов избирательно реагирует только на специальные, адекватные его свойствам эмоциональные сигналы. Информационные эмоциональные сигналы, по-видимому, улавливаются только субъектами, имеющими к ним специальную аффинность...» «Можно думать о существовании изолированных пространств информационных взаимодействий живых существ, обусловленных их избирательной рецепцией к эмоциональным сигналам». См.: Судаков К.В. Информационный эмоциональный резонанс. М.: РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2008. с 57

[34] Рябиченко Людмила Антисемейная стратегия. Как в России под маской борьбы за права женщин вводят «гендерную» идеологию. [Электронный ресурс]. СТОЛЕТИЕ информационно-аналитическое издание фонда Исторической перспективы. URL: http://www.stoletie.ru/obschestvo/antisemejnaja_strategija_536.htm

[35] «- Мы — либералы. Это значит, что мы сторонники частной собственности, которая разъединяет людей, вооружает их друг против друга, создает непримиримую вражду между бедными и богатыми, но это проблемы тех, кто беден. Бедный это тот, кто не хочет работать. Я работаю как вол и поэтому не бедна. ... Нам говорят: общество, которое рассматривает человека только как орудие своего обогащения, — противочеловечно. Надо понять — в жизни кто-то всегда поработает другого морально и физически. ... Наши лозунги просты — всем частную собственность, все средства производства — в частные руки, вся власть — элите, труд — обязателен для всех. ... Победим мы, образованные и богатые! Розанов В. Ксения Собчак — как зеркало души. Интервью. [Электронный ресурс] Завтра. Блоги//URL: http://zavtra.ru/blogs/kseniya_sobchak-kak_zerkalo_dushi_interv_yu_

[36] «Функциональные системы в патологии...Внешним проявлением деятельности патологических систем является формирование патологических синдромов...в условиях патологии, в частности при эмоциональных стрессах ... наблюдается растормаживание отдельных функциональных систем, которые на ранних стадиях онтогенетического развития имели адаптивное значение...» Судаков К.В. Избранные труды. — М.: ГУ НИИ нормальной физиологии им. П.К. Анохина РАМН, 2007. Т. 1 — М. 2007 С. 279-280

[37] Ретроградный (Толковый словарь Д.Ушакова): ретроградная, ретроградное; ретрограден, ретроградна, ретроградно (от лат. retrogradus — идущий назад) (устар.). Противный прогрессу, реакционный, стремящийся возвратить старое...

[38] Сундиев И.Ю., Фролов А.Б. Экзогенное воздействие и развитие аномальных форм социума в новейшей истории//Экономические стратегии — №8, 2014

[39] Нелепо объяснять деструкцию социальных государств, уже «созревших» для перехода к Психосоциальной формации, например, «победой запада в холодной войне»: разрушить высокоорганизованную систему можно только с более высокого уровня системной организации. У Запада, как бы он не «хорохорился», для этого «кишка тонка»: уровень сложности социальных систем Красного проекта был значительно выше западного (пример – Победа в Великой Отечественной войне).

Литература

1. Александр Малахов, Weizsaecker, E., Wijkman, A. Римский клуб, юбилейный доклад. Вердикт: «Старый Мир обречен. Новый Мир неизбежен!» [Электронный ресурс] Планета КОБ. URL: <https://www.planet-kob.ru/articles/6832>
2. Atlantico (Франция): возможен ли во Франции сценарий настоящего восстания? [Электронный ресурс]. Иносми.ру URL: <https://inosmi.ru/politic/20190321/244791649.html>
3. Ашманов И. Ментальные эпидемии. [Электронный ресурс] Завтра. Блоги. URL: http://zavtra.ru/blogs/mental_nie_epidemii
4. Воеводина Т. Каждому – свое. [Электронный ресурс] Завтра. Блоги. URL: http://zavtra.ru/blogs/kazhdomu_svoyo_voevodina?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com
5. Дивов О.И. «Техподдержка» © Дивов О., 2019. ООО «Издательство «Эксмо», 2019
6. Лимонов Э. «Головы правящей власти – на пики!» [Электронный ресурс] Завтра. Блоги//URL: http://zavtra.ru/blogs/populism_du_people_akt_viii_mobilizatsii
7. Лимонов Э. Баталии классовой борьбы [Электронный ресурс] Завтра. Блоги// URL: http://zavtra.ru/blogs/klassovaya_bor_ba
8. Лимонов Э. Главные усмирители – это не полиция, это СМИ [Электронный ресурс] Завтра. Блоги// URL: http://zavtra.ru/blogs/glavnie_usmiriteli_ne_politciya_eto_smi
9. Лимонов Э. Ярость и страсть на европейских тротуарах [Электронный ресурс] Завтра. Блоги// URL: http://zavtra.ru/blogs/yarost_i_strast_na_evropejskih_trotuarah
10. Лимонов Э. Желтые жилеты, пора побеждать! [Электронный ресурс] Завтра. Блоги// URL: http://zavtra.ru/blogs/zhyoltie_zhilet_i_pora_pobezhdai
11. Нарышкин А. Глобалисты Шредингера [Электронный ресурс] Завтра. Блоги//URL: http://zavtra.ru/blogs/globalisti_shryodingera
12. Никифорова В. Запад уничтожает свою историю. Газета Взгляд [Электронный ресурс]. URL: <https://vz.ru/world/2019/4/18/973717.html>
13. Новицкий И. Кто стоит за «желтыми жилетами» во Франции: [Электронный ресурс]. Политикус- Politikus.ru URL: politikus.ru/events/115506-kto-stoit-za-zheltymi-zhiletami-vo-francii.html.
14. Розанов В. Ксения Собчак-как зеркало души. Интервью. [Электронный ресурс] Завтра. Блоги//URL: http://zavtra.ru/blogs/kseniya_sobchak_kak_zerkalo_dushi_interv_yu

15. Психическое здоровье [Электронный ресурс] ВОЗ. Психическое здоровье. URL: // <http://www.who.gov/mediacentre/factsheets/fs220/ru/>
16. Рябиченко Л. Антисемейная стратегия. Как в России под маской борьбы за права женщин вводят «гендерную» идеологию. [Электронный ресурс] СТОЛЕТИЕ Информационно-аналитическое издание фонда Исторической перспектив. URL: http://www.stoletie.ru/obschestvo/antisemejnaja_strategija_536.htm
17. Судаков К.В. Информационный эмоциональный резонанс. М.: РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2008. – с. 27, 57
18. Судаков К.В. Субъективная сторона жизнедеятельности. Журнал «Вопросы философии». №3, 2008
19. Сундиев И.Ю., Смирнов А.А. Теория и технологии социальной деструкции (на примере «цветных революций»). М.: Русский биографический институт, Институт экономических стратегий, 2016. – 433 с.
20. Сундиев И.Ю., Фролов А.Б. Экзогенное воздействие и развитие аномальных форм социума в новейшей истории. // Экономические стратегии — №8. — 2014
21. Сундиев И.Ю., Фролов А.Б. Институциональное расчеловечивание как метатехнология социальной деструкции Экономические стратегии — №7 — 2016
22. Сундиев И.Ю., Фролов А.Б. Триплет и эффект крестоносного джихада. Экономические стратегии — № 3 – 2015
23. Тимофеев Иван Доклад Мюнхенской конференции: кто виноват и что делать? [Электронный ресурс] ВАЛДАЙ Дискуссионный клуб. URL:<http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/myunkhen-kto-vinovat/>
24. Тирес А. «Когда погрёбают Эпоху...» [Электронный ресурс]. ok.ru URL: <https://ok.ru/novorossiay/topic/70144937492720>
25. Управление жестокостью: стратегия и тактика [Электронный ресурс]. WotanJugend//URL:<http://wotanjugend-info.tumblr.com/post/147587395195/управление-жестокостью-стратегия-и-тактика>
26. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1991.

Психологические особенности террористических, деструктивных и экстремистских групп

Протопопова Анна Борисовна

руководитель психологической службы ФГБОУ ВО «Нижневартровский государственный университет» (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра)

В настоящее время современное российское общество переживает трансформацию системы ценностей, обусловленную модернизацией общественной жизни. Процессы глобализации в экономической, политической, культурной сферах, втягивающие население разных стран в миграционные потоки разного характера и уровня приводят к усложнению структурных связей конкретных обществ и всего сообщества в целом. Вышеперечисленные факторы в определенной степени стимулируют напряженность в межнациональных отношениях, сопровождающуюся межэтническими конфликтами, начинают появляться различные оппозиционные группы, добивающиеся желаемого результата через экстремизм и терроризм.

Экстремизм и его разновидность терроризм продолжают представлять реальную опасность как для международного сообщества в целом, так и для нашего государства в частности.

Сложность ситуации, в которой оказалась современное общество, определяется тем, что в обществе социально-экономической нестабильности, высокой рискогенности проблема социального самоопределения, выбора той или иной идентификационной стратегии в процессе социальной интеграции происходит в условиях кризиса социокультурной идентичности.

Современный терроризм представляет сложную систему, состоящую из комплекса взаимодополняющих процессов – идеологических, криминальных, военных, экономических, политических, религиозных и националистических. Тем не менее, анализ различных толкований терроризма позволяет выделить содержащиеся в них его общие признаки, компоненты, комплекс которых способен дать достаточно объективное представление о социально-политическом феномене терроризма.

Среди всех предпосылок терроризма место психологических предпосылок является одним из основных, т.к. основу психологического познания терроризма составляет анализ психологических мотивов этого преступления. Имеется в виду, не внешние видимые причины поведения отдельных лиц, совершающих террористические акты, а собственно мотивы – как смысл, субъективное значение такого поведения.

Главный вопрос, возникающий здесь: в чем выигрыш, в первую очередь психологической, от совершения соответствующих действий для самого виновного, в том числе и в тех случаях, когда он действует за материальное вознаграждение. Последнее обстоятельство выделено в связи с тем, что корыстные стимулы лишь внешне выглядят естественными мотивами, а под ними, в глубине, на бессознательном уровне, функционируют еще и другие, не менее мощные побуждения, которые достаточно часто являются ведущими мотивами.

Таким образом, следует, что корни терроризма лежат не только в психологии, но и в политических, экономических и иных социальных отношениях. Терроризмом занимаются люди не в силу психологических аномалий, хотя последние, как уже отмечалось, могут иметь место и их наличие дает возможность глубже понять личность террористов, особенно непосредственных исполнителей, сколько аномалий политических, экономических, территориальных, идеологических, религиозных и т.п. Разрушая и убивая, террористы преследуют отдаленные цели, а сами убийства и взрывы рассматриваются ими лишь как средства достижения целей.

Психологические аспекты терроризма и экстремизма

Психологические истоки экстремизма тоже связаны с состоянием экономики. Их формирует экономический спад развития общества, когда резко ухудшаются жизненные условия. Это делает человека бессильным против невыносимых обстоятельств, озлобляет, делает его агрессивным.

По мнению В.А. Мамедова и Д.В. Деккерта, появление экстремизма детерминируется следующими обстоятельствами: 1) социальными и экономическими потрясениями, постоянной реформистской деятельностью, осуществляемой органами государственной власти и порождающей нестабильность гражданского общества; 2) кризисом института семьи и семейного воспитания; 3) кризисом системы образования; 4) коммерциализацией средств массовой информации и художественной литературы, приводящей к подмене нравственных и культурных ценностей.

К основным чертам экстремистской личности относятся: стремление к насилию или его угрозе; одномерность, однобокость в восприятии общественных проблем, в поиске путей их решения; фанатизм, одержимость в стремлении навязывать свои принципы, взгляды оппонентам; бездумное, беспрекословное выполнение всех приказов, инструкций; опора на чувства, инстинкты, предрассудки, а не на разум; неспособность к толерантности, компромиссам, либо игнорирование их; черно-белый взгляд на политический процесс, жесткое противопоставление «своих» и «чужих» [3].

В.А. Мамедов отмечает, что проявления экстремизма стали возможными в результате коренной ломки стереотипов поведения, складывавшихся веками и освященных культурой [3]. Современная российская культура до сих пор находится в кризисном состоянии, причем, как и само общество. С одной стороны, значимость культурного развития населения для успешной реализации социальных проектов и выхода из кризиса не в полной мере осознается органами управления, с другой – коммерциализация культурного процесса все более заметно уходит от норм и ценностей «высокой» культуры к усредненным образцам агрессивной массовой культуры.

К важнейшим из указанных выше факторов относятся: экономические, социально-политические и идеологические.

В первую группу входят: различные экономические кризисы, сопровождающиеся безработицей, обнищанием большей части населения и утратой ею своего социального статуса; криминализация определенной части экономики; возникновение значительного социального расслоения в обществе; наличие на той или иной территории значительных запасов природных богатств или выгодное географическое расположение, что может вызвать рост сепаратистских настроений и, как следствие, различные экстремистские проявления.

Личность террориста заслуживает внимания. Изучение личности террориста – дело крайне трудное. Террористы практически не доступны исследователям. Они готовы встречаться с журналистами с целью пропаганды своих взглядов, но контакт с учеными и юристами для них не желателен. Зарубежные и отечественные ученые безуспешно пытались создать «профиль типичного террориста». Люди, которые присоединяются к террористическим группам, принадлежат к разным культурам, имеют различное этническое происхождение, исповедуют разные религии, придерживаются разных идеологий. Первое исследование личности террориста было проведено зарубежными учеными Ч.А.Расселом и Л.Х.Мельником. Они проанализировали индивидуальные характеристики 350 лидеров террористических групп из Аргентины, Бразилии, Германии, Ирака, Ирана, Ирландии, Италии, Японии, Палестины, Испании, Турции, Уругвая, активно действующих с 1966 по 1976 гг., т.е. в первое десятилетие современной террористической эры. Авторы выделили следующее (Таблица 1):

Таблица 11

Индикаторы	Основные показатели	Дополнительные показатели
Возраст	22–25 лет	отмечаются серьезные кросс-культурные различия

Пол	Мужчина	террористы-женщины в малом количестве
Образование	Высшее	небольшое в процентном соотношении количество необразованны или неграмотны
Социальный статус	доктора, банкиры, адвокаты, инженеры, журналисты, профессора университетов	студенты
Навыки	хорошее знание современного оружия, умение управлять разными видами транспорта, владение средствами связи	здоровые, сильные люди, неприметные по внешности и манере поведения, что позволяет им легко раствориться в толпе; они проходят строгий отбор и обучение, умеют переодеваться, могут подвергнуться пластической хирургической операции
Семейное положение	80% террористов были холостяками	только 20% состояли в браке

Итальянский исследователь Ф. Бруно перечисляет одиннадцать психологических черт, присущих террористам: двойственное отношение к власти; искаженное понимание действительности; приверженность стандартным поведенческим образцам; эмоциональную отрешенность от последствий своих действий; неопределенность сексуальных ролей; суеверие, вера в волшебство; стереотипное мышление; эго-разрушительные действия; ограниченность источников информации; восприятие оружия как фетиша; приверженность сильным субкультурным нормам [2].

Террористы — особый тип людей, у которых рациональные компоненты в поведении и характере почти отсутствуют, а эмоциональные преобладают до такой степени, что становятся аффективными. В этом отношении психика террористов приближается к психике «человека толпы». Низкий уровень культуры и искаженные представления об окружающем мире, о том, что только насилие и угрозы являются наиболее эффективными способами преобразования мира, делают личность террориста особым социокультурным феноменом. Обследование людей, причастных к терроризму в России, и сопоставление особенностей их личностей с личностями убийц, совершивших преступления на бытовой почве, показывает, что у 68% из них преобладали корыстные мотивы, а у

24% — мотивы освобождения арестованных и осужденных соучастников [4].

Таким образом, источник экстремизма как индикатора социального и политического неблагополучия – разнообразные кризисы. Ради достижения своих целей экстремисты обращаются к чувствам и предрассудкам людей, сознательно подавляя в них рациональное сознание. Участники экстремистских группировок являют собой особый психологический тип индивида, склонного к самовозбуждению, к потере контроля над своим поведением, к иррациональным поступкам.

Социально-психологические особенности террористических и экстремистских групп, их признаки и причины формирования

Прежде всего, экстремистские группы являются предприятиями для получения финансовых выгод от владения имуществом и деньгами завербованных членов или средством удовлетворения личных психологических потребностей руководителей этих групп. Последнее обстоятельство, безусловно, структурно во многом сближает их с экстремистскими группами политического характера. Экстремистские группы так же, как и политические, не только стремятся осуществлять личное влияние на уже завербованных ими членов (жертв), но и стараются, по возможности, распространить свое влияние шире, вплоть до участия в политическом процессе.

Как показывают результаты проведенного исследования, руководители экстремистских групп являются большей частью людьми с психопатическими чертами личности. Вместе с тем, они несомненно обладают рядом харизматических свойств или харизмой, что представляется особенно опасным, так как их харизматическое влияние может распространяться на очень широкие аудитории. Среди наиболее часто встречающихся харизматических черт у лидеров религиозных экстремистских групп можно выделить *психосексуальную привлекательность*, *маргинальность* или *противоречивость личности*, что создает ощущение некой загадки или избранности, умение создать вокруг себя уникальное психологическое поле.

В арсенале религиозных экстремистских групп находится ряд психологических приемов воздействия на потенциального члена организации или жертвы. Формы психологического воздействия варьируются от прямого принуждения при помощи угроз лишений или психологического нападения, обращенного к эмоциональному пласту личности, до более-менее тонкого манипулирования, где используются различные мотивировки личности — тщеславие, страх, самолюбие, жалость к себе, состояние глубокого психологического кризиса. Нередко между членами религиозных экстремистских групп удачно выстраивается система взаимобязательств, когда у жертв создается ощущение, что они

чем-то обязаны или должны группе. В психологическом арсенале вербовщиков религиозных экстремистских групп можно отметить некоторые приемы психологического влияния или манипуляции, среди которых следующие достаточно известные и используемые в широком спектре коммуникативных технологий.

Можно перечислить некоторые наиболее очевидные психологические ловушки, которые использовались в изученных религиозных экстремистских группах. Рискнем утверждать, что выделенные психологические схемы могут оказаться универсальными для организаций подобного рода. Среди них следующие: создание зависимых отношений по системе, которую условно можно назвать врач — пациент. Это выражается в первичном прощупывании человека на предмет беспокоящих его проблем — отсутствие социального успеха, денег, психологических умений, желание обладать некими сверхъестественными способностями и пр. Вербовщик экстремистской группы сразу берет на себя роль поводыря или специалиста-эксперта, вынуждая жертву вливаться в структуру зависимых отношений, по сути, навязывая зависимую по отношению к себе и организации роль.

Первым этапом вовлечения в экстремистское сообщество может являться прохождение неких тестовых испытаний, например, псевдопсихологического теста или собеседования, результаты которого всегда оказываются негативными для жертвы. Жертву убеждают, что исправит негативную картину, выделенную после прохождения испытаний, можно только путем занятий на специальных семинарах, очищающих процедур и т.д.

Также здесь используется отмеченный в американской социальной психологии принцип небольших уступок или принцип ноги в дверях, когда от жертвы добиваются желаемого поведения, вынуждая шаг за шагом делать небольшие уступки коммуникатору. Считается, что незначительная уступка провоцирует цепь дальнейших.

Угрозы во имя блага. Так можно определить еще один характер психологических взаимоотношений в структуре экстремистской группы. Этот метод касается как тех, кто выполняет роль вербовщиков, так и рядовых членов. В сознание членов группы вкладывается убеждение, что во имя утверждения господства организации можно нарушить как общечеловеческие, так и юридические законы. В структуре экстремистской религиозной группы выстраиваются авторитарные взаимоотношения, а также вкладывается убежденность, что во имя успеха дела группы можно и нужно оказывать влияние или давление на других людей как вне, так и внутри организации, не испытывая при этом психологических переживаний.

Психологические или моральные переживания, которые могут возникнуть у людей как обучающихся, так и вербующих, снимаются максимум — страданием во имя блага. Член экстремистской религиозной группы в потенциале, если будет соответствующее распоряжение, должен быть готов к выполнению силовых поручений организации. Если это потребует, члены группы должны быть готовы и к совершению террористических актов во имя идеи создания некоего глобального мира, построенного на принципах их религиозного учения.

Сопровождение и контроль. Каждый член экстремистской организации находится под постоянным контролем, как прямым, так и собственным, основанным в большей степени на чувстве вины за возможное нарушение принципов организации.

Выстраивание системы ошибок. Нахождение и обучение в организации строится таким образом, что человек постоянно находится в ситуации совершения различного рода ошибок. В итоге, во-первых, возможные вопросы о том, что, например, группа не дала обещанного, отсекаются сами собой, а, во-вторых, опять выстраивается зависимое поведение.

Вкладывается следующая структура убеждений — если ты не заработал денег или не стал счастливым после прохождения очистительных программ, в этом виноват ты и только ты. Значит, на каком-то этапе ты совершил ошибку, не совсем верно или неверно исполнял рекомендации учителя.

Основной вывод, который можно сделать, заключается в том, что существенной психологической уловкой, удерживающей людей в религиозных экстремистских группах, является конструирование системы зависимых отношений, основанных на чувстве вины, создание системы совершения ошибок в процессе обучения, а также необходимость проходить бесконечные обучающие уровни. Человек погружается в систему навязчивых зависимых отношений. Личность в такой ситуации психологически подавляется. Наряду с этим в структуре Я-концепции членов экстремистских групп, это опять же роднит их с политическими экстремистскими сообществами, внедряется новая идентичность, которая вытесняет все остальные. Данная идентичность обычно основывается на идее построения некоего глобального мира, построенного на догматах того или иного религиозного учения.

Психология личности члена радикальной (асоциальной) и «деструктивной организации»

Люди, вступающие в ряды радикальной группировки (далее: террористы) или «деструктивной организации» (далее: культисты) — это выходцы из разных социальных слоев и жизненных сфер. Существует определенный набор личностных черт, которыми должны обладать члены

радикальных групп. Есть основания полагать, что эти черты во многом сходны с теми, которые отличают приверженцев религиозных культов. Серьезные изменения личности, связанные с принадлежностью человека, к какому-либо культу и принятием его нормативной системы.

Изучив различные социальные группы, психологи пришли к следующему обобщению. Существуют следующие социальные и характерологические особенности индивидов, склонных к индоктринации (подразумевается, в том числе и «скачок») (Таблица 2):

Таблица 2

Социальные особенности	Психические расстройства
дети, внуки и родственники культистов или террористов	склонные к конфабуляциям (разновидность «ложных воспоминаний», «галлюцинации воспоминания»)
лица из неполных семей	лица с паранойяльной настроенностью
лица из асоциальных семей	психастеники
лица с ограниченными физическими возможностями лица	зависимый тип личности
лица из семей с гиперопекой	пережившие тяжелые психотравмы
	лица с развитым эйдетическим восприятием (галлюцинация наяву)
	истероиды

Возрастная категория повышенной чувствительности — юношество 17–19 лет, когда возникает реальная жажда самоутверждения в социуме, однако сил для этого не хватает, а потому нужна поддержка покровителей, которые заведомо сильнее и образованнее самого человека. Достаточно продемонстрировать эффективность собственного поведения в кризисных ситуациях, для того чтобы стать кумиром молодого индивидуума. В юношеском возрасте очень сильна мотивация к формированию образа «Я» через отрицание отвергаемых моделей поведения. Самоопределение и самоутверждение осуществляется посредством контрастного и резкого разграничения собственной идентичности с наблюдаемыми вовне примерами судеб и моделей жизни. Общей чертой террористов и культистов является, таким образом, сильная потребность во включенности в группу подобных людей, связанная с проблемами самоидентичности.

Понятно, что членом радикальных или культовых группировок не становятся сразу. Прежде чем стать членом радикальной и деструктивной организации, человек проходит через апатию и другие формы социальной дезадаптации. Идентификация с асоциальной (радикальной или

деструктивной) группой обеспечивает таким людям социальную роль, хотя и негативную. Порвать с группой для данной «вовлеченной» личности почти невозможно — это равносильно психологическому самоубийству.

Представления «вовлеченной» личности могут быть уподоблены представлениям некоторых женщин, поддерживающих неудачный брак из соображения, что это лучше, чем быть незамужней. Для «вовлеченной» личности покинуть организацию значит потерять самоидентичность. «Вовлеченная» личность имеет столь низкую самооценку, что для него отказаться от заново обретенной самоидентификации практически невозможно. Эти вовсе не авторитарные люди становятся, таким образом, членами жестко авторитарных групп. Включаясь в такую группу, они обретаю защиту от страха перед авторитаризмом. При этом любое нападение на группу воспринимается ими как нападение на себя лично. Соответственно любая акция извне значительно увеличивает групповую сплоченность. Об этом необходимо помнить, организуя информационную борьбу с террористическими и культовыми организациями. По мере того как «вовлеченная» личность проникается идеологией своей организации, он усваивает абсолютистскую риторику и новояз.

Подобная ситуация (процесс) побуждает «вовлеченных» личностей к нанесению ударов по обществу и врагу, кто бы им ни считался. Врага определяют лидеры-гуру организации. Они намечают мишени, а также методы нападения, которые следует использовать. Одновременно определенным группам населения (оппозиционным государству и т.п.), дают понять, что в обмен на обязательства, взятые на себя террористической или культовой организацией, эти группы тоже должны взять на себя обязательство поддержки террористов (культистов). Возникает своеобразная круговая порука, позволяющая лидерам террористов и культистов требовать от указанных групп финансирования, снабжения, укрывательства, поставки рекрутов и т.п. Этим в террор или культ прямо или косвенно втягиваются уже большие группы населения, создающие его социальную базу и затрудняющие создание в обществе сопротивления насилию. Отличительные черты деятельности деструктивных групп от террористических (Таблица 3).

Таблица 3

№	Группы риска	Форма деятельности
1	Деструктивные группы/ радикальные террористические организации	используют одни и те же техники реформирования мышления (контроля сознания), что и
2	Деструктивные организации	предпочитают захват предприятий и социальных групп для дальнейшего

		перераспределения их ресурсов в свою пользу, а не террористические акты с целью уничтожения предприятий или лидеров социальных групп
3	Деструктивные организации	предпочитают избегать внимания СМИ
4	Деструктивные группы/радикальные террористические организации	атмосфера внутри культовых и террористических групп во многом идентична, что вызвано общими особенностями сознания «вовлеченных» личностей
5	Деструктивные группы/радикальные террористические организации	истоки проблематики существования терроризма и «деструктивных организаций» одинаковы и есть смысл изучать их вместе в рамках феномена контроля сознания, социологии, криминологии, виктимологии и социальной психологии

Хочется заметить, что определенные проблемы в нашем обществе необходимо решать совместно с государственными институтами власти, хотя трудно понять является ли сотрудничество со спецслужбами (в контексте рассмотренной проблемы) единственной панацеей от роста деструктивных и радикальных организаций. Но можно с уверенностью сказать, что без них эту проблему решить невозможно. Именно активная гражданская позиция должна по идее пробудить государство к более действующим мерам профилактики данных «социальных болезней».

Терроризм и деструктивная деятельность, как возможный «социальный феномен»

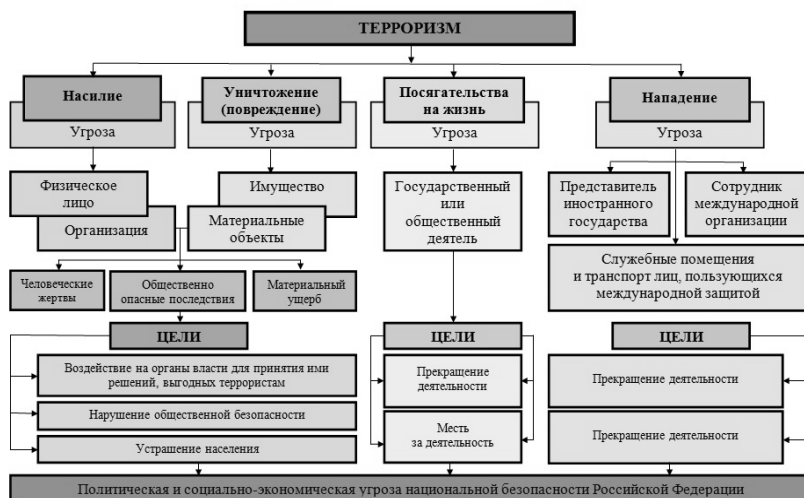
Экстремизм — приверженность к крайним взглядам и радикальным мерам. Терроризмом является крайняя форма проявления экстремизма, по мнению немецкого ученого Х.-Ю. Кернера. Особенностью терроризма является применение насилия как психического, так и физического, или угрозы его применения ради принуждения других субъектов к совершению определенных деяний. Терроризм опасен тем, что часто наносит людям психические травмы и непоправимые телесные повреждения, а также является причиной разрушения духовных ценностей. Часто в террористических актах пострадавшими оказываются люди, не имеющие никакого отношения к проблемам террористов.

Религиозный терроризм проявляется в крайней нетерпимости к представителям различных конфессий либо непримиримом противоборстве в рамках одной конфессии. С начала 80-х годов XX в. религиозный терроризм связывается в общественном сознании прежде всего с радикальным исламизмом. Сегодня он представляет собой мощное

интернациональное сообщество, охватывающее все исламские регионы планеты. Криминальный терроризм заключается в использовании уголовными преступниками методов насилия и устрашения, заимствованными из практики террористических организаций (Рис.1).

Рисунок 1

Схема 1. Структурно-логическая схема понятия «терроризм»

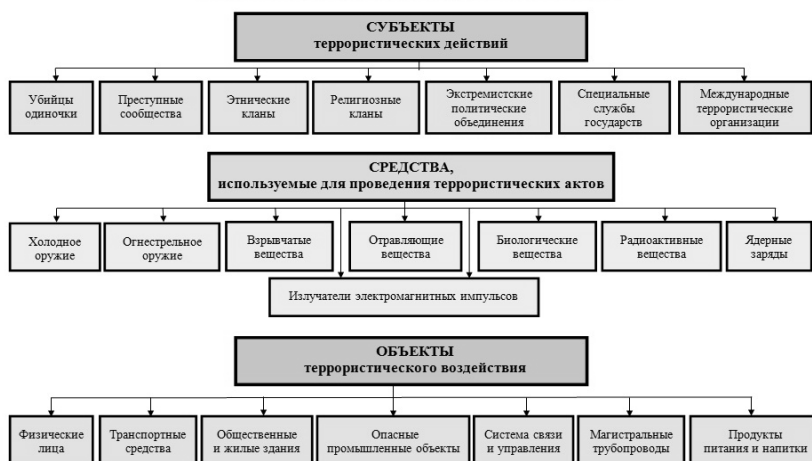

Терроризм был бы бессмысленным, если бы результаты его результаты не были известны в каждом доме благодаря телевидению. Кроме того, по причине телевидения постоянно раскрывается информация о размещении, оснащении полиции, пытающейся разрешить инцидент. Метод устрашения — эффективный инструмент борьбы за изменение общественного мнения в пользу расширения спецслужб, их полномочий и финансирования (Рис.2). Процесс группового манипулирования делится на следующие стадии: «Эмоциональная актуализация ксенофобий» — психологическая обработка, реализуемая с помощью специальной литературы и средств массовой информации, направленная на то, чтобы задеть наиболее чувствительные струны человеческой психики, которая затрагивает честь и личное достоинство каждого представителя религиозной группы или этноса. «Практическая ориентация групп» — массовое сознание, подпитанное пропагандой «общественного возмущения», направляется на конкретные свершения с помощью политических целей, программ. Намеченные к реализации цели, конкретные программные установки и практические шаги должны быть

морально санкционированы господствующим в данной среде общественным мнением, после чего любые акции этого национального движения, даже если они сопряжены с неминуемыми беспорядками и кровопролитием, заведомо будут восприниматься как нравственно оправданные, отвечающие высшим интересам нации или конфессии. Как отмечалось ранее, терроризм и экстремизм прочно укоренились в социуме, в современном мире. От терроризма не застрахован никто. Его рост-масштабная угроза стабильности и безопасности социума. Большое имущественное расслоение населения приводит к тому, что общество перестает функционировать как единый организм, объединенный общими целями, идеями, ценностями. Терроризм и экстремизм являются деструктивными индикаторами социогенеза.

Рисунок 2

Схема 2. Типовая характеристика террористических действий

Человечеству в новом тысячелетии приходится заниматься созданием и изучением действенных механизмов обуздания деструктивного и крайне опасного феномена, превратившегося в постоянную, реальную угрозу для мирового сообщества. Правительства, политики и специалисты ведущих мировых держав заняты поиском адекватных механизмов защиты от терроризма. В наши дни ученые и практические работники стали проявлять огромное внимание к этой проблеме, пишутся книги и статьи, издаются специальные журналы. Терроризм — явление многоплановое: сюда входят политические, правовые, психологические, философские, исторические, технологические и иные аспекты жизни современного общества. Также и в других странах

этому опаснейшему феномену современности посвящена масса работ политико-публицистического и, в меньшей степени, академического толка, большинство из которых увидело свет в последние пять лет. Но следует признать, что современный терроризм продолжает оставаться сложным и плохо изученным явлением.

Литература

1. Конституция Российской Федерации, принята на всенародном референдуме 12 декабря 1993 года, вступила в силу 25 декабря 1993 года. [Электронный ресурс] URL: <http://www.constitution.ru> (дата обращения 23.10.2018).

2. Бочарников И.В. Правый экстремизм в современном европейском пространстве // Дипломатическая служба. – 2017. – № 4. – С. 69-78.

3. Мамедов В.А., Деккерт Д.В. Футбольные хулиганы: учебное пособие. – Челябинск, 2006. – С. 43-44.

4. Роль технологий «мягкой силы» в информационном, ценностно-мировоззренческом и цивилизационном противоборстве / Под общей редакцией И.В. Бочарникова: монография. М.: Экон-Информ. – 306 с.

Инновации в методах вербовки, используемых террористическими организациями в цифровой среде

Каберник Виталий Владимирович

*ведущий эксперт Центра научных и инновационных проектов МГИМО
МИД России (г. Москва)*

В ходе многочисленных обсуждений проблемы противодействия идеологии терроризма (и экстремизма) на различных уровнях регулярно рассматриваются примеры построения и организации деятельности террористических группировок и методы противодействия вовлечению в террористическую или экстремистскую деятельность. Но при этом нередко остается слабо артикулированной проблема последовательности вербовки молодежи в террористические организации и возможности вмешательства в эту последовательность в интересах предотвращения радикализации. Данная статья призвана рассмотреть не только типичные процессы вербовки и их характерные стадии, но и обратить внимание на инновации в части формирования посылов и нарративов вербовки, используемых террористами в своих повседневных практиках.

Вне зависимости от идеологической платформы и изменяющейся оценки их деятельности — сегодня они могут быть признаны членами освободительного движения, а завтра объявлены непримиримыми террористами, — все террористические организации объединяются по признаку допустимости использования террористических методов, тактик или иных форм насилия в достижении политических, идеологических или религиозных целей. При этом идеологическая платформа террористических и экстремистских организаций может рассматривать террор и экстремистские проявления как временную, переходную форму борьбы за «правое дело», не выдвигая его в качестве основы своей идеологии.

Методологической ошибкой значительного числа исследований в области противодействия терроризму является рассмотрение терроризма как идеологии. На практике, рассмотрение идеологической платформы различных международных террористических группировок не выявляет значимого сходства между ними. Более того, внимательное изучение идеологических конструктов, предлагаемых вербовщиками потенциальным кандидатам к вступлению в террористические группировки, позволяет сделать вывод об эклектичности и синтетичности псевдоидеологических конструкций, которые составляют основу пропагандистских материалов, распространяемых террористическими организациями. Эти материалы разрабатываются на высоком профессиональном уровне специалистами в области пропаганды и

контрпропаганды, ведения психологической борьбы и информационных кампаний. И это неудивительно, с учетом того, что, например, ядро ИГ сформировано на базе профессионалов иракской партии Баас, причем многие из них имели практический опыт работы в спецслужбах Ирака. Таким образом, корректнее говорить не об идеологии терроризма, а о террористических воззрениях, методах использования организованного насилия, которые рассматриваются террористическими организациями как допустимые в интересах достижения своих целей.

Как показано в статье Пьянковой С.Д. [1], «Допустимость насилия как легитимного метода политического, идеологического или религиозного самоопределения представляет собой классическую форму «этической ловушки» для государственных акторов. Обладая монополией на насилие, государства склонны избирательно признавать или отвергать легитимность его использования отдельными группировками, действующими в русле продвигаемых национальных интересов, преимущественно вне национальных территорий».

Рациональная часть нарратива террористических организаций практически всегда основана на посылке о том, что насилие является приемлемым методом достижения любой цели, что подкрепляется многочисленными историческими примерами. Для тех организаций, которые не ставят во главу угла собственно идеологию насилия как основную практику в осуществлении своей деятельности, – то есть не рассматривают террористические методы как неотъемлемую часть своей идеологической платформы, – насилие в пропаганде преподносится как временное зло, метод борьбы за движение к «более справедливому» обществу. «Временный» характер насилия на фоне лозунгов о справедливой борьбе способен примирить многих потребителей пропаганды экстремистских идеологий с его неизбежностью.

На фоне подходов и пропагандистских методов, оправдывающих применение насилия, идеологическая конструкция, под эгидой которой потенциальному террористу преподносится необходимость присоединения к движению, может быть, строго говоря, произвольной. При этом эклектичность идеологического конструкта способствует простому формированию «индивидуализированной» конечной идеологии на основе основных смысловых блоков общего нарратива. Иными словами, вербуемый никогда не видит полной картины идеологического конструкта и его смысловых блоков, которые могут оказаться внутренне противоречивыми. Вместо этого ему предьявляется упрощенная и законченная конструкция, сформированная интерактивно, в общении с вербовщиком, причем эта конструкция отвечает собственным воззрениям вербуемого в высокой степени.

Типичным посылом, используемым вербовщиками, является апелляция к проявлениям социальной несправедливости. Однако, одновременно с этим рядом исследователей по результатам опросов и бесед с завербованными несостоявшимися террористами было доказано, что наиболее уязвимыми к психологической обработке являются люди, находящиеся в подавленных состояниях изначально. Вербовщики эффективно пользуются состоянием фрустрации молодежи, умеют его распознать и использовать для канализации слабо оформленного недовольства или депрессии в направлении, выгодном им с целью вовлечения в террористическую деятельность. В ряде случаев вербовщикам удается вызвать состояние первичной фрустрации намеренно, но чаще они инициируется внешними причинами, в том числе личного или семейного характера, и молодежь является наиболее уязвимой частью населения, в том числе по причине сильных и разнонаправленных эмоциональных переживаний и частой смены настроения в переходный и/или подростковый период. С.Д. Пьянкова корректно отмечает, что «на первой стадии воздействия психика человека дестабилизируется, вызывается сильный стресс», но при этом рассматривает только случаи преднамеренной фрустрации вербуемого, в то время как он может быть уже изначально уязвим по причине нахождения в стрессовом состоянии по любым внешним причинам.

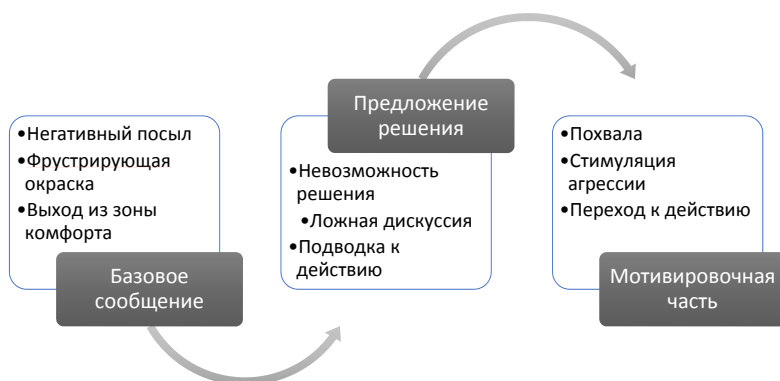
Первая стадия фрустрации в общей последовательности вербовки является недостаточной, поскольку вербуемый все еще сохраняет комплекс убеждений, противостоящий идеям допустимости насилия во имя достижения каких-либо целей. На этой стадии задачей вербовщика является формирование видимой общности, доверительных отношений с вербуемым. Но одновременно с этим он заинтересован в поддержании необходимого уровня подавленности и уязвимости к воздействиям. В этих условиях формируется базовое сообщение, постановка проблемы в рамках стандартной риторической стратегии.

Постановка проблемы, в общей концепции формирования риторической стратегии, происходит в пространстве ценностной парадигмы. Очень часто комплекс ценностей, к которым апеллирует вербовщик, ассоциируется с идеями социальной справедливости, высказанными на высоком уровне абстракции. При этом внутри фрейма риторической стратегии должно формироваться рациональное решение, либо предложение решения, но во многих случаях для закрепления воздействия вербовщик не предлагает такого решения напрямую. Напротив, в интересах усугубления подавленности и психологической уязвимости вербуемого, вербовщики нередко имитируют подавленность сами, вовлекая собеседника в имитацию дискуссии.

Конечной целью вербовщика на этом этапе реализации риторической стратегии является стимуляция формирования квазирационального фрейма самим вербуемым. Иными словами, вербовщик подталкивает вербуемого к решению о радикализации таким образом, чтобы это решение казалось вербуемому принятым самостоятельно. В ходе такой психологической манипуляции вербовщик может стимулировать решение не только путем поддержания ложной дискуссии, но также и вбросом соответствующих материалов, поддерживающих требуемый уровень фрустрации. Из этого следует, что типичной стадией вербовки, предшествующей окончательной, является формирование и усугубление второго фрустрирующего фрейма.

На стадии предложения решения, которое в наилучшем для вербовщика варианте индоктринации предлагается самим вербуемым, общение переходит на приватные каналы, где вербовщик может передавать вербуемого другому сообществу для закрепления идей радикализации, либо продолжать его психологическое сопровождение. Эта стадия реализуется на уровне закрытых каналов коммуникации, иногда опирается на личное общение и дополнительные методы психологической обработки. Общая схема на этой стадии не выявляется, поскольку вербовщик может использовать как позитивные методы стимуляции агрессии – похвалу, продолжение общения, формирование совместного плана, – так и отрицательные: усугубление уровня подавленности и фрустрации для полного подавления воли вербуемого. Конкретные тактики на третьей стадии подбираются индивидуально и зависят, в числе прочего, от предполагаемой роли вербуемого в организации, перспектив его участия, формата предполагаемой акции.

Исходя из вышеизложенного, общая схема вербовки может быть иллюстрирована следующей схемой:

Отметим, что эта условная схема воздействия и вербовки может оперировать в рамках любой идеологической, религиозной, культурной или социальной парадигмы.

При всем уровне отработки такой схемы она имеет — с точки зрения вербовщиков в террористические организации — ряд существенных недостатков:

- Необходимо довольно длительное и доверительное общение, поддержание контакта с вербуемым, а чем дольше поддерживается такой контакт, тем выше вероятность раскрытия вербовщика и его привлечения к ответственности;

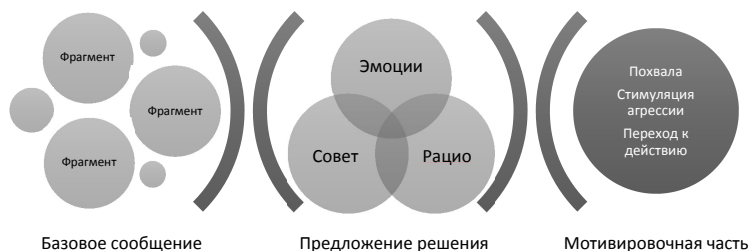
- Психологическая обработка вербуемого строится индивидуально, что не позволяет реализовать стратегии массового вовлечения в террористическую деятельность;

- Площадки, где проводится вербовка, могут наблюдаться службами, противодействующими распространению террористических воззрений и использоваться для внедрения своих специалистов в структуры, ассоциированными с вербовщиками.

Террористические организации, будучи заинтересованы в распространении своих воззрений одновременно со снижением уязвимости вербовщиков, прилагают систематические усилия по трансформации схем вербовки, основанных на личном общении. К сожалению, анализируя некоторые поступающие материалы, следует отметить, что они достигают существенных успехов в решении этой задачи.

Основным каналом распространения пропаганды терроризма сегодня является интернет. Особое внимание при этом уделяется нецензурируемым площадкам, в то время как время жизни пропагандистских материалов на общедоступных ресурсах типа YouTube недостаточно для оказания целенаправленного воздействия. Поэтому распространение пропагандистских материалов осуществляется через прямые ссылки на неконтролируемых ресурсах, не индексируемых поисковыми системами. В таком статусе обнаружение пропаганды в высокой степени затруднено, и она может существовать на протяжении достаточного времени, чтобы с ней успела ознакомиться широкая аудитория. Широко используется зеркалирование ресурсов, доступ по ссылкам, существующим в течение ограниченного времени. Получить ссылку на такой полузакрытый ресурс возможно только путем доверительной коммуникации, в частном общении, по приглашению.

Иными словами, первичное воздействие на вербуемых может в современных условиях осуществляться с использованием методов «мозаичного воздействия», которое иллюстрируется следующей схемой:

Основные компоненты в последовательности вербовки при этом не изменяются. Не изменяется и подход к организации завершающей стадии индоктринации, которая проходит в личном общении или с использованием закрытых каналов. Но при этом первые две стадии: фрустрирующая базовая часть и фрейм предложения квазирационального решения могут осуществляться без непосредственного участия вербовщика. Вместо плотного общения с вербуемым, длительного формирования доверительного отношения и ложной общности, вербовщики, пользуясь особенностями цифровой среды коммуникации, могут формировать информационные пакеты, воздействующие на субъекта, пользуясь ссылками, фрагментами сообщения, которое будет формироваться из отдельных частей. Отметим, что фрагменты сообщения при этом могут быть даже полностью легальны, но их тенденциозная подборка за счет гипертекстовой природы интернета все равно способна вызвать запрограммированную реакцию. В случае же использования запрещенного контента не имеет принципиальной значимости время жизни ссылки, поскольку она легко может быть подменена или изменена на иной источник. Кроме того, фрагменты могут взаимно дублировать друг друга, обеспечивая избыточность информации и гарантируя формирование итогового информационного сообщения даже если контролирующие органы препятствуют распространению такого контента.

Участие вербовщиков в коммуникации при организации мозаичного воздействия не исключается полностью, но его присутствие на площадке, где осуществляется коммуникация, становится гораздо менее длительным, что затрудняет их выявление. Кроме того, вербовщики могут поочередно и хаотично воздействовать не на индивидуального вербуемого, а на целую группу путем регулярной публикации информационных пакетов, собранных из таких фрагментов. Примечательным является свойство некоторой самоорганизации для такой формы воздействия, когда фрагментированный информационный пакет вербуемый адаптирует в соответствии со своими воззрениями самостоятельно, а поиск уязвимых объектов вербовки также в значительной степени самоорганизуется за счет

массовости коммуникативной стратегии и расширенного использования горизонтальных каналов.

Коммуникативные инновации, используемые вербовщиками террористических организаций, значительно осложняют организацию противодействия и выявление каналов вербовки в интернете. Типичная схема противодействия вербовке строится на разрыве цепочки воздействия, которая может осуществляться на уровне нарушения целостности базового сообщения, либо вклинивания в процесс предложения решения путем разрыва либо исходного посыла, либо квазирациональной аргументации. Но мозаичные воздействия многим менее уязвимы к методам разрыва целостности общих риторических стратегий, что дополнительно усугубляется тем, что формирование рационального фрейма возлагается на самого вербуемого, из-за чего становится крайне сложно выявить момент, необходимый для вмешательства. На практике это реализуется только лишь регулярным наблюдением с привлечением опытных психологов, знакомых с методиками вербовки и информационно-психологических воздействий.

Однако, вышесказанное не означает, что противодействие новым методам вербовки невозможно в принципе. Как было отмечено выше, первая стадия воздействия вербовщика сталкивается с необходимостью преодоления естественного сопротивления вербуемого. Чем сильнее в нем развито неприятие террористических воззрений, тем менее он будет подвержен воздействию методам психологического давления, даже если находится в состоянии стресса или по-иному уязвим психологически. Формирование устойчивого психологического блока позволяет обеспечить очень высокий уровень сопротивления молодежи проводимой пропаганде. В решении задач построения такой системы отторжения хорошую эффективность могут показать также отработанные методы контрпропаганды, используемые на различных уровнях, на разных площадках.

Следует еще раз подчеркнуть, что вербовщики и их методы ориентированы на заведомо уязвимую психологически молодежь. Депрессивные состояния, сильный стресс, частые перемены настроения и другие симптомы при организованной системе мероприятий по их мониторингу и купированию на ранних стадиях могут быть эффективно замечены и преодолены. Вне зависимости от рисков вербовки, – которые находятся в тесной взаимосвязи также и с кругом общения молодого человека – важным становится также и превентивное реагирование на негативный психологический фон, поддержка молодежи в проблемных жизненных ситуациях как внутри семьи, так и на уровне образовательных учреждений.

Литература

1. Пьянкова С.Д. О некоторых сценариях противодействия организации пропаганды террористических организаций, в сборнике «Противодействие идеологии терроризма в образовательной сфере и молодежной среде». — М.: МГИМО-Университет, 2018.
2. Bloom M. Constructing Expertise: Terrorist Recruitment and “Talent Spotting” in the PIRA, Al Qaeda, and ISIS / *Studies in Conflict & Terrorism*, 2017. Vol. 40, № 7.
3. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. — 8-е изд., испр. и доп. — М.: ЛЕНАНД, 2017. — 308 с.
4. Почепцов Г.Г. Информационно-политические технологии. — М.: Центр, 2003. — 381 с.

Пропаганда и контрпропаганда в задачах противодействия идеологии терроризма и экстремизма

Тимофеева Оксана Александровна

преподаватель департамента медиа факультета коммуникаций, медиа и дизайна Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва)

Успешность противодействия идеологиям терроризма и экстремизма зависит от целого ряда факторов: географический охват, согласованность стратегий и тактик отдельных институтов общества, глубина изучения свойств и деталей пропаганды и т.д.

Значительную часть террористической активности составляет коммуникативная деятельность, при этом ее сложно назвать целостной по информационному наполнению. Она эклектична и содержит в себе множество квазиидеологических конструктов: в каждом конкретном случае речь идет больше о конкретных методах решения проблем и удовлетворения потребностей аудитории, на которую ведется пропаганда, а не о монолитной, единой идеологии. Тем не менее даже эту мозаику можно структурировать и рассматривать несколько глобальных уровней существования террористических нарративов: макро, средний и микро.

- На макроуровне формируется и обосновывается актуальность будущего сообщения, проводится работа по достижению максимального охвата аудитории и эффекта воздействия;
- На среднем уровне фокус внимания смещается к конкретной среде, формату сообщения и каналам коммуникации;
- На микроуровне разрабатывается конкретное сообщение, с опорой на аппарат психологического воздействия и исходя из потребностей конкретной аудитории, которая в случае пропаганды терроризма и экстремизма затрагивает в первую очередь уязвимые слои населения.

Методы контрпропаганды

И хотя некоторые исследователи подвергают сомнению саму необходимость противостояния нарративам терроризма и экстремизма, объясняя это защитной природой контрпропаганды и напоминая уроки из прошлого, большинство все же условно делит контрпропаганду на два типа, выделяя кроме оборонительной части еще и наступательную. Только связка методик и техник из этих двух групп позволяет разработать эффективное сообщение для аудитории с учетом ее психосоциальных особенностей и контекста, в котором она существует.

Наступательная контрпропаганда тесно связана с областью политической психологии, заимствуя основные принципы и техники.

Основная цель наступательных методов — принуждение противника к ответной реакции на его же территории (как с точки зрения каналов коммуникации, так и на дискурсивно-риторическом уровне), т.е. в идеальном случае перехват инициативы в коммуникационном процессе и управление деятельностью противника. Для наступательной контрпропаганды типичны непредсказуемые, абсурдные и аффективные действия, “грязные методы”, критическая реклама, черный PR, использование слухов, фельетонов и эпитграмм, обидных кличек и прозвищ. Значительную часть подобных медиатекстов может составлять несочувствующая контрриторика истерии и неискренности. Рассмотрим некоторые классические приемы и техники.

1. Один из самых распространенных приемов называется **«ловушки»** — это заманивание оппонента на «опасное» информационное поле, где будет наноситься основной удар. Фактически эта техника относится к черному PR, т.к. в основе лежит максимально широкое освещение в медиасреде и на других публичных аренах неудач и ошибочных действий оппонентов.

2. Приемы **«перенос негатива»** и **«перенос образа»** могут существовать как по отдельности, так и использоваться в связке. Оба они основываются на так называемом эффекте «ореола», т.е. на переносе качеств и свойств одного объекта на другой. В случае наступательной контрпропаганды речь идет о переносе однозначно негативных качеств и об актуализации неприязни, страха и отвращения у аудитории в отношении идей, организаций или конкретных людей с целью их постепенной дискредитации.

3. Использование **слухов** и сарафанного радио позволяет анонимизировать автора сообщений и отделить их от тем, циркулирующих в СМИ. Этот эффективный метод психологического воздействия позволяет усилить латентные стереотипы и представления аудитории о враждебных идеях и их носителях.

4. Прием **«социальное отторжение»** используется для создания иллюзии неодобрения тех или иных действий оппонента со стороны общественного мнения. Они представляются как чуждые и противоречащие общественным нормам и традициям. Основы для этого приема наступательной контрпропаганды можно обнаружить в концепции «Спирали молчания» Э. Ноэль-Нойман, объясняющей замалчивание непопулярного мнения или мнения меньшинства страхом социальной изоляции.

5. Техника **«имитационной дезинформации»** основывается на внесении точечных изменений в пропаганду противника, за счет чего у аудитории снижается доверие и к идеям, и к их источнику, и формируется негативный образ.

6. Наиболее эффективным приемом в арсенале наступательной контрпропаганды является актуализация или **стимулирование страхов** у аудитории. В основе этого процесса лежит базовый человеческий инстинкт самосохранения, тревога за жизнь и за будущее. Используя это психологическое свойство человека, представляется возможным сформировать в его сознании негативную ассоциацию между оппонентом и неблагополучием, угрозами.

7. Следующий прием, связанный с размещением оппонента в координатах «за» и «против», называется **«смещение семантического поля»**. Фактически контекст существования оппонента начинает рассматриваться в негативном ключе с помощью смены в сознании аудитории акцентов на его убеждениях.

8. Прием **«игра контрастов»** необходим для формирования определенного имиджа оппонента с помощью актуализации диссонанса между известными фактами о его деятельности и контекстом существования.

Оборонительные методы контрпропаганды, как уже было сказано выше более естественны, их главная задача — противодействие подрывной пропаганде противника. В основе оборонительных методов лежат более простые действия, лишь частично использующие психологию влияния.

1. Метод **«прямого опровержения»** различных пунктов пропаганды противника сложно назвать эффективным, из-за фактического расхождения риторик сообщений: рациональное опровержение практически никогда не может противостоять эмоциональному психологическому воздействию извне, формирующему прочный жизнеспособный стереотипический нарратив в сознании аудитории поэтапно.

2. Метод сознательного **«игнорирования»** тех или иных тем пропаганды противника также неэффективен, если речь идет не о незначительном и краткосрочном “выпаде”, а о циркуляции и диффузии многослойных нарративов.

3. Техника **«отвлечения»** состоит в смещении фокуса внимания аудитории с основных тем пропаганды противника на другие. Фактически в данном случае речь идет об эффективности управления повесткой дня и масштабе владения медиаресурсами.

4. **«Снижение значимости»** является переключением фокуса внимания аудитории на отдельные несущественные или менее негативные составляющие внутри отдельной темы.

5. Метод **«превентивной пропаганды»** может быть также назван «перехватом повестки» заключается в анализе тематического поля противника и заблаговременном присваивании тем, которые могут быть использованы противником. Применение этой техники позволяет

настроить аудиторию более критично к информации, которая поступит следом.

6. В качестве противодействия методу «слухи» в пропаганде оппонента наиболее рационально использовать собственные **«контрслухи»** по каждому тематическому элементу.

7. Метод **«смягчения риторики»** подразумевает эвфемизацию сообщения с целью снижения его значимости путем использования менее эмоциональной лексики.

8. **«Подмена приоритетов»** позволяет переключить внимание аудитории на незначимые или даже несуществующие проблемы, выводя их на публичные арены и подменяя ими темы, играющие значительную роль в пропаганде противника.

9. Метод **«информационного заглушения»**, в основе которого лежит культурный феномен информационного шума, возникший в XX века благодаря развитию технологий передачи и распространения информации. Информационное заглушение фактически сводится к тиражированию несущественной, незначительной информации с целью искажения ее смысла или усложнения ее восприятия целевой аудиторией.

В задаче противодействия пропаганде террористических идеологий различные методы имеют разный уровень применимости, который можно свести в следующую таблицу:

№	Название метода	Применимость
Наступательная контрпропаганда		
1	Ловушки	Частично
2	Перенос негатива	Да
3	Перенос образа	Да
4	Слухи	Частично
5	Социальное отторжение	Да
6	Имитационная дезинформация	Нет
7	Стимулирование страхов	Нет
8	Смещение семантического поля	Нет
9	Игра контрастов	Нет

Оборонительная контрпропаганда		
1	Прямое опровержение	Да
2	Игнорирование	Нет
3	Отвлечение	Нет
4	Снижение значимости	Нет
5	Превентивная пропаганда	Да
6	Контрслухи	Частично
7	Смягчение риторики	Нет
8	Подмена приоритетов	Да
9	Информационное заглушение	Частично

Контрпропаганда может принимать самые разные формы, что объясняется необходимостью использовать традиционную слабость любой идеологической пропаганды — стремление к росту числа сторонников, а не качества их поддержки.

Контрпропаганда почти всегда стремится к тому, чтобы раздробить возникающие крупные аудитории той или иной идеи, внести раскол в образующиеся сообщества, показать и проявить противоречие в пропагандируемой идее.

Заключение

Анализ особенностей пропаганды терроризма и экстремизма позволяет сделать ряд значимых выводов:

Действие пропаганды терроризма и экстремизма реализуется точно, она не рассчитана на общество в целом, но затрагивает уязвимые, незащищенные категории людей. Это не дает нам возможности оперировать понятием «идеология» ни с точки зрения «нейтральных» концепций, ни с позиции «критических», т.к. отсутствует единство символических форм, вместо него наблюдается эклектика, мозаичность квазиидеологических конструкций.

В отсутствии четких очертаний единой идеологии терроризма и экстремизма крайне сложно осуществлять контрпропаганду, привычными методами, необходимо такое же точечное воздействие на отдельные группы целевой аудитории, понимание их потребностей и психологических особенностей. Нехватка информации о социо-демографическом и психографическом срезам уязвимых для пропаганды

терроризма и экстремизма категорий населения приводит к неэффективному выстраиванию собственного комплекса мер противодействия в части используемых методов, риторики и каналов коммуникации.

Привычные техники пропаганды и контрпропаганды, характерные для XX века и, в частности, для военного противостояния, в ситуации противостояния пропаганде терроризма и экстремизма могут низкую эффективность или не работать вообще. Это обусловлено рядом причин:

- изменение ритма жизни обществ (мирная жизнь существенным образом расслабляет аудиторию, смещая фокус внимания от потребностей в безопасности на потребности, связанные с самопознанием и самовыражением);

- персонализированный подход к отдельным индивидам и выделение рег-групп аудитории во всех сферах мирной жизни (коммерческий маркетинг, социальные сети и т.д.) снижает восприимчивость представителей аудитории к информации «для всех» и обуславливает необходимость персонализации и контрпропаганды в том числе;

- количество каналов коммуникации, используемое для пропаганды терроризма и экстремизма гораздо шире, чем применяется для контрпропаганды, заметен также качественный разрыв в выборе площадок для донесения информации и форме ее подачи.

Литература

1. Ingram H.J. A Brief History of Propaganda During Conflict: Lessons for Counter-Terrorism Strategic Communications. International Center for Counter-Terrorism (ICCT), Гаага, 06. 2016. — Режим доступа: <https://icct.nl/wp-content/uploads/2016/06/ICCT-Haroro-Ingram-Brief-History-Propaganda-June-2016-3.pdf> (дата обращения: 05.12.2019).

2. McQuail. Sociology of Mass Communication. Penguin, 1972.

3. Reed A. IS Propaganda: Should We Counter the Narrative? International Center for Counter-Terrorism (ICCT), Гаага, 17.03 2017. — Режим доступа: <http://www.icct.nl/publication/is-propaganda-should-we-counter-the-narrative> (дата обращения: 05.12.2019).

4. Thompson J.B. Ideology and Modern Culture: Critical Social Theory in the Era of Mass Communication. Stanford University Press, 1990.

5. Почепцов Г.Г. Информационно-политические технологии. М.: Центр, 2003.

Научное издание

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ИДЕОЛОГИИ
ТЕРРОРИЗМА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ
И МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

СБОРНИК СТАТЕЙ

Составитель

Каберник Виталий Владимирович

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 № 436-ФЗ
данная продукция не подлежит маркировке

В авторской редакции

Компьютерная верстка *Е.П. Решетняк*
Художественное оформление *Е.С. Игнатова*

Подписано в печать 18.12.2019. Формат 60×84^{1/16}.
Усл. печ. л. 7,6. Уч.-изд. л. 7,1. Тираж 100 экз. Заказ 1816

Издательство «МГИМО-Университет»
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО МИД России
119454, Москва, пр. Вернадского, 76